

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Московский журнал международного права является профессиональной трибуной, открытой для различных точек зрения по вопросам толкования и применения норм современного международного права. Журнал нацелен на консолидацию творческих усилий юристов, представляющих российскую и зарубежную науку международного права в ее прогрессивном развитии и позитивном воздействии на международно-правовую практику. В журнале публикуются также результаты исследований национального права, в том числе иностранного, в общем контексте действия международного права.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Александр Николаевич ВЫЛЕГЖАНИН

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры международного права, руководитель Лаборатории международно-правовых исследований, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дмитрий Владимирович ИВАНОВ

(первый заместитель) кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Владимир Алексеевич КАРТАШКИН

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора прав человека, Институт государства и права, Российская академия наук (Москва, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аслан Хусейнович АБАШИДЗЕ

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, директор Юридического института, заведующий кафедрой международного права, Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация)

Адель Ильсиярович АБДУЛЛИН

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Уильям БАТЛЕР

доктор права, заслуженный профессор Школы права и международных отношений им. Джона Эдварда Фуллера, Университет штата Пенсильвания (Юниверсити-Парк, США)

Сергей Владимирович БАХИН

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Пол БЕРКМАН

доктор юридических наук, профессор, ассоциированный член ЮНИТАР, руководитель Арктического проекта Фулбрайт, Арктический университет Норвегии (Университет Тромсё) (Тромсё, Норвегия)

Александр ГЕРРЕЙРО

доктор права, ассоциированный член Института политико-правовых наук юридического факультета Лиссабонского университета (Лиссабон, Португалия)

Душко ДИМИТРИЕВИЧ

доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт международной политики и экономики (Белград, Сербия)

Лотар ДЕТЕРМАН

доктор права, лектор факультета права Калифорнийского университета в Беркли (Беркли, США)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Анатолий Васильевич ТОРКУНОВ

Академик Российской Академии наук, член Президиума Российской Академии наук, ректор МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дамир Камильевич БЕКЯШЕВ

доктор юридических наук, профессор, и.о.заведующего кафедрой международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Михаил Михайлович БИРЮКОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного права и прав человека, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Алексей Николаевич БОРИСОВ

кандидат политических наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Лариса Владиславовна ВЕРЕИНА

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Светлана Юрьевна КОЛОСОВА

магистр права, подполковник юстиции в отставке, Государственно-общественное объединение «Московский Дом ветеранов войн и Вооруженных сил» (Москва, Российская Федерация)

Александр Игоревич МУРАНОВ

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Людмила Васильевна ПАВЛОВА

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права факультета международных отношений, Белорусский государственный университет (Минск, Белоруссия)

Марат Алдангорович САРСЕМБАЕВ

доктор юридических наук, профессор, Центральная избирательная комиссия Республики Казахстан (Астана, Казахстан)

Геннадий Петрович ТОЛСТОПЯТЕНКО

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, первый проректор, профессор кафедры административного и финансового права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Андрей Адамович ТРЕБКОВ

заслуженный юрист РСФСР, кандидат юридических наук, председатель, Международный союз юристов (Москва, Российская Федерация)

Владимир Васильевич УСТИНОВ

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Сергей Алексеевич ЕГОРОВ
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Дипломатическая академия МИД России (Москва, Российская Федерация)

Анна Ивановна ИВАНЧАК
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Анатолий Яковлевич КАПУСТИН
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой международного права, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Москва, Российская Федерация)

Джон Энтони КАРТИ
доктор права, профессор международного права Пекинского технологического института, главный редактор Оксфордской онлайн-библиографии международного права (Оксфорд, Великобритания)

Рустам Альбертович КАСЬЯНОВ
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России (Москва, Российская Федерация)

Алексей Александрович КОСТИН
заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, Председатель МКАС и МАК при ТПП РФ, профессор, профессор кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Цзэнцзюн КУАН
профессор международного права, Китайский институт приграничных и морских исследований, Уханьский университет (Ухань, КНР)

Геннадий Иринархович КУРДЮКОВ
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Российская Федерация)

Дмитрий Константинович ЛАБИН
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Лев Александрович ЛАЗУТИН
заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права, Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург, Российская Федерация)

Евгений Григорьевич ЛЯХОВ
заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права, Российская таможенная академия (Москва, Российская Федерация)

Алексей Александрович МОИСЕЕВ
доктор юридических наук, вице-президент, Российская ассоциация международного права (Москва, Российская Федерация)

Юрий Эдуардович МОНАСТЫРСКИЙ
доктор юридических наук, партнер, юридическая фирма «Монастырский, Зюба, Степанов и Партнеры» (Москва, Российская Федерация)

Рейн МЮЛЛЕРСОН
доктор юридических наук, профессор, президент Академии права, Таллинский университет (Таллин, Эстония)

Борис Иванович НЕФЁДОВ
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя (Москва, Российская Федерация)

Тим ПОТЬЕ
доктор права, профессор и старший научный сотрудник Школы права и дипломатии им. Флетчера, Университет Тафтса (Массачусетс, США)

Низами Абдулла оглу САФАРОВ
доктор юридических наук, депутат Милли Меджлиса (Парламента) Азербайджанской республики, Председатель комиссии по социальным вопросам и правам человека Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, Руководитель рабочей группы по межпарламентским связям Азербайджан-Россия (Баку, Азербайджан)

Владислав Леонидович ТОЛСТЫХ
доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Российская Федерация)

Владимир Михайлович ШУМИЛОВ
заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития России (Москва, Российская Федерация)

Марк Львович ЭНТИН
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного права и прав человека, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Анна Ивановна ЕФИМОВА

Ph.D. (политические науки), доцент департамента политической науки, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)

Плата за публикацию

Публикация в журнале для авторов бесплатна.

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Московский журнал международного права зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 09.12.2000, свидетельство о регистрации: № 77-5895

ISSN (print): 0869-0049

ISSN (online): 2619-0893

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал включен в РИНЦ

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» 70893

Периодичность: 4 раза в год

Учредители: Международный союз общественных объединений юристов «Международный союз юристов»; Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Сайт: <http://mjil.ru>

Адрес: 119454, Российская Федерация, пр. Вернадского, д. 76, ком. 107

E-mail: mjil@mgimo.ru

Тел.: +7 (495) 229-38-23

Подписано в печать __.09.2025 г.

Тираж: 1000 экземпляров

Заказ № ____

Отпечатано в производственном отделе

Издательского дома МГИМО.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

mgimo.ru/id; id@inno.mgimo.ru

Выпускающий редактор номера – Н.Ю. Молчаков

Корректор – К.Е. Полтевская

Верстка – Д.Е. Волков

© «Московский журнал международного права», 2025

ABOUT THE JOURNAL

The Moscow Journal of International Law is a professional tribune open for various points of view on the interpretation and application of the norms of modern international law. The Journal is aimed at consolidation of creative efforts by lawyers who represent the Russian and foreign science of international law in its progressive development and positive impact on international legal practice. The journal also publishes the results of studies of national law, including foreign law, in the general context of application of international law.

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander N. Vylegzhanin

Doctor of Laws, Professor, Honorable Lawyer of the Russian Federation, Professor of the International Law Department, Head of the Laboratory of International Legal Research, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF

Dmitry V. Ivanov

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Vladimir A. Kartashkin

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Human Rights Sector, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (*Moscow, Russian Federation*)

EDITORIAL BOARD MEMBERS

Aslan Kh. Abashidze

Doctor of Laws, Professor, Honorable Lawyer of the Russian Federation, Director of the Law Institute, Head of the International Law Department, RUDN University (*Moscow, Russian Federation*)

Adel I. Abdullin

Doctor of Laws, Professor, Head of the International and European Law Department, Kazan (Volga region) Federal University (*Kazan, Russian Federation*)

William Butler

Doctor of Laws, the John Edward Fowler Distinguished Professor of Law, Pennsylvania State University (*University-Park, USA*)

Sergei V. Bakhin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International Law Department, Saint-Petersburg State University (*Saint-Petersburg, Russian Federation*)

Paul Berkman

Doctor of Laws, Professor, UNITAR Associated Fellow, Fulbright Arctic Chair in Tromsø with the Arctic University of Norway (*Tromsø, Norway*)

Duško Dimitrijević

Dr. Sci. (Law), Principal Research Fellow, Institute of International Politics and Economics (*Belgrade, Serbia*)

Lothar Determann

Dr., Lecturer at the UC Berkeley School of Law, The University of California, Berkeley (*Berkeley, USA*)

Sergey A. Egorov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International Law Department, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

EDITORIAL COUNCIL

PRESIDENT

Anatoly V. Torkunov

Doctor of Political Sciences, Professor, Rector of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Academician of the Russian Academy of Sciences, Member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences (*Moscow, Russian Federation*)

MEMBERS OF THE EDITORIAL COUNCIL

Damir K. Bekyashev

Doctor of Laws, Professor, acting Head of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Mikhail M. Biryukov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Department of Integration and Human Rights Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Alexey N. Borisov

Candidate of Political Sciences, Head of the UNESCO Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Svetlana Yu. Kolosova

Master of Laws, Retired Lieutenant Colonel of Justice, Public and Private Partnership Moscow House of Veterans of War and Armed Forces (*Moscow, Russian Federation*)

Alexander I. Muranov

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Ludmila V. Pavlova

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor at the International Law Department of the Faculty of International Relations, Belarusian State University (*Minsk, Belarus*)

Marat A. Sarsembaev

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Central Election Commission of the Republic of Kazakhstan (*Astana, Kazakhstan*)

Gennady P. Tolstopyatenko

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor, Vice-Rector, Professor at the Administrative and Financial Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Andrey A. Trebkov

Honoured lawyer of the RSFSR, Candidate of Juridical Sciences, Head of the International Union of Lawyers (*Moscow, Russian Federation*)

Larisa V. Vereina

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Vladimir V. Ustinov

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Presidential Envoy to the Southern Federal District (*Rostov-on-Don, Russian Federation*)

Mark L. Entin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Integration and Human Rights Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Alexandre Guerreiro

Doctor of Laws, associated member of the Institute of Political-Legal Sciences of the School of Law, University of Lisbon
(Lisbon, Portugal)

Anna I. Ivanchak

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

John Anthony Carty

PhD, Professor of International Law at Beijing Institute of Technology, Editor-in-Chief of the Oxford Bibliographies in International Law
(Oxford, Great Britain)

Anatoly Ya. Kapustin

Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of International Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
(Moscow, Russian Federation)

Rustam A. Kasyanov

Doctor of Laws, professor, professor of the Department of Integration and Human Rights Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Alexey A. Kostin

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Candidate of Laws, Chairman of the International Commercial Arbitration Court at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation, Professor, Professor of the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Zengjun Kuang

Professor of International Law, China Institute of Boundary and Ocean Studies, Wuhan University (Peoples Republic of China)

Gennady I. Kurdyukov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International and European Law Department, Kazan Federal University
(Kazan, Russian Federation)

Dmitry K. Labin

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Lev A. Lazutin

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International and European Law Department, Ural State Law University
(Yekaterinburg, Russian Federation)

Eugene G. Lyakhov

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Constitutional and International Law Department, Russian Customs Academy
(Moscow, Russian Federation)

Alexey A. Moiseev

Doctor of Juridical Sciences, Vice-President, Russian International Law Association
(Moscow, Russian Federation)

Yuri Ed. Monastyrsky

Doctor of Juridical Sciences, Partner, Monastyrsky, Zyuba, Stepanov & Partners Law Firm
(Moscow, Russian Federation)

Rein Müllerson

Doctor of Laws, Professor, President of Law School, Tallinn University
(Tallinn, Estonia)

Boris I. Nefyodov

Doctor of Laws, Associate Professor, Professor at the International Law Department, Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
(Moscow, Russian Federation)

Nizami A. oglu Safarov

Doctor of Juridical Sciences, Member of the Milli Majlis (Parliament) of the Republic of Azerbaijan, Chairman of the Commission on Social Issues and Human Rights of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States, Head of the Working Group on Interparliamentary Relations Azerbaijan-Russia
(Baku, Azerbaijan)

Tim Potier

Doctor of Laws, Professor of International Law and Senior Fellow, Fletcher School of Law and Diplomacy, Tufts University (Massachusetts, USA)

Vladislav L. Tolstykh

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the International Law Department, Novosibirsk State University
(Novosibirsk, Russian Federation)

Vladimir M. Shumilov

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International Law Department, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of Russia
(Moscow, Russian Federation)

ASSISTANT EDITOR**Anna I. Yefimova**

Ph.D. in Political Science, Associate Professor of the Political Science Department, National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russian Federation)

Author fees

Publication in «**Moscow Journal of International Law**» is free of charge for all the authors.

The journal doesn't have any Article processing charges.

The journal doesn't have any Article submission charges.

Moscow Journal of International Law was registered as mass media by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications on the 9th of December, 2000.

Registration certificate: № 77–5895

ISSN (print): 0869-0049

ISSN (online): 2619-0893

The Journal is on the List of leading peer-reviewed academic journals and editions where key scholarly results of Cand. Sci. and Dr. Sci. theses should be published.

The Journal has been included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

Subscription Index: 70893

Publication Frequency: Quarterly

Founders: International Union of Lawyers; Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Web-site: <http://mjil.ru>

Address: 76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

E-mail: mjil@mgimo.ru

Tel.: +7 (495) 229-38-23

Circulation: 1000 copies

Executive editor – Nikita Yu. Molchakov

Proofreader – Xenia E. Poltevsckaya

Typography – Dmitry E. Volkov

© «Moscow Journal of International Law», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ	ISSUES OF THEORY OF INTERNATIONAL LAW
<i>Геррейро А.</i> Соответствуют ли «санкции» Европейского союза против России международному праву?	6 <i>Guerreiro A.</i> Are European Union “Sanctions” against Russia Compatible with International Law?
<i>Вылегжанин А.Н., Сигаури-Горский Е.Р.</i> Роль научно-правовых исследований в кодификации и прогрессивном развитии международного права	24 <i>Vylegzhanin A.N., Sigauri-Gorsky E.R.</i> The Role of Legal Research in the Codification and Progressive Development of International Law
МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО	INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW
<i>Абдуллин А.И., Валиуллина К.Б.</i> Экологическая безопасность в системе национальной безопасности Российской Федерации: происхождение, развитие, современное состояние	44 <i>Abdullin A.I., Valiullina K.B.</i> Environmental Safety in the National Security System of the Russian Federation: Origin, Development, and Current State
МЕЖДУНАРОДНОЕ МОРСКОЕ ПРАВО	LAW OF THE SEA
<i>Буник И.В.</i> Переговоры между Канадой и Соединенными Штатами Америки о границе в море Бофорта: актуальные международно-правовые вопросы	59 <i>Bunik I.V.</i> Canada – United States of America Beaufort Sea Boundary Negotiations: Current Issues and Prospects
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА	HUMAN RIGHTS
<i>Киселева Е.В., Шпаковский А.В.</i> Ужесточение миграционной политики Соединенных Штатов Америки в свете ее генезиса и международного права	75 <i>Kiseleva E.V., Shpakovskii A.V.</i> Tightening of the United States Migration Policy in the Light of its Genesis and International Law
<i>Алиев Д.М.</i> Концепция целостности личности и нейрорights: обзор дискуссионных вопросов	92 <i>Aliyev J.M.</i> The Concept of the Integrity of the Person and Neurorights: a Review of Controversial Issues
<i>Жилкин А.С.</i> Мониторинг соблюдения прав человека в рамках Всеобщей системы преференций Европейского союза	102 <i>Zhilkin A.S.</i> Human Rights Monitoring under European Union Generalised Scheme of Preferences
МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО	INTERNATIONAL ECONOMIC LAW
<i>Язбердиев И.М.</i> Правовые механизмы рассмотрения споров по евразийским патентам: особенности регулирования и перспективы развития	119 <i>Yazberdiev I.M.</i> Legal Mechanisms of Resolution of Disputes on Eurasian Patents: Regulatory Features and Prospects of Developments

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-6-23>Research article
UDC: 341.225
Received 20 April 2025
Approved 25 August 2025**Alexandre GUERREIRO**School of Law, University of Lisbon
Alameda da Universidade, Lisbon, Portugal, 1649-014
atguerreiro@campus.ul.pt
ORCID: 0000-0002-7000-7190

ARE EUROPEAN UNION “SANCTIONS” AGAINST RUSSIA COMPATIBLE WITH INTERNATIONAL LAW?

INTRODUCTION. *The adoption of unfriendly measures against third States as a way to force a policy change is not new between States and can be legally acceptable in specific cases dictated by the United Nations Security Council or when in accordance with international law. When lacking a linking element between both the punishing and the punished States, sanctions are unilateral, which, in the end, equates to a violation of the customary principles of sovereign equality and non-intervention, thus violating international law. The European Union seeks the pursuance of a distinct approach against several States, including the Russian Federation. In the end, the main goal of this study is to be able to provide an answer to the following question: are EU sanctions against Russia compatible with international law?*

MATERIALS AND METHODS. *This study begins with the characterisation of the concept of “sanctions”, its typologies, its different ways of expression and the framework of sanctions under international law. It will be followed by an assessment on the political and legal position of the European Union on sanctions to then finalize with the specific case of the sanction’s regime adopted by Brussels against Russia. This work takes into account as main sources the instruments adopted by the United Nations’ Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights, as well as legal doctrine, jurisprudence and normative elements.*

RESEARCH RESULTS. *The result of the research conducted demonstrates the development of a trend within the European Union towards a concentration of powers in the Council of the European Union through vague and arbitrary normative instruments in order to adopt sanctions against third States. This trend gained more traction and legitimacy after the Treaty of Lisbon and is driven by the ambition of the European Union to directly influence the most significant international events and push for political changes in the targeted States, attempting to force the latter’s sovereign bodies to embrace the same values and principles as the Brussels based organization.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The notion of “sanctions” comprises two different mechanisms: decisions which, although may be unfriendly, are in accordance with international law; and unilateral coercive measures, which constitute breaches of international law. Despite the fact that the European Union’s sanctions regime is publicly presented under the name of “restrictive measures”, in the end, such measures are adopted outside the United Nations Security Council environment and lack a factual basis enough to justify such decisions, thus fitting in the scope of unilateral coercive measures, forbidden by international law.*

KEYWORDS: *sanctions, unilateral coercive measures, restrictive measures, European Union, economic warfare, sovereign equality*

FOR CITATION: Guerreiro A. Are European Union “Sanctions” against Russia Compatible with International Law? – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 3. P. 6–23. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-6-23>

The author declares the absence of conflict of interest.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-6-23>

Александр ГЕРРЕЙРО

Юридический факультет, Лиссабонский университет
Аламеда да Универсидад, Лиссабон, 1649-014, Португалия
atguerreiro@campus.ul.pt
ORCID: 0000-0002-7000-7190

Исследовательская статья
УДК: 341.225
Поступила в редакцию: 20.04.2025
Принята к публикации: 25.08.2025

СООТВЕТСТВУЮТ ЛИ «САНКЦИИ» ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ПРОТИВ РОССИИ МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ?

ВВЕДЕНИЕ. Принятие недружественных мер против третьих государств как способ принуждения к изменению политики не является чем-то новым для государств и может быть юридически приемлемым в конкретных случаях, определяемых Советом Безопасности Организации Объединенных Наций (далее – ООН) или соответствующих международному праву. При отсутствии связующего элемента между наказывающим и наказуемым государствами санкции являются односторонними, что в итоге равнозначно нарушению обычных принципов суверенного равенства и невмешательства, тем самым нарушая международное право. Европейский союз (далее – ЕС) стремится к применению особого подхода в отношении нескольких государств, включая Российскую Федерацию. Главная цель исследования – дать ответ на следующий вопрос: совместимы ли санкции ЕС против России с международным правом?

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Исследование начинается с характеристики понятия «санкции», его типологий, различных способов выражения и международно-правовой базы санкций. Далее последует оценка политической и право-

вой позиции ЕС в отношении санкций, которая завершается рассмотрением конкретного случая санкционного режима, принятого Брюсселем против России. В качестве основных источников в этой работе рассматриваются документы, принятые Специальным докладчиком ООН по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека, а также правовая доктрина, судебная практика и нормативные акты.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Результаты проведенного исследования демонстрируют развитие в ЕС тенденции к концентрации полномочий в Совете ЕС посредством неопределенных и произвольных нормативных актов для принятия санкций против третьих государств. Эта тенденция приобрела большую популярность и легитимность после Лиссабонского договора и обусловлена стремлением ЕС напрямую влиять на важнейшие международные события и добиваться политических изменений в государствах, против которых направлены санкции, пытаясь заставить их суверенные органы принять те же ценности и принципы, что и брюссельская организация.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Понятие «санкции» включает в себя два различных механизма: решения, которые, хотя и могут быть недружественными, соответствуют международному праву; и односторонние принудительные меры, которые представляют собой нарушение международного права. Несмотря на то что режим санкций ЕС публично представлен под названием «ограничительные меры», такие меры принимаются вне рамок Совета Безопасности ООН и не имеют достаточной фактической базы для обоснования таких решений, тем самым попадая под действие односторонних принудительных мер, запрещенных международным правом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: санкции, односторонние принудительные меры, ограничительные меры, Европейский союз, экономическая война, суверенное равенство

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Геррейро А. 2025. Соответствуют ли «санкции» Европейского союза против России международному праву? – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 6–23. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-6-23>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

1. Legal nature of coercive measures

1.1. Concept

Unilateral decision-making by States in response to sovereign decision-making by one or more states has long reflected an alternative to the use of force by states as a way of pressuring for a change in that State's behaviour or policy without resorting to the use of force. A popular concept in the political world is “sanctions”, which corresponds to “measures taken by one State to compel a change in policy of another State”¹.

This policy change may ultimately involve a change in the governmental structure of the targeted State [Carter 2011:§1, 33]. In other words, in practice, the expression “sanctions” highlights what has long been criticized as a “punishment-oriented attitude”, that is, a policy that prioritizes the attempt to punish rather than seeking non-hostile mechanisms and bases of understanding between parties with different positions [Galtung 1967:380]. Despite the fact that sanctions have been present practically since the existence of interstate relations, the concrete scope of application of this concept still remains open [Bogdanova 2022:15, 157].

Considering the primacy of the *principle of sovereign equality* as a customary principle abundantly codified by means of numerous international instruments that have declared it, including the Charter

of the United Nations, the requirement of a vertical relationship in the relationship between the *sanctioning* and the *sanctioned* parties does not apply in relations between sovereign States. It is therefore clear that *sanctions* are only applied in the context of States that are part of international organizations, an environment in which members accept the possibility of being subject to sanctions by specific bodies of these organizations in light of the rules enshrined in the treaties that constitute these entities [Combacau 1986:338-340].

Also for this reason, the sanction implies a decision that is not *unilateral*, that is, it cannot constitute an unlawful act. The sanction must therefore be the corollary of a unanimity or a significant consensus – preferably that of humanity as a whole – and not the mere reflection of the geopolitical agenda of a minority group of States. The sanction is, furthermore, due to the above, a *collegiate* decision representing different sensibilities and not the position of a single State or group of States with common characteristics. There is, therefore, a sovereign and individual *centralization* and abstract consent in the application of sanctions [Forlati 2004:107, Sellers 2004:480-481].

In this context, the use of the term *sanction* is more appropriate in the context of international organizations, with special emphasis on the UN, since there is an acceptance by States to submit to the reaction and discipline of a specific body if they threaten international peace and security. The ILC decided

¹ UN General Assembly Human Rights Council: Thematic study of the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights on the impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights, including recommendations on actions aimed at ending such measures. 1 November, 2012. Para. 2. URL: <https://docs.un.org/en/A/HRC/19/33> (accessed date: 24.08.2025).

in this sense, for example, in the preparatory work of the *Draft Articles on the Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts* (hereinafter *Draft Articles*)². Even within the framework of other international organizations, these continental or regional entities lack the legitimacy to apply sanctions if they adopt any measure that exceeds the predictable consent of the targeted State or that proposes to replace what is or is not foreseen by the Security Council [Pellet, Miron 2013:§63-64].

Now, it turns out that in relations (i) between States and (ii) between international organizations and third States, *sanctions* are never a legally admissible option given the absence of a vertical relationship between the sanctioning entity and the sanctioned party, in light of the customary principle *pacta tertiis nec nocent nec prosunt*, also enshrined in Article 34 of the Vienna Convention on the Law of Treaties. In the latter case, it is not possible to speak of *adoption of sanctions*, but, eventually, reprisals or hostile acts, the latter being able to constitute *contra legem* measures capable of generating international liability [Pellet, Miron 2013:§6-9].

1.2. Scope and distinction from other concepts

A possible approach to the so-called “sanctions” consists of breaking them down into two types of actions that are distinguished between lawful and unlawful in light of international law³. Lawful measures are *retorsion* and *reprisals*. *Retorsion* corresponds to acts by States intended to respond to acts directed against themselves and unfriendly in nature, but lawful, by a third State. *Reprisals* are actions by States intended to respond to an unlawful act committed by another State and directed at them. With due proportions, both are accepted in International Law [Shaw 2021:991].

A third figure that has seen increasing support from Western bloc countries are the traditionally called “unilateral coercive measures” [Douhan 2024:291-292]. Unlike retorsion and reprisals, which are lawful, *unilateral coercive measures* are always, by nature, unlawful, insofar as they are adopted in defiance of or exceed the sanctions determined by the Security Council.

The controversy, however, concerns whether retorsion, reprisals and unilateral coercive measures are effectively “sanctions”. The issue is not new and the ILC already spoke out on it in 1979, expressly opting for the term *countermeasures* to designate unfriendly actions taken by States against other States, since “sanctions” presuppose decisions taken by international organizations⁴. As for unilateral coercive measures, these are not countermeasures, since the expression countermeasure assumes a reaction motivated by a prior action by a third State.

Therefore, unilateral coercive measures applicable by States are not truly “sanctions”, as there is no vertical relationship between one State and another [Hofer 2021:199], but they are also not comparable to reprisals if there is no unlawful act that justifies the perpetration of a revengeful act. Therefore, the expressions *retorsion* or *countermeasures* must also be rejected, given that they presuppose an action or omission by one party that may, hypothetically, have been committed negligently or, simply, this State may have limited itself to exercising its sovereign powers, which, ultimately, would make the coercive measure unilateral in nature.

Ultimately, *unilateral coercive measures* are distinguished from *retorsion* and *reprisals* because they reflect active (rather than reactive) approaches by states to third-party policies that are not directly directed at the former. These are, therefore, actions without prior basis, and therefore unilateral, as it is not possible to establish a causal link between them. However, any measures taken against a State will only truly be “sanctions” if they are adopted within the framework of the UN Security Council or within the framework of a regional organization between its member states.

1.3. Typologies

The use of *unilateral coercive measures* is, as a rule, part of a strategy of interstate *economic warfare*. We are not referring to economic warfare in the context of armed conflict, but rather to economic warfare in times of peace, as an alternative means to the use of force as a way of influencing the sovereign decision-making of others by exerting pressure on the target

² International Law Commission. – *Yearbook of the International Law Commission – 1980*. Vol. I. New York: United Nations. 1981. P. 57-63.

³ Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights: Guiding Principles on Sanctions, Business and Human Rights. February 6, 2025. (hereinafter Guiding Principles). URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/issues/ucm/events/international-conf-sanctions-business-hr/gps-sanctions-business-hr.pdf> (accessed date: 24.08.2025).

⁴ International Law Commission. – *Yearbook of the International Law Commission – 1980*. Vol. I. New York: United Nations. 1981. P. 57-63.

through the economy. We are, therefore, in the domain of the “free exercise of economic sovereignty” [Forlati 204:103].

A variation of these measures are the so-called smart or *targeted* sanctions, which extend unilaterality to asset freezing and travel bans for individuals who are deemed to hold positions that could influence political decision-making in the targeted State [Timofeev, Arapova, Nikitina 2024:156-178]. In addition to these types of unilateral coercive measures, it is also worth highlighting the initiatives of some States with a view to the extraterritorial application of their criminal jurisdictions in relation to individuals and holders of political functions of third States, based on strictly internal legal and ideological criteria and unrelated to the dynamics of the UN Security Council [Guerreiro 2023:77-94].

Finally, it is important to emphasize the so-called *secondary unilateral coercive measures*, that is, measures applied reflexively by a State against other States or against natural or legal persons of these and which, in some way, do not express solidarity with the State applying these measures and, consequently, may affect the effectiveness of its measures. These measures act as “multipliers” for primary sanctions, producing completely unpredictable effects due to the lack of definition of their scope of application [Ruys, Ryngaert 2020:8]. They also contribute to the “weaponization of interdependence”, that is, a way for one or more states to reach out and exert pressure or coercion through the connections that the targeted states maintain with each other [Farrell, Newman 2019:42-79].

Therefore, if global economic networks are, on the one hand, instruments of cohesion, they can also reveal themselves as elements that expose vulnerabilities given the interdependence created and which contaminates States that would not be affected if they maintained their autonomy. *Weaponization* is thus built on commercial relations, with the economy serving to condition political decisions taken en bloc or even individually by each State.

A clear example of this type of measure are the sanctions adopted by the US, which constitute a deliberate way of pressuring its usual allies to adhere to compliance with coercive measures, without it being necessary for these allies to adopt their own coercive measures or even to fully support the need to impose restrictive measures in a given case [Terry 2024:142]. The persuasive factor is the mere hypothesis that these third States could harm their citizens and national companies if they do not show solidarity with the power that imposes second-

ary unilateral coercive measures, ending up agreeing. Ultimately, we are faced with a form of coercion with an aggravated degree of illegality, insofar as it spreads the effects of the coercive measure to third parties without any connection to the sources of tension.

2. Status of coercive measures under international law

In a context in which the unlawfulness of interference increasingly takes on more forms in current International Law [Guerreiro 2022:6-26], unilateral coercive measures correspond to attempts to interfere in the internal politics of States par excellence. This reality, however, has long deserved to be addressed by the UNGA and points to the illicit nature of unilateral coercive measures.

The central element of the approach to sanctions within the UN framework was the exercise of the right to self-determination, not only in the colonial context, through which independence was guaranteed to many peoples, radically changing an international context that went from a reduced set of sovereign founding States of the UN to the current 193. The emergence of new States, most of which have decades or even centuries of civilizational regression, has forced the adaptation of the legal and political framework to a situation with profound asymmetries.

Despite being sovereign *de jure*, many of the new States continued (and still continue today) under the sphere of influence or domination of the former dominant powers. Thus, the only way to change the paradigm of *de facto* interference in the internal politics and economy of new States involved the promotion and adoption of instruments that ensured the adequate interpretation of the United Nations Charter and general international law without distorting the spirit of the values openly pursued by the community of States.

It was therefore no surprise that, following Resolution 523 (VI) of 30 January 1952, peripheral economies, aware of the *de facto* inequality that existed in relation to nuclear economies, promoted initiatives at the UN with the aim of ensuring that each State freely explored its economic potential without remaining hostage to third States or foreign non-State actors that could determine sovereign decision-making by the political bodies of the State in which they operated and take advantage of the existing dependence of these economic agents for the survival and development of the economy.

This important UN Resolution was adopted following the adoption of Resolution 380 (V) of 17 November 1950, by which the General Assembly reiterated its opposition to what it described as “aggression” whether direct or through the fomentation of civil strife in a State in the interests of a foreign power “whatever of the weapons used”⁵. The Resolution went further, stating that such conduct corresponds to the “gravest of all crimes against peace and security throughout the world”⁶, thus concurring with the idea that intervention compromises global peace and security.

In 1965, with the adoption of Resolution 2131 (XX) of 21 December 1965⁷, named *Declaration on the Inadmissibility of Intervention in the Domestic Affairs of States and the Protection of their Independence and Sovereignty*, UN Member States have recognised that absolute compliance with the principle of the non-intervention in the internal and external affairs of other States is essential for the achievement of the purposes and principles of the UN and that “direct intervention, subversion and all forms of indirect intervention are contrary to these principles”⁸. Therefore, States expressed their condemnation of the use or encouragement of economic measures to coerce another State into subordinating the exercise of its sovereign rights⁹, a prohibition that was declared to the same effect in Resolution 2625 (XXV)¹⁰.

There was also a significant change in the ways in which intervention can be expressed. On the one hand, all States were recognised as having an “inalienable right” to decide on their political, economic, social and cultural systems and to do exercise such right without any kind of interference from any other State in any form¹¹. On the other hand, the Resolution also emphasized that no State may resort to or

encourage the resort to mechanisms of economic, political or other nature and which, in the end, may lead to the subservience of another State and the subordination of the exercise of its sovereign rights or even to guarantee any type of advantage that would not be given in case that State decided freely¹².

The evolution of the UN approach to unilateral coercive measures had one of its highlights the adoption of Resolution 3201 (S-VI), of 1 May 1974, which proclaimed the *Declaration on the Establishment of a New International Economic Order*¹³. This *Declaration*, which proposed to end an international economic order considered to be in conflict with “developments in international political and economic relations”¹⁴, determined that the then new international economic order shall be founded, among others, in the principles of sovereign equality, of self-determination of all peoples and of noninterference in the internal affairs of other States¹⁵. Finally, it was recognised that this *Declaration* shall be one of the most elementary and important sources to regulate the economic relations between all peoples¹⁶.

Later, the UN General Assembly adopted Resolutions 36/102 (1981) of 9 December, which implemented the *Declaration on the Strengthening of International Security*, and 36/103 (1981) of 9 December, which adopted the *Declaration on the Inadmissibility of Intervention and Interference in the Internal Affairs of States*¹⁷. The States that voted favourably Resolution 36/102 intended to reinforce the duty to refrain from any kind of threat or use of force, interference, interference as well as the prohibition of pursuance of political and economic coercion measures able to violate the sovereignty, territorial integrity, independence and even the security of other States¹⁸. As for Resolution 36/103, it is recognised the duty of

⁵ Para. 1.

⁶ Para. 1.

⁷ This Resolution was approved with no votes against, 109 votes in favor and only the abstention of the United Kingdom, leaving no doubt as to the unanimity and compromise reached around its value.

⁸ Preamble.

⁹ See para. 2 of UNGA Resolution 2131 (XX) of 21 December 1965.

¹⁰ Principle III.

¹¹ This rule is exemplary in nature. It is thus possible to identify from the text possible domains through which sovereignty is pursued without disturbances or limitations.

¹² Para. 2.

¹³ The *Declaration on the Establishment of a New International Economic Order* was adopted without a vote.

¹⁴ Preamble of Resolution 3201 (S-VI).

¹⁵ Under subpara. a) of para. 4.

¹⁶ Para. 7.

¹⁷ The draft Resolution was adopted with 127 votes in favor and 20 abstentions, and therefore obtained the approval of 86.39% of voting states.

¹⁸ As set out in subpara. a) of para. 3.

States to abstain from measures that may be demonstrations of intervention in the internal or external affairs of other States¹⁹.

From here, the UN General Assembly began to adopt similar Resolutions every two years, which reinforces the global commitment to combat unilateral coercive measures. These resolutions incorporate the prohibition of resorting to unilateral economic coercive measures as part of the *Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Cooperation among States in accordance with the Charter of the United Nations*²⁰.

Resolution 38/197 of 20 December 1983 stressed that some peripheral economies are a frequent target of threats or the application of *coercive measures* as a form of exercise of political pressure²¹, condemning the conduct of economic measures by certain Powers as a way to condition other countries on the exercise of their sovereign powers²². It also reaffirmed the obligation to abstention from threat or application of commercial restrictions, blockages, embargoes and other hostile measures of an economic nature that violates the provisions of the United Nations Charter, in particular, the *principle of non-intervention*²³.

In the same way, Resolutions 39/210 of 18 December 1984, 40/185 of 17 December 1985, 41/165 of 5 December 1986 and 42/173 of 11 December 1987, were later adopted. The last three first emphasized Resolution 152 (VI) of 2 July 1983, from the *United Nations Conference on Trade and Development* (UNCTAD), which reiterated the obligation of all states to refrain from the application of hostile economic measures. It should be recalled that UNCTAD's Resolutions have no binding effects to the same extent as the resolutions of the UN Security Council, although, as with the resolutions of the UN General Assembly, they may have declarative effects on international customary law and constitute proof

of international law, either through the amplitude of the interpretation of general principles and norms, or through the recognition of new principles, standards and rules [Schwartz 1977:531].

Finally, these Resolutions accompanied the Report of the Secretary-General published in 1984, which confirmed the violation of the principle of non-intervention through the use of hostile measures in the economic domain, due to the harmful effects they cause for the targeted States in the economic and social spheres and because they end up coercing them in the exercise of sovereign powers, and disputes and disagreements should be resolved by peaceful means²⁴.

Regarding some specific instruments, Resolution 42/22 (1987), which approved the *Declaration on the Enhancement of the Effectiveness of the Principle of Refraining from the Threat or Use of Force in International Relations*, does not appear to replace Resolution 36/102 (1981), but rather complements it and dispels some doubts caused by the lack of consensus that occurred when covering a set of realities that are likely to degenerate into the threat or use of force. These instruments emerged in addition to Resolution 31/91 (1976), which already denounced any form of interference through any economic act, regardless of the bilateral relations conducted and the economic and social systems²⁵.

All these Resolutions thus assist in the interpretation of the application of the provisions of the United Nations Charter relating to the principle of non-intervention and, in the specific case of Resolution 42/22, its paragraph 7 even places armed interventions at the level of other forms of interference or attempted threats against the political, economic and cultural elements of the State²⁶. In this context, it is worth highlighting that the principles of *sovereign equality* and *self-determination* correspond to

¹⁹ As it derives from para. k) of part II of point 2.

²⁰ See Resolutions 44/215 of 22 December 1989, 46/210 of 20 December 1991, 48/168 of 21 December 1993, 50/96 of 20 December 1995, 52/181 of 18 December 1997, 54/200 of 22 December 1999, 56/179 of 21 December 2001, 58/198 of 23 December 2003, 60/185 of 22 December 2005, 62/183 of 19 December 2007, 64/189 of 21 December 2009, 66/186 of 22 December 2011, 68/200 of 20 December 2013, 70/185 of 22 December 2015, 72/201 of 20 December 2017, 74/2000 of 19 December 2019, 76/191 of 17 December 2021 and 78/135 of 19 December 2023.

²¹ Preamble.

²² Para. 1.

²³ Para. 4.

²⁴ UN General Assembly: Report of the Secretary-General: Economic measures taken by developed countries for coercive purposes, including their impact on international economic relations. October 16, 1985. URL: https://digitallibrary.un.org/record/99968/files/A_40_596-EN.pdf (accessed 24.08.2025).

²⁵ Para. 3.

²⁶ This position had already been adopted, for example, in para. 3 of Resolution 31/91.

the right of all peoples to self-determination freely and without external interference, and it is the duty of States to respect the exercise of this right. It should also be underlined that no State may use or encourage the use of economic, political or other measures to force another State to subvert the exercise of its sovereign rights²⁷.

Thus, it can be observed that the UN Security Council, driven by the resolutions of the UN General Assembly until the beginning of the 1970s, took a position with regard to the principle of non-intervention, strengthening the assertion of this principle in instruments with unquestionably binding effects, such as Resolutions, and recognising coercive measures as an expression of unlawful interference. Indeed, it is imperative to recognise that, despite the difficulties of the UNSC in reaching consensus with a view to approving Resolutions related to current international affairs, texts such as Resolution 387 (1976) of 31 March, which recalls, in the preamble, the principle that “no State or group of States has the right to intervene, directly or indirectly, for any reason whatever, in the internal or external affairs of any other State”, were nevertheless approved.

Previously, Resolution 330 (1973) of 21 March had already been approved with 12 votes in favour and abstentions from France, the United Kingdom and the United States, in which the UN Security Council took a firm stand against the activities of companies that deliberately attempt to coerce foreign countries and requested that all States refrain from using or encouraging the use of any type of coercive measures against States²⁸. Although this Resolution was adopted in the context of Latin American countries, it nevertheless declares the interpretation to be made of international law in relation to the entire international community.

In short, the UN Security Council recognised the manifestation of acts of interference through economic means, with Resolution 330 (1973) ending up following the understanding already expressed at the General Assembly regarding the various types of interference²⁹. By adopting this instrument, the UN Security Council required all States to demonstrate their good faith in complying with the *principle of*

non-intervention and paved the way for holding State Governments accountable for actions carried out by private agents abroad aimed at coercing States that, because they are in a position of dependence on foreign investment, could end up exercising their sovereignty in a conditional manner.

It is also worth noting, although little explored by the International Court of Justice in the *case concerning Military and Paramilitary Activities in and Against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*, the fact that the Court defended, in the abstract, that the non-continuation of economic support and the imposition of *unilateral coercive commercial measures* by a State on a third State may not always represent a violation of the *principle of non-intervention*³⁰. However, by noting that this understanding is based on the description of specific facts reported by Nicaragua, the ICJ left open the hypothesis that certain unilateral coercive measures may constitute acts of interference contrary to international law if they are intended and capable of conditioning the free exercise of sovereignty by the authorities of the State in question.

Indeed, in the abstract, the ICJ considered that a State is not obliged to maintain commercial relations for longer than it understands it should do, in the absence of a treaty of commitment or other specific obligation. However, in the event of such an agreement coming into force, an abrupt cessation of commercial relations could constitute a violation of the *principle of non-intervention*³¹.

In this regard, it is important to remember that the draft UN Security Council Resolution S/17172 of 9 May 1985, presented by Nicaragua, was submitted to a vote paragraph by paragraph due to the risk of the initiative being vetoed by the United States, as Washington recognised that the trade embargo and other coercive economic measures would be inconsistent with the principle of non-intervention in the internal affairs of States and, consequently, would be obliged to cease its policy towards Nicaragua.

The first seven paragraphs from the preamble were adopted – always with no votes against but with some abstentions, – but the 8th paragraph, where it was proposed that the UN Security Council would

²⁷ Paras. 8, 15 and 16 of the Declaration annexed to Resolution 42/22 of 18 November 1987.

²⁸ Para. 1, 2.

²⁹ The Resolution refers directly to the UNGA Resolution 2625 (XXV).

³⁰ International Court of Justice: *Case concerning Military and Paramilitary Activities in and Against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*. Judgment of 27 June 1986 (hereinafter *Nicaragua v USA*). Para. 245, 276. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/70/070-19860627-JUD-01-00-EN.pdf> (accessed 24.08.2025)

³¹ *Nicaragua v USA*. Para. 245, 276.

express concern about the US trade embargo and other coercive economic measures against Nicaragua, had 13 votes in favour, the United Kingdom abstained and the US vetoed. Regarding the provisions condemning the situation and calling on States to refrain from actions of this nature, practically all Member States voted in favour, but they were rejected, once again, by the US veto³².

The remaining paragraphs were adopted and, thus, Resolution 562 (1985) was approved, in which the UN Security Council also recognised the inalienable right of States to sovereign equality. Despite the US veto, it is not possible to take value from the relatively unanimous understanding of States that economic coercive measures constitute acts of unlawful interference under International Law, binding the States that have spoken out in this sense and contributing to the confirmation or, at least, the formation of an international customary norm.

In the end, in the abstract, it is imperative to distinguish two distinct forms of economic interference. Firstly, direct interference in the economic system of a State, with the interfering State defining or influencing the characteristics of that system. The second involves the possibility of exercising economic interference through indirect interference in the economic system of a State, due to the latter being exposed to a set of unilateral coercive measures imposed by the interfering State, which are likely to significantly affect the performance of an economy and the living conditions of the population of the targeted State.

More recently, in 2025, the UN Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights adopted the *Guiding Principles on Sanctions, Business and Human Rights* (hereinafter *Guiding Principles*). Although this is a *soft law* instrument, it still has a significant level of enforceability, as it can be useful in declaring and contributing to the clarification of State practices and contributing to the affirmation of relevant customary law in this field, increasing predictability and legal certainty.

Simultaneously, the *Guiding Principles* have the added benefit of reflecting an attempt to codify legal concepts and principles to be observed by all States, business enterprises and the UN and all international organizations, following several autonomous

reports previously issued by the UN Special Rapporteur. Considering this, the *Guiding Principles* are a unique and important instrument considering the greater difficulty to adopt a UN-sponsored treaty on the matter, especially having in mind the protection of human rights, as well as the development of standards to avoid over-compliance and minimize side effects for the populations of the countries affected by unilateral coercive measures.

According to the *Guiding Principles*, the concept of *unilateral coercive measure* corresponds to any type of measures adopted by States or regional organizations against third States without or beyond any UNSC decision and which are not in conformity with obligations deriving from any source of international law or are able to fit the notion of “wrongful act” and entail international responsibility for the perpetrator of such act, regardless of the announced intention or objective³³.

Thus, this notion offered by the *Guiding Principles* opposes an understanding prevailing within the EU that both the Union and the UNSC have legitimacy to impose sanctions on States in order to pursue international peace and security [Portela, Meissner 2022:84]. In fact, there is no legal basis in international law attributing the EU legitimacy to adopt any restrictive measures outside the scope of what international customary norms, in general, and the *Draft Articles*, in particular, recognise as legally accepted.

Some doctrine considers that interference is lawful under international law only in cases where it is accompanied by the threat of the use of force or other forms of coercion [Ronzitti 2016:39]. However, as is clear from the above, political propaganda intended to subvert or alter the political situation in a State, actions intended to contaminate the representative agents of a State in order to subvert the sovereign will of the people and direct or indirect support for the emergence and activity of pressure groups or movements and associations of a political nature constitute manifestations of a prohibition of intervention, which includes, as demonstrated, the inadmissibility even of defamatory campaigns against a State because they are likely to generate instability.

Finally, some of the principles established by the UN Special Rapporteur are totally innovative and may increase awareness and deterrence towards

³² UN Security Council: 2580th meeting. May 10, 1985. URL: https://digitallibrary.un.org/record/144417/files/S_PV-2580-EN.pdf (accessed 24.08.2025).

³³ *Guiding Principles*. P. 12.

States who make use of unilateral coercive measures. If, on the one hand, the Principles of Proportionality³⁴ and Due Diligence³⁵ appear to be too vague and may open the way for broader understandings of their application, on the other hand, the Principle of Humanity foresees the recognition of criminal and civil liability for the adoption of unilateral coercive measures that impact on human rights and affect humanitarian concerns³⁶ and even if and the Accessibility of humanitarian assistance may easily be accepted as having an instrumental legal value and complements the Hague Conventions of 1899 and 1907 and the Geneva Conventions of 1949 and their Additional Protocols³⁷.

3. The European Union's "restrictive measures"

Within the framework of the European Union, unilateral coercive measures are called "restrictive measures", a semantic clarification that intentionally excludes the word unilateral, but which, in practice, does not remove the illicit nature of EU decisions, since they are hostile measures that Brussels intends to apply to third States and which exceed or are extraneous to any decisions taken within the framework of the Security Council. As we shall see, the purpose of restrictive measures is the same as that of unilateral coercive measures: to force a change in policy by a third State without it having carried out lawful or unlawful acts against the Union or any Member State [Portela 2010:105-106].

Another distinctive feature between UN Security Council sanctions and the unilateral coercive measures of the European Union is that, while the former result from an agreement of different sensibilities and wills, in the European Union, the dynamics in the decision-making process suggest the instrumentalization of the Union for the universalization of agendas of the dominant economies. All this reflects a long-rooted trend within the European Union and already justified by the realist tradition: the use of international organizations to impose the decisions and interests of States with greater prominence, dragging the remaining States along under the justification of a supposed common cause [Kropatcheva 2022:452].

Among the most emblematic cases, it is worth noting the fact that the European Economic Community (EEC), for example, had already been used by the United Kingdom, in the early 1980s, to reinforce the credibility of British punitive claims against Argentina [Martin 1992:150]. More recently, in the 2010s, Sweden launched a similar campaign regarding Rwanda, although in practice there is no truly coherent criterion in decision-making [Saltnes 2017:560].

These actions were not pursued by mere chance, starting by being deepened at a structural level in the European Union. In the case of this organization, the path was more intensely followed after the commitment made in the *London Report* of 13 October 1981. In this document, the then 10 EEC member states recognised that the Ten were far from having expression proportional to the combined power they had in an international reality marked by a world of growing uncertainty and global tension, which is why the organization had the "need for a coherent and united approach to international affairs"³⁸.

The subsequent European integration treaties did nothing more than materialize a 'principle of uniformity', in light of which States reduce their autonomy in order to reinforce a common position. In terms of unilateral coercive measures, Article 29 of the *Treaty on European Union* (hereinafter TEU), in the version of the Treaty of Lisbon, constitutes the legal basis for decision-making, since it provides that the Council of the European Union "shall adopt decisions which shall define the approach of the Union to a particular matter of a geographical or thematic nature", hence all Member States "shall ensure that their national policies conform to the Union positions".

There is no doubt that this decision is binding, since it derives from general obligations the duty to promote Union objectives, one must have in mind the prohibition of *venire contra factum proprium* and, under Article 288, paragraph 4, of the *Treaty on the Functioning of the European Union* (hereinafter TFEU), "a decision shall be binding in its entirety". Although the Union's positions are adopted by unanimous vote of the Council, the Member States are de-

³⁴ Guiding Principles. P. 14, 15. Para. 15.

³⁵ Ibid. P. 23, 24. Para. 24.

³⁶ Ibid. P. 11. Para. 10.6.

³⁷ Ibid. P. 12. Para. 11.

³⁸ CVCE: Report on European Political Cooperation (London. 13 October 1981). December 18, 2013. URL: https://www.cvce.eu/content/publication/2002/1/18/869a63a6-4c28-4e42-8c41-efd2415cd7dc/publishable_en.pdf (accessed date: 24.08.2025).

prived of the autonomy to decide on sanctions alone if the Union is responsible for the matter in question [Geiger 2015b:135].

Here too, the Union has shown resistance to the pluralism of positions. The qualified majority required between 1997 and 2002 is now effectively converted into unanimity, which is seen, in theory, as a way of preventing a Member State from being bound by a decision against its will [Geiger 2015a:95]. However, as already happened with Hungary, the Union has already admitted resorting to Article 7, paragraph 1, of the TEU, in 2024, a solution that would follow what happened on 15.12.2023 when Viktor Orbán was convinced to leave the voting room to ensure unanimity.

It could therefore be fallacious to make believe that the unanimity rule in the way the Council operates reflects an intention to give greater value to the individual positions of each State, since, in theory, any type of solution is admissible to make a position prevail, without the Union's constitutional treaties providing for effective control mechanisms [Voinikov 2024:60].

Indeed, it is interesting to look at the evolution of the EU's approach to unilateral coercive measures and see how the Union has not only normalised but also aggravated its stance on the measures, moving closer to the hostile approach of the US towards third States. This perspective is justified by the intention of, more than having a position on a subject, aiming to interfere and shape an event or subject to its own needs: in 1981, the EU strategy aimed at adopting common positions; in 1996, a concept was adopted that already admitted the adoption of sanctions; in 2007, the rule and legal basis were established and the regime of unilateral coercive measures was coined with the name "restrictive measures".

The *Treaty establishing the European Community* began to mention, after 1997, the urgent measures necessary to "interrupt or to reduce, in part or completely, economic relations with one or more third countries" (Article 301). Although back then there were already in force EU decisions on the adoption of unilateral coercive measures, until June 2004 there was no official EU strategy on this subject and the concept of "restrictive measures" only came into existence three years later.

Note that the *Treaty establishing the European Community*, between 1997 and 2002, with the amendments introduced by the Treaties of Amsterdam and Nice, referred to a "common position", while the Treaty of Lisbon brought the notion of a "position of the Union". The position ceased to be

that of the States ("common") and was replaced by the position of an international organization ("of the Union"). The latter, together with other elements that have been imposing themselves on the functioning of the institutions of the European Union, reflects a drift of the Union towards a federal State model, which still generates controversy today, but is recognised as a reality [Larsen 2021:23, 191].

Therefore, the position that for decades and since the foundation of the European integration project was a minority (federalism), after the defeat of the infamous Constitution project for the European Union, adjusted itself with the Treaty of Lisbon and developed through the institutions an increasing *de facto* federalism with losses for the until then prevailing intergovernmental position. In the end, discussing, negotiating and defining a common position among the 10, 12, 15 or 27 became irrelevant: the Member States lost the autonomy and decentralization of the past and became a mere instrument that concentrates power and legitimacy in the European Union.

It must be admitted that this drift, which has as a practical corollary the EU's increasing prioritization of the adoption of unilateral coercive measures, is due to the inability of the Union to create its own military force, which is why the EU invested heavily on the possibility of sanctions playing a role in international crises and has accepted the increasing dependence on this mechanism over time [Giumelli, Hoffmann, Książczaková 2021:2]. In this way, the EU continues what was already predicted in the *London Report*, having long been motivated by the need to "seek increasingly to shape events and not merely to react to them".

Having all this in mind, it seems quite clear that the EU's motivation when adopting restrictive measures is more based on pursuing geopolitical interests, rather than, how some EU scholars consider, a consequence of "humanitarian concerns" [Kreutz 2015:195, 214]. And such decisions on adopting sanctions come, most of the times, in reaction to US unilateral coercive measures [Meissner 2022:81], which also reflects lack of independence from the EU to pursue its own foreign policy and demonstrates the significant impact of US administrations in EU bodies, using the latter to extend and expand its influence to third States in Europe [Lonardo 2023b:75].

Therefore, the EU, attempting to affirm itself as a *normative power*, has been relying on unilateral coercive measures to assert the Union as a relevant actor in the international system. To this end, it has developed a set of legal instruments that, at first glance, appear to be intended to comply with international

law, such as the *Guidelines on implementation and evaluation of restrictive measures (sanctions) in the framework of the EU Common Foreign and Security Policy* (hereinafter *Guidelines*)³⁹ and the Basic Principles on the Use of Restrictive Measures (Sanctions)⁴⁰.

However, this regulatory process does not shy away from presenting serious flaws. By way of example, *Council Regulation (EC) No. 2271/96 of 22 November 1996*, which implemented the Union's *blocking statute* against third parties' legislation, is the clearest sign of the inconsistency that characterises the EU's international projection through normative instruments: the criterion for determining the lawfulness of unilateral coercive measures by third parties is not really based on any legal principles, but depends exclusively on the potential negative impact that the measures adopted by the USA have, in the abstract, for the Union itself.

At the same time, the *Guidelines*, in their 2018 update, state that the adoption and the implementation of restrictive measures must always comply with international law and must respect human rights and fundamental freedoms⁴¹. However, strictly political and arbitrary motivations outside the UN Security Council's decisions, the typical opacity in the decision-making process and the absence of guarantees and reaction mechanisms for the targeted individuals are recurrent in the EU sanctions adoption processes, denouncing the unilateralism of the so-called "restrictive measures".

3.1. The European Union's unilateral coercive measures against Russia

The features identified above are evident in the EU's approach to Russia. If the Council's position were legally sound and consistent with international law, the reasons underlying the adoption of the *Council Regulation (EC) No. 2271/96 of 22 November 1996* would remain as regards the EU's position towards Russia, given that the Community proposes to contribute to the development of world trade in a harmonious way and it also commits to progressively pursue the abolishment of restrictions on international trade. In the end, in the absence of a UNSC

decision that enables the Union to adopt "restrictive measures" against the Russian Federation, it is important to understand whether such measures are not, in fact, examples of unilateral coercive measures or whether they fit into any of the concepts already provided for in the *Draft Articles*.

Indeed, the coup d'état carried out in Ukraine and which resulted in the removal of Viktor Yanukovich from power in February 2014 opened the door to threats against Russian-speaking communities and against the Russian Federation. The materialization of the self-determination of the Republic of Crimea and its consequent integration into the Russian Federation, on 17 March 2014 were not welcomed by the *collective West*, whose States launched, individually or as a whole, a hostile campaign against Moscow, through the adoption of normative instruments that, to this day, continue to constitute the basis of policies of unilateral coercive measures.

In practice, this event helped the dominant powers in the EU to align their position on Russia and to drag along the Member States with less prominence, thus putting pressure on the formation of common positions on the approach to the Russian Federation. For decades, much thought has been given to what the Union's interests would be for Russia, and Russia's approach has been determined on an individual level based on the interests of each state [Fernandes 2022:43].

The first mechanism adopted by the European Union was *Council Decision 2014/145/CFSP of 17 March 2014*, which imposes restrictive measures in respect of actions considered by the Union as undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine. The fact that this instrument has registered an average of 6 amendments per year since it was implemented (66 amendments as of 24.08.2025) is, in itself, significant, as it allows us to interpret the constant dynamics of the Union's institutions as a reflection of the inability of the Council of the European Union to take a minimally solid, coherent position, in accordance with international law and capable of providing legal certainty to its recipients.

³⁹ Council of the European Union: *Guidelines on implementation and evaluation of restrictive measures (sanctions) in the framework of the EU Common Foreign and Security Policy*. December 3, 2003. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST%2015579%202003%20INIT/EN/pdf> (accessed date: 24.08.2025).

⁴⁰ Council of the European Union: *Basic Principles on the Use of Restrictive Measures (Sanctions)*. June 7, 2004. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-10198-2004-REV-1/en/pdf> (accessed date: 24.08.2025).

⁴¹ Council of the European Union: *Sanctions Guidelines – update*. May 4, 2018. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-5664-2018-INIT/en/pdf> (accessed date: 24.08.2025).

The constant updating of measures to be taken and people to be sanctioned attests to the instability of the European Union's leadership in terms of certainty about the results that these measures will produce. This evidence is likely to generate such legal uncertainty for individuals to such an extent that it can only be exceeded by the *obiter* provided by the UK Court of Appeal expanding the scope of the UK's sanctions regime against the Russia Federation to any Russian citizen because it considered that President Putin "could be deemed to control everything in Russia" since the Russian Head of State is, according to this Court, "at the apex of a command economy"⁴².

It should be noted that, as can be seen from the first version of Article 6 of *Decision 2014/145/CFSP*, the European Union anticipated that the restrictive measures initially contemplated would be sufficient to prevent the Russian Federation from exercising its sovereign powers until 17 September 2014, and would therefore be in force conditionally until this date. However, more than 60 amendments later and countless structural changes to *Decision 2014/145/CFSP*, it is now expected that this instrument will be in force until 15 September 2025⁴³.

Another instrument adopted was *Council Regulation (EU) No. 269/2014 of 17 March 2014*, which imposes restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine. It should be noted that what was initially a legal instrument aimed at applying restrictive measures to 21 Russian citizens has quickly undergone changes, has become endless and covers, as of 24.08.2025, a group of 1958 individuals and 641 legal persons.

More recently, the EU adopted *Council Regulation (EU) 2024/2642 of 8 October 2024*, concerning the application of restrictive measures in view of what is considered to be "Russia's destabilizing activities". As of 24.08.2025, this instrument was amended five times, covering a total of 47 individuals and 15 legal persons, and its scope of application is so wide (from "information manipulation" to the "instrumentalization of migrants") that it can technically address any phenomenon or threat felt within a EU Member State.

In the end, the successive sanctions packages inspired the Russian Federation to reconfigure its economy, its domestic and foreign policies and even the national legal framework, ultimately putting Russia on a pace of permanent adaptation that already allows the country to anticipate any sanctions packages that will likely be adopted in the future [Timo-feev 2024:154]. The case of Western sanctions against Russia confirms the thesis that unilateral restrictive measures imposed by some States today do not have any standard or form and do not follow any specific and scientific criteria [Boklan, Koval 2024:21].

However, it should be noted that the way in which the EU designs its sanctions policy against Russia is primarily based on a strategy aimed at areas and targets with strictly political motivations and as general and abstract as possible, in order to avoid, in a considerable number of measures, the intervention of the CJEU [Lonardo 2023a:4-5]. After all, the greater the individualization and detail of the measure, the greater the need for the Council's discretionary power to be subject to judicial scrutiny by citizens affected by the measures. And, with the consequent challenge of the measure, the possible effectiveness and shielding of the arbitrary political action of the Council becomes more exposed, since the more objective the restrictive measures are designed, the more they risk being challenged by those targeted before the community justice system.

It can therefore be said that the constitutional basis on which the European Union was built and on which it operates favours the use of discretionary decisions as a way for the competent body of the Union to ensure effective compliance with the measures it approves. This approach exposes a paradox that is easy to understand but difficult to conform to: instead of seeking to support the restrictive measures adopted in the Union's guiding normative instruments, as a way of reinforcing legitimacy, the Council tends to avoid judicial oversight by the TFEU and internal jurisdictions by favouring restrictive measures based on generic and abstract criteria.

This characteristic form of action by the Council has resulted in the annulment of several sanctions against individuals, due to the lack of sufficient con-

⁴² Court of Appeal: *Mints -v- PJSC National Bank Trust & PJSC Bank Okriteie Financial Corporation*. October 6, 2023. URL: <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2023/10/Mints-v-PJSC-judgment-061023.pdf> (accessed date: 24.08.2025).

⁴³ As of 24.08.2025.

nection between the targeted person and the situation it intends to combat⁴⁴ or because they are based solely on their family relationship⁴⁵. These cases reinforce the conviction of arbitrariness and lack of rigor of the EU Council in taking decisions on sanctions and in proving the allegations made for listing a person or entity [Ali 2024:337].

At the same time, the conduct already described suggests the fear that the restrictive measures adopted may not correspond to the standards of legality inherent to the existence of the Union itself, generating doubts among those applying the law and in the community itself. After all, unlike the Member States, where political decisions can be disputed by judicial bodies, in the European Union, in terms of sanctions, the Union aims to assume *de facto* exclusivity over the application of restrictive measures, thus avoiding the need for national parliaments and internal courts to take a position and summarizing decision-making to the representatives of each Member State in the EU in the competent political bodies.

Based on the above, it seems naive to us to say that the “adoption of sanctions is justified by norms and values rather than by particular interests that the EU holds” [Giumelli, Hoffmann, Książczaková 2021:5]. As already demonstrated, the use of normative instruments to apply unilateral coercive measures does not, in itself, generate any conviction of legality; on the contrary, it serves to disguise the EU Council's inability to legally justify the choice of the targeted individuals and entities. In the end, it is concluded that these measures are part of a set of actions adopted with strictly political motivations but “under the guise of the international legal construct” [Vylegzhanin, Nefedov, Voronin, Magomedova, Zotova 2021:51].

Hence, it seems simplistic to evaluate the adoption of unilateral coercive measures by the EU against the Russian Federation based on the principle of proportionality and to conclude that such measures are disproportionate “due to their impact on third parties” [Hofer 2023:19]. In fact, although Hofer identifies what States can do when a serious breach of a

peremptory norm of international law occurs, the scholar does not refer that such breaches foreseen on articles 40 and 41 are applied only for norms “accepted and recognized by the international community of States”⁴⁶ and whose application shall be addressed, in particular, by the competent international organizations where the States involved have membership status, following the principle *pacta tertiis nec nocent nec prosunt*, or, in general, by the United Nations.

And here, although Hofer quoted the commentary of the ILC on the *Draft Articles*, the same document expressly recognises that the serious breaches dealt with in articles 40 and 41 shall be addressed by the “competent international organizations”, including the UNSC and the UNGA⁴⁷. And, with the exception of the jurisdiction of the International Criminal Court towards some States Parties to the Rome Statute, in the case of aggression, the Security Council is the only legitimate entity that can define the scope of aggression, qualify an event as aggression and take decisions on the matter⁴⁸.

This means that, even if, as Hofer recognises, the prohibition of aggression is both a *jus cogens* norm and an *erga omnes* obligation, the Russian Special Military Operation was never declared as aggression by the UNSC and hence such qualification cannot be made by an isolated group of States – which don't even compose the majority of the international community, as is the case of the combined West. This way, not only the EU is not in a vertical position towards the Russian Federation, but only the UNSC is in the case of aggression, reason why the EU has no legal powers to impose unilateral restrictive measures, thus making Hofer's concern “regarding how far States can go when adopting sanctions” senseless: when articles 40 and 41 of the *Draft Articles* establish that “States shall cooperate to bring to an end through lawful means any serious breach”, they mean, as ILC clearly stated, through the United Nations and not through entities with no hierarchy towards a third State and, thus, never through economic warfare (unilateral coercive measures), which are unlawful as already demonstrated.

⁴⁴ Case T-304/22 *Fridman v. Council*. ECLI:EU:C:2024:31.

⁴⁵ Case T-212/22 *Prigozhina v. Council*. ECLI:EU:C:2023:98, 105.

⁴⁶ Article 53 of the Vienna Convention on the Law of Treaties.

⁴⁷ International Law Commission. – *Yearbook of the International Law Commission – 2001*. Vol. II. Part Two. New York/Geneva: United Nations. 2007. P. 113.

⁴⁸ *Ibidem*.

4. Are the EU's "restrictive measures" against Russia legal?

In the economic domain, a State may perceive the unlawfulness of a behaviour from the exercise of sovereign powers by another State through the degree of protectionism that the latter imposes on its economy and having in mind the implementation of policies that favour greater State participation in the economy and reduce private initiative or through resistance to the entry of economic agents from a State with a nuclear economy and the capacity to assume control of strategic assets. Thus, the fact that most economic relations depend on the participation of private law entities places the responsibility of the State where they operate on making decisions that are assumed to be potentially harmful to the interests of the States of origin of these economic agents, which, under no circumstances, is to be confused with the expropriation regime [Zavershinskaia, Boklan 2025:74].

In this context, coercive measures may constitute violations of the principle of non-intervention if they are unilateral in nature, a characteristic that cannot be set aside by mere political considerations by the institutions of the Union. In order for *unilaterality* to be excluded, it is necessary to demonstrate the existence of a direct causal link between the conduct of the State concerned and the interests of the Union.

Naturally, the Union, in the *Sanctions Guidelines*, supports a broad approach that allows it to extend restrictive measures in situations where links exist with the EU based on a notion that allows it to cover a broad notion of territory of the European Union, which includes not only aircraft and vessels of Member States, but also citizens, companies and other entities incorporated or constituted under Member States' law and even any business celebrated, even if in part, within the European Union⁴⁹.

However, it is not enough for an event to occur in a Member State or for any entity or legal act to simply be present in a EU Member State. Indeed, the mere solidarity of the European Union with a lawful or unlawful act against a Member State or the attempt to claim legitimacy by means of an official document does not justify the intervention of the Union, and it is imperative to demonstrate that the EU as a whole

is also affected by the event that justifies the adoption of sanctions [Geiger 2015c:778]. Outside this context, the issue is not particularly controversial at present, and the ILC has decided it in determining Articles 49 to 54 of the *Draft Articles*: "restrictive measures" will only be lawful if they meet the conditions of the international law on reprisals and the right to resort to countermeasures was restricted to the directly injured State [Dawidowicz 2007:334].

In the specific case of the restrictive measures adopted against the Russian Federation, the set of events invoked by the EU to justify the approval of hostile mechanisms against Russian interests reveal the absence of a causal link, either with the EU or with any Member State. The facts described to support the adoption of sanctions do not have any direct or indirect link with the Union, and only cover aspects between the Russian Federation and Ukraine. *Geoeconomic* [Luttwak 1990:17] ambitions over Ukraine cannot therefore be accepted as sufficient to justify the adoption of reprisals by the EU.

At the same time, the resolutions of the General Assembly, including the most important Declarations on intervention, reinforce the thesis that hostile economic policies, including those aimed at unilateral economic sanctions against third States, may not only be capable of diminishing their independence but may even produce unmeasurable harmful effects, insofar as they affect nearly all categories of human rights, from civil and economic to social, cultural and right to development [Douhan 2024:294]. It was in this context of growing sensitivity of the international community to the direct and collateral effects of sanctions that the Report of the UN Secretary-General, dated 01.08.2018, entitled *Towards a New International Economic Order*⁵⁰.

Here, it was recognised that the spirit and principles already enshrined in the *Declaration on the Establishment of a New International Economic Order* of 1974 help, among others, to mitigate risks to sustained economic growth, as well as to combat injustices and inequalities and to promote equitable growth⁵¹. Likewise, the potential and challenges presented by the Declaration and the added value it represents for humanity were listed, which attests to the evident relevance of a legal instrument that, despite having been adopted more than 50 years ago,

⁴⁹ P. 19, para. 51.

⁵⁰ UN General Assembly: Report of the Secretary-General: Towards a New International Economic Order. August 1, 2018. URL: https://digitallibrary.un.org/record/4062933/files/A_79_320-EN.pdf (accessed date: 24.08.2025).

⁵¹ Preamble.

was not an isolated act, reinforcing its influence on the foreign policy of UN Member States, having been referred to in other subsequent resolutions, such as Resolution 42/165 of 11 December 1987 or Resolution 73/240 of 16 January 2019.

All the instruments identified to date and adopted within the UN framework are sufficiently clear in demonstrating a global intention that recognises the need for the international community to eliminate the unilateral use of economic, financial or trade measures that are not authorized by relevant UN bodies or that violate the basic principles of the unilateral trading system and affect, in particular, but not exclusively, developing countries.

In view of the above, given the nature, characteristics and implementation of the European Union's sanctions against the Russian Federation, it is possible to conclude that the so-called "restrictive measures" correspond, in fact, to unilateral coercive measures, the unlawfulness of which arises from the Union's illegitimacy to adopt sanctioning mechanisms against third States and which were not subject to UN Security Council sanctions nor did they carry out acts directly against any EU Member State. The disproportion and uncertainty of these measures, as well as the opacity and arbitrariness in the decision-making process are elements that aggravate the illicit nature of the so-called "restrictive measures".

5. Final remarks

Unless a UN Security Council Resolution authorises and grants relative freedom in defining *sanctions* – since the term sanction presupposes a decision by a global collegiate body with primacy in exercising jurisdiction to recognise illegal acts and consequently apply sanctions as a way of avoiding *unilateralism* – any other initiative is a unilateral coercive measure against a State, since the particular justice underlying retaliation for failure to comply with an obligation towards the sanctioning State is not to be confused with the latter assuming the role of avenger of the community of States. It is assumed that the sanction, due to its coercive nature, does not depend on arbitrary factors and ideological and geopolitical sensitivities that could increase hostility between States, so that it is only accepted in the event of contractual non-compliance and in due proportionality.

The purpose of sanctions is clear: to bring a State back to what a higher authority considers to be *legality*. However, this notion of *legality* cannot be assessed individually by each State or by a regional organization, reason why the community as a whole should define sanctions, where the UN finds legitimacy. *Legality* cannot have multiple faces or interpretations, and a State or a minority group of States cannot impose their vision of legality on the State actors with whom they maintain a horizontal relationship, under penalty of not being *de facto* legal.

In the end, we clearly disagree that, as some authors put it, unilateral coercive measures are a "widely recognized pressure valve in international relations" supported by a "relative absence of strong legal constraints" given, among other reasons, that the ICJ (in *Nicaragua v USA*) considered that "even a comprehensive embargo does not breach customary international law" [Chachko, Heath 2022:137]. Contrary to such conclusions, the ICJ, first, admitted that any debate over a given customary norm should be discarded if there was a special treaty provision in force on the same issue, and, second, never mentioned the specific case of unilateral coercive measures⁵². Thus, the above-described legal framework demonstrates that, yes, sanctions can work as a central mechanism to enforce the international legal order and consolidate its post-1945 essence against unilateral use of force, however, only when such sanctions are adopted under the UN environment and not by the United States and the EU, as the same authors advocate [Chachko, Heath 2022:138].

The international community has made a significant progress in adopting a set of instruments that support the recognition of the prohibition of economic interference, including through trade relations, so that unilateral coercive measures, as they may affect the economic, political and social situation of a third State, are illicit in nature. Currently, the work carried out by the OHCHR concludes that two elements must be verified in determining the unlawfulness of a coercive measure: coercion and the intention to force a change in a State's policy that should be freely defined by it in the exercise of its sovereign rights⁵³. And these are the two characteristics that are present in the European Union's policies towards Russia.

Thus, the Union's motivations for adopting sanctions against Russia are, in essence, wrong: the EU tries to justify itself with Russia's violation of interna-

⁵² *Nicaragua v. USA*. Para. 274.

⁵³ Para. 19.

tional law, but does so outside of any decisions of the UN Security Council. In practice, the Council of the European Union legitimizes itself and, consequently, imposes sanctions on the Russian Federation without any UN resolution, convention or treaty granting it such powers or enabling the Union, which, in itself, allows its restrictive measures to be attributed a unilateral, and therefore unlawful, nature.

Simultaneously, the Council has also started to adopt unilateral coercive measures that clearly fall within the definition of secondary sanctions. *Council Regulation (EU) 2024/2642 of 8 October 2024* is a clear sign of that by adding to the list of sanctioned entities with no ties to the Russian Federation, like the *Groupe Panafricain pour le Commerce et l'Investissement*, the *AFA Media*, the *Voice of Europe*, the *Stark Industries Solutions Ltd.* and the *BRICS Journalist Association*. The latter case is, eventually, the most serious example of the violation of the Principle of Proportionality enshrined in the *Guiding Principles*: it reflects not only an attempt to put pres-

sure on journalists but also to target and undermine BRICS countries as a whole.

For all these reasons, there is no doubt that the European Union's "sanctions" on Russia are incompatible with international law. In the end, the consolidation of the status of unilateral coercive measures as unlawful in nature could be a very positive step to refrain States, isolated groups of States and international organizations to continue adopting "sanctions" against third States based on ideologies or geopolitical ambitions. This way, the continued adoption of resolutions in the UNGA environment, the issuance of more reports by the OHCHR and regional organizations on specific countries' situations and the approval of declarations and resolutions within international and regional organizations or groups of States (as the BRICS, the Eurasian Economic Union, the African Union, MERCOSUR and others) would definitely enhance the need to address unilateral coercive measures. Nonetheless, all these steps could be complemented with the opportunity for the ICJ to have a say on the matter.

References

1. Ali A. Assessing the Legality of the EU Sanctions Imposed on the Russian Federation from 2022. – *The Routledge Handbook of the Political Economy of Sanctions*. Ed. by K. Kirkham. United Kingdom: Routledge. 2024. P. 337.
2. Bogdanova I. *Unilateral Sanctions in International Law and the Enforcement of Human Rights: The Impact of the Principle of Common Concern of Humankind*. Leiden/Boston: Brill/Nijhoff. 2022. P. 15, 157.
3. Boklan D.S., Koval V.V. Unilateral Sanctions under International Law and Effectiveness of Blocking. – *Moscow Journal of International Law*. 2024. Vol. 1. P. 21. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-6-23>.
4. Carter B.E. Economic Sanctions, in *Max Planck Encyclopedia of Public International Law*, April 2011 (act.), § 1, 33.
5. Chachko E, Heath J.B. Symposium on Ukraine and the International Order: A Watershed Moment for Sanctions? Russia, Ukraine, and the Economic Battlefield. – *AJIL Unbound*. 2022. Vol. 116. DOI: 0.1017/aju.2022.21.
6. Combacau J. Sanctions. – *Encyclopedia of Public International Law*. Ed. by R. Bernhardt. Vol. 9. Amsterdam: Elsevier Science Publishers B.V. 1986. P. 338-340.
7. Dawidowicz M. Public Law Enforcement without Public Law Safeguards? An Analysis of State Practice on Third-party Countermeasures and Their Relationship to the UN Security Council. – *British Yearbook of International Law*. 2007. Vol. 77. No. 1. P. 334.
8. Douhan A.F. Humanitarian Impact of Unilateral Sanctions. – *The Routledge Handbook of the Political Economy of Sanctions*. Ed. by K. Kirkham. United Kingdom: Routledge. 2024. P. 291-292, 294.
9. Farrell H., Newman A.L. Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion. – *International Security*. 2019. Vol. 44. No. 1. P. 42-79. DOI: https://doi.org/10.1162/isec_a_00351.
10. Fernandes S. Intra-European Union dynamics: The interplay of divergences and convergences. – *The Routledge Handbook of EU-Russia Relations: Structures, Actors, Issues*. Ed. by T. Romanova, M. David. United Kingdom: Routledge. 2022. P. 43.
11. Forlati L.P. The Legal Core of International Economic Sanctions. – *Les Sanctions Économiques/Economic Sanctions in International Law*. Ed. L.P. Forlati, L.A. Sicilianos. Leiden/Boston: Martinus Nijhoff Publishers. 2004. P. 103, 107.
12. Galtung J. On the Effects of International Economic Sanctions: With Examples from the Case of Rhodesia. – *World Politics*. 1967. Vol. 19. No. 3. P. 380. DOI: <https://doi.org/10.2307/2009785>.
13. Geiger R. Article 16 [Council]. – *Treaty on European Union, Treaty on the Functioning of the European Union*. Ed. by R. Geiger, D.E. Khan, M. Kot. Munich/Oxford/Baden-Baden: C. H. Beck/Hart/Nomos. 2015a. P. 95.
14. Geiger R. Article 28 [Operational Action]. – *Treaty on European Union, Treaty on the Functioning of the European Union*. Ed. by R. Geiger, D.E. Khan, M. Kot. Munich/Oxford/Baden-Baden: C. H. Beck/Hart/Nomos. 2015b. P. 135.
15. Geiger R. Title IV – Restrictive measures: TFEU Article 215. – *Treaty on European Union, Treaty on the Functioning of the European Union*. Ed. by R. Geiger, D.E. Khan, M. Kot. Munich/Oxford/Baden-Baden: C. H. Beck/Hart/Nomos. 2015c. P. 778.
16. Giumelli F., Hoffmann F., Książczaková A. The when, what, where and why of European Union sanctions. – *European Security*. 2021. Vol. 30. Issue 1. P. 2, 5. DOI: 10.1080/09662839.2020.1797685.
17. Guerreiro A. The Legal Status of the Principle of Non-Intervention. – *Moscow Journal of International Law*. 2022. No. 1. P. 6-26. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-1-6-26>.

18. Guerreiro A. The Attempt to Universalise Domestic Jurisdictions: International Criminal Justice and Russia. – *Moscow Journal of International Law*. 2023. No. 2. P. 77-94. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2023-2-77-94>.
19. Hofer A. Unilateral sanctions as a challenge to the law of state responsibility. – *Research Handbook on Unilateral and Extraterritorial Sanctions*. Ed. by Charlotte Beaucillon. United Kingdom: Edward Elgar. 2021. P. 199.
20. Kreutz J. Human Rights, Geostrategy, and EU Foreign Policy, 1989–2008. – *International Organization*. 2015. Vol. 69. No. 1. P. 195, 214. DOI: 10.1017/S0020818314000368.
21. Kropatcheva E. EU-Russia relations in multilateral governmental frameworks. – *The Routledge Handbook of EU-Russia Relations: Structures, Actors, Issues*. Ed. by T. Romanova, M. David. United Kingdom: Routledge. 2022. P. 452.
22. Larsen S. R. *The Constitutional Theory of the Federation and the European Union*. United Kingdom: Oxford University Press. 2021. P. 23, 191.
23. Lonardo L. Challenging EU Sanctions against Russia: The Role of the Court, Judicial Protection, and Common Foreign and Security Policy. – *Cambridge Yearbook of European Legal Studies*. 2023a. P. 4-5. DOI: 10.1017/cel.2023.11.
24. Lonardo L. *EU Common Foreign and Security Policy After Lisbon: Between Law and Politics*. Switzerland: Springer. 2023b. P. 75.
25. Luttwak E.N. From Geopolitics to Geo-Economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce – *The National Interest*. 1990. No. 20. P. 17. DOI: <https://doi.org/10.1111/tran.12650>.
26. Martin L.L. Sanctions during the Falkland Islands Conflict. – *Institutions and Cooperation*. 1992. Vol. 16. No. 4. P. 150. DOI: <https://doi.org/10.2307/2539190>.
27. Meissner K. How to sanction international wrongdoing? The design of EU restrictive measures. – *The Review of International Organizations*. 2023. No. 18. P. 81, 84. DOI: 10.1007/s11558-022-09458-0.
28. Pellet A., Miron A. "Sanctions". – *Max Planck Encyclopedia of Public International Law*. August 2013 (act.). § 63-64.
29. Portela C. *European Union Sanctions and Foreign Policy: When and why do they work?* United Kingdom: Routledge. 2010. P. 105-106.
30. Portela C., Meissner K. The European Approach to Multilateral Sanctions: Are EU Sanctions "Replacing" UN Sanctions? – *Multilateral Sanctions Revised: Lessons Learned from Margaret Doxey*. Ed. By A. Charron, C. Portela. Canada: McGill-Queen's University Press. 2022. P. 84.
31. Ronzitti N. Respect for Sovereignty, Use of Force and the Principle of Non-intervention in the Internal Affairs of Other States. – *Competing Western and Russian narratives on the European order: Is there a common ground?* – *Conference Report*. Ed. by T. Frear, L. Kulesa. London: European Leadership Network. April 2016. P. 39.
32. Ruys T., Ryngaert C. Secondary Sanctions: A Weapon out of Control? The International Legality of, and European Responses to, US Secondary Sanctions. – *The British Yearbook of International Law*. 2020. Vol. 89. P. 8. DOI: <https://doi.org/10.1093/bybil/braa007>.
33. Saltnes J.D. Norm collision in the European Union's external policies: The case of European Union sanctions towards Rwanda – *Cooperation and Conflict*. 2017. Vol. 42. No. 4. December P. 560. DOI: 10.1177/0010836717710528.
34. Schwartz R. Are the OECD and UNCTAD Codes Legally Binding? – *The International Lawyer*. 1977. Vol. 11. No. 3. P. 531.
35. Sellers M.N.S. Economic Sanctions against Human Rights Violations. – *Les Sanctions Économiques/Economic Sanctions in International Law*. Ed. by L.P. Forlati, L.A. Sicilianos. Leiden/Boston: Martinus Nijhoff Publishers. 2004. P. 480-481.
36. Shaw M.N. *International Law*. 9th ed. United Kingdom: Cambridge University Press. 2021. P. 991.
37. Terry P.C.R. Secondary Sanctions, Access Restrictions and Customary International Law. – *The Cambridge Handbook of Secondary Sanctions and International Law*. Ed. by T. Ruys, C. Ryngaert, F.R. Silvestre. United Kingdom: Cambridge University Press. 2024. P. 142.
38. Timofeev I. Do Sanctions Really Work? The Case of Contemporary Western Sanctions against Russia. – *The Routledge Handbook of the Political Economy of Sanctions*. Ed. by K. Kirkham. United Kingdom: Routledge. 2024. P. 154.
39. Timofeev I.N., Arapova E.Y., Nikitina Y.A. The Illusion of "Smart" Sanctions: The Russian Case. – *Russia in Global Affairs*. 2024. Vol. 22. No. 2. P. 156-178. DOI: 10.31278/1810-6374-2024-22-2-156-178.
40. Vylegzhanin A.N., Nefedov B.I., Voronin E.R., Magomedova O.S., Zotova P.K. The Term "Rules-based International Order" in International Legal Discourses. – *Moscow Journal of International Law*. 2021. Vol. 2. P. 51. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-35-60>.
41. Voinikov V.V., Amiraslanov R.R. The Institute of Enhanced Cooperation in European Union Law: Evolution of Legal Regulation. – *Moscow Journal of International Law*. 2022. Vol. 3. P. 60. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-3-49-62>.
42. Zavershinskaia D.A., Boklan D.S. Police Powers in the Sanctions-related Investment Disputes: a Ticket which Costs Good Faith Behavior? – *Moscow Journal of International Law*. 2025. Vol. 1. P. 74. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-69-82>.

About the Author

Alexandre GUERREIRO

Associate Member of the Institute of Political Legal Sciences, Collaborating Member of the Lisbon Centre for Research in Public Law, School of Law, University of Lisbon

Alameda da Universidade, Lisbon, Portugal, 1649-014

atguerreiro@campus.ul.pt
ORCID: 0000-0002-7000-7190

Информация об авторе

Александр ГЕРРЕЙРО

ассоциированный член Института политико-правовых наук, сотрудник Лиссабонского центра исследований публичного права, Юридический факультет, Лиссабонский университет

1649-014, Португалия, Лиссабон, Аламеда да Универсидад

atguerreiro@campus.ul.pt
ORCID: 0000-0002-7000-7190

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-24-43>

Research article
UDC: 341
Received 4 April 2025
Approved 3 September 2025

Alexander N. VYLEGZHANIN

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
danilalvy@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4833-2525

Egor R. SIGAURI-GORSKY

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences
32, Nakhimovsky Ave., Moscow, Russian Federation, 117997
sigores@outlook.com
ORCID: 0000-0002-6879-3065

THE ROLE OF LEGAL RESEARCH IN THE CODIFICATION AND PROGRESSIVE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL LAW

INTRODUCTION. *The UN Charter entrusts the General Assembly with the obligation to “initiate studies and make recommendations” to promote the progressive development of international law and its codification. This mandate is primarily implemented through cooperation of States within the UN International Law Commission (ILC). Beyond the ILC’s work, the significance of scholarly research in international law – whether individual or collective – remains debated, including the very validity of the term “unofficial codification of international law”. This article explores the practical impact of legal scholarship on the evolution of contemporary international law, particularly in light of the UN Charter’s reference to the “teachings of the most highly qualified publicists”.*

MATERIALS AND METHODS. *The article calls attention to the relevant provisions of the UN Charter (including such its integral component as the Statute of the International Court of Justice), and to the ILC documents, and to scholarly works on general international law, which cover its codification, progressive development and historical dimensions—by both domestic and foreign experts. Methodologically, it employs general scientific approaches (analysis, synthesis) and specialized legal methods, notably comparative legal analysis.*

RESEARCH RESULTS. *The UN Charter notion “the teachings of the most highly qualified publicists” means a special part of the broader concept – “the science of international law”. Merely addressing a particular topic of international law is not enough for qualifying its results as one of the “teachings” in the sense of article 38 of the Statute of the International Court of justice; a sort of key characteristics of such a “teaching” are suggested: the scholarly (academic) nature of a publication on the results of such international law research; taking into account the system of international law (that is, results of the research are not to be a fragmented presentation of a position regarding a specific issue of international law in isolation from its overall system); the professional achievements of the author of a publication in the area of international law, their recognition within the international scholarly community. The notion “the teachings of the most highly qualified publicists”, as it is used in the UN Charter and in its Commentaries, refers first of all to theoretical contributions on issues of international law that are produced by scholars, either individually or collectively; the term does not mean a document of a State.*

DICUSSION AND CONCLUSIONS. *The literature on international law demonstrates a variety of opinions relating to the role of legal research in the*

development of international law and its systematization, including different opinions as to the relation between the term “the science of international law” and the “teachings of the most highly qualified publicists”, as provided in Art. 38 of the ICJ Statute. What is suggested in foreign legal publications is, in particular, a positive description of the list of international lawyers whose works were already cited by the ICJ. The authors of this paper take a more critical approach, identifying that in this list the majority are scholars from the USA and Western Europe. In contrast, no doctrinal contributions of scholars from Russia or China, or from Africa or Latin America were cited by the ICJ. Such underrepresentation of legal research done in countries and regions noted above does not mean that international laws scholarship is less developed in these regions than in the USA and Western Europe. Rather the dominance of Anglo-Saxon legal

scholarship in the ICJ practice is facilitated by other factors, including political ones, as indicated in this paper.

KEYWORDS: International legal research, codification of international law, progressive development of international law, teachings of the most highly qualified publicists, UN Charter, ICJ Statute, subsidiary means for determining international legal norms

FOR CITATION: Vylegzhanin A.N., Sigauri-Gorsky E.R. The Role of Legal Research in the Codification and Progressive Development of International Law. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 3. P. 24–43. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-24-43>

The authors declare the absence of conflict of interest.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-24-43>

Исследовательская статья

УДК: 341

Поступила в редакцию: 04.04.2025

Принята к публикации: 03.09.2025

Александр Николаевич ВЫЛЕГЖАНИН

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел России

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

danilalvy@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4833-2525

Егор Русланович СИГАУРИ-ГОРСКИЙ

Институт Китая и современной Азии Российской академии наук

Нахимовский пр-т, 32, Москва, 117997, Российская Федерация

sigores@outlook.com

ORCID: 0000-0002-6879-3065

РОЛЬ НАУЧНО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КОДИФИКАЦИИ И ПРОГРЕССИВНОМ РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

ВВЕДЕНИЕ. Предусмотренная Уставом Организации Объединенных Наций (далее – ООН) обязанность Генеральной Ассамблеи организовывать исследования и делать рекомендации в целях «поощрения прогрессивного развития междуна-

ного права и его кодификации» выполняется в настоящее время прежде всего посредством сотрудничества государств в формате Комиссии международного права ООН. Вне работы этой Комиссии роль исследований международного пра-

ва (индивидуальных и коллективных) по-разному оценивается, начиная с вопроса о том, корректно ли вообще употреблять термин «неофициальная кодификация международного права». В настоящей статье исследуется, каково практическое влияние научных трудов на совершенствование современного международного права, особенно в контексте положений Устава ООН о «доктринах наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву».

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Исходными материалами при подготовке настоящей статьи выбраны комментарии к Уставу ООН, в том числе к такой его неотъемлемой части, как Статут Международного суда ООН, документы Комиссии международного права ООН, научные публикации по общему международному праву, включая исследования о его кодификации и развитии, его истории, как подготовленными отечественными, так и зарубежными правоведо-международниками. Использованы такие общенаучные методы познания, как анализ и синтез, а также специальные юридические методы, включая сравнительно-правовой.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Предусмотренное Уставом ООН понятие «доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву» обозначает особый компонент более широкого понятия – «науки международного права». Только лишь проведения исследования конкретного вопроса международного права недостаточно для того, чтобы его результаты можно было отнести к «доктринам» в смысле ст. 38 Статута Международного суда ООН; предложены некоторые базовые характеристики таких «доктрин»: научный (академический) характер публикации результатов такого международно-правового исследования; учет при исследовании системности международного права (т.е. результаты исследования не должны сводиться к фрагментарной презентации конкретного вопроса международного права, вырванной из общего контекста его системы); профессиональные достижения автора публикации по международному праву, их признание в международном научном сообществе. Понятие «доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву», используемое в Уставе ООН и в его комментариях, обозначает, прежде всего, теоретические разработки вопросов международного права, которые выполнены правоведо-

индивидуально или в коллективе; это понятие не означает документ, изданный каким-либо государством.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В международно-правовой литературе отражены различные мнения о роли юридических исследований в развитии международного права и его систематизации, в том числе различные мнения о соотношении терминов «наука международного права» и «доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву» (последний термин предусмотрен ст. 38 Статута Международного суда ООН). В зарубежной международно-правовой литературе предложено, в частности, позитивное описание списка юристов-международников, чьи труды цитировались Международным судом ООН. Авторы настоящей статьи придерживаются более критической оценки, выявив, что в этом списке большинство составляют правоведы из США и Западной Европы. Напротив, Международный суд ООН не процитировал ни одного правового исследования ученых из России, Китайской Народной Республики или Африки и Латинской Америки. Такая дискриминация в отношении названных стран и регионов не означает, что международно-правовая наука в них менее развита, чем в США и странах Западной Европы. Доминирование англо-саксонских международно-правовых исследований в практике Международного суда ООН обусловлено, скорее всего, другими причинами, в том числе политическими, как показано в настоящей статье.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международно-правовая наука, кодификация международного права, прогрессивное развитие международного права, доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву, Устав ООН, Статут Международного суда ООН, вспомогательные средства для определения правовых норм

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Вылегжанин А.Н., Сигаури-Горский Е.Р. 2025. Роль научно-правовых исследований в кодификации и прогрессивном развитии международного права. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 24–43. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-24-43>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

1. Introduction

The UN Charter provides that the General Assembly shall initiate studies and make recommendations, *inter alia*, for the purpose of “encouraging the progressive development of international law and its codification” (art. 13). Accordingly, the UN General Assembly established in 1946 the *Committee on the Progressive Development of International Law and its Codification*. In 1947, a subcommittee of the Sixth (Legal) Committee of the General Assembly prepared a draft *Statute of the International Law Commission (ILC)*. The Statute was approved by Resolution 174 (II) of the UN General Assembly the same year [The work of International Law Commission ... 2007:4-6]. Members of the ILC, while being drawn from various segments of legal community (not only from universities and academia, but also from the governmental structures), nevertheless sit in their individual capacities, thus not representing a government or a specific university [The work of International Law Commission ... 2007:8-9].

The Establishing of the ILC did not mean its monopoly in progressive development of international law and its codification. Moreover, another provision of the UN Charter provides for the important role of the teachings of specialists in public international law. We refer to art. 38 of the Statute of the International Court of Justice, which forms “an integral part” of the UN Charter (art. 92). According to art. 38 of the ICJ Statute, “the teachings of the most highly qualified publicists of the various nations” are to be applied “as subsidiary means for the determination of rules of law”.

In this context, this paper after the introduction addresses the origin of legal research (Section 2) and then focuses on the proper understanding of the term “the science of international law” and its conceptualization (Section 3). Then the authors of the paper consider the phenomenon of the so called “scientific codification” of international law (Section 4) and the different interpretations of the provisions of the UN Charter on “the teachings of the most highly qualified publicists”, exposing the relations between this term and the term “international law literature” (Section 5), following with “Conclusion”.

2. Brief Notes on the Origin of Legal Research in general and of the Science of International Law in particular

There were periods in the history of law when the works of the most qualified lawyers played not a subsidiary, but a dominant role in the determination of

rules of law. Thus, introducing to the readers the Digests (extracts from the works of outstanding Roman lawyers), published under Emperor Justinian in 533 AD., Prof. I.S. Peretersky writes that “the Digests constituted the main subject of reception of Roman law and therefore were the current law in some countries of Western Europe for several centuries” [Peretersky 1956:3]; that in Roman law of that period the works of lawyers played a more significant role than the “imperial constitutions” and “edicta magistratum” (mainly legal acts of the praetors); that in the Roman state, “during the period of the Republic and in the first two centuries of the Monarchy the works of lawyers had the main significance as a source of private law” [Peretersky 1956:13]. Prof. L.A. Kamarovsky and V.A. Ulyanitsky point out in their lectures on international law: “Perhaps in no other branch of law does the legal science have such a great significance as in the sphere of international law. It should be recognized as one of the main factors that created it. Its representatives have repeatedly influenced international relations and contributed to the formation of norms that govern these relations” [Kamarovsky 1908:19]. Prof. D.B. Levin writes in his monograph on the science of international law in Russia: “Due to the lesser codification of international law compared to domestic law and the greater proportion of general principles in it, the ideas put forward by international legal science, more often fertilize international law with new norms” [Levin 1982:5]. Prof. Levin, while citing the statements of a number of international legal scholars, notes the “unique features” of the theories put forward by Russian international lawyers at the crossroads of the 19th and 20th centuries: “the main interest of international communication is peace (Kapustin)”; “the importance of public opinion for the development of international law (Stoyanov, Korkunov)”; “the idea of international cooperation of states” in various forms, such as “the concept of the law of international governance (Martens, Kazansky)” or “the international protection of rights (Korkunov)” or the concept of “the rights of humanity (Kamarovsky)”. Of special importance are the conclusions of the Russian publicists about the utopian idea of a “world state” and that “international law can only exist if there are many independent states” [Levin 1982:9-12]. Prof. Levin does not offer a definition of the term “the science of international law”, but notes its steady development during the Soviet period: “Soviet science of international law, which was far ahead of pre-revolutionary Russian science of international law, is the heir to its best traditions: the ideals of international legality, interna-

tional peace and cooperation, which distinguished Russian science of international law from the contemporary science of international law in the West" [Levin 1982:196].

The Russian and foreign authors have continuously emphasized the particular cultural and civilizing role of the science of international law. It is noted, for example, even in the 17th century one of the pioneers of the international legal scholarship H. Grotius in his studies on the *Bellum Justum* argued, that while the winner in a just war was entitled to punish the vanquished, "he did not wish this right to overshadow all other considerations of justice and prudence" [Bull, Kingsbury, Roberts 1992:23].

Despite this, unlike numerous developments of early concepts of diplomatic law or concepts of the law of war and peace, or of the law of international treaties, well described in the world legal literature, the science of international law as an object of research is not that popular. This thesis, however, does not cloud the fact that the legacy of these epochs holds the most serious influence on the development of theories and concepts of contemporary science of international law. For example, the cosmopolitanism of the late Roman stoicism can be found in the concepts of the French solidarist sociological school of international law. The political philosophy of D. Alighieri set out in his treatise "Monarchia" of 1312-1313 [See: Dante: Monarchy... 1992] had a certain influence on the formation of the monistic doctrine of the famous theorist of normativism in international law – H. Kelsen (*"Die Staatslehre des Dante Alighieri"*, 1905) [See: Lepsius 2017; Marras 2017; Reut 2015]. A prominent French scholar of international law of the 20th century R.-J. Dupuy, in his original work on the philosophy of international law and international community of 1989 (*"La clôture du système international. La Cité Terrestre"*) refers to Augustine of Hippo [See: Dupuy 1989]. The contemporary scholar of the law of international treaties J. Klabbers creatively applies the tradition of Aristotelian ethics to the study of the legal basis of the "global governance" [See: Klabbers 2022]. Modern Chinese international legal scholars emphasize the epistemological value of the philosophical concepts of Laozi, Confucius, Mencius and Sun Tzu in terms of understanding of the sources of international law and the motivation for compliance with its norms in the practice of States [Zhipeng He, Lu Sun 2020:33].

Prof. G.I. Tunkin emphasizes that in the 19th and at the beginning of the 20th century many lawyers considered international law primarily as a "doctrinal law", "the law of scholars" [Tunkin 1970:211]. He

notes the significant difficulties that often arise when establishing the existence of a particular norm of international law or its interpretation; in this regard, "the science of international law often provides significant service" in this area [Tunkin 1970:212].

According to the 19th century British legal scholar T. Twiss: "the true era from which we must date the foundation of the great science, which is conversant with questions of right that concern the fellowship of nations, is the latter portion of the fifteenth century, one of the most remarkable epochs in the annals of legal science" [Twiss 1856:2]. Such view, in general, seems to be generally widespread among the modern scholars of international law. In essence, contemporary Chinese international lawyers point to the similar thesis: "...it was in Europe, which had cast off the medieval monolithic political order, that the modern sense of transnational relationships and documents of international law emerged, which also gave birth to theories of international law in the modern sense. It can be said that modern international law had Western features from the beginning of its birth and waved a banner for Western hegemony. For example, starting from the contemporary recognized humanist who had major influence on international law, we can make a long list of international jurists: Vitoria (Spain), Grotius (the Netherlands), Vattel (Switzerland), Pufendorf and Bynkershoek (Germany), Wheaton (the United States), Westlake (the United Kingdom), or Oppenheim (Germany/UK), Lauterpacht (UK), Henkin (US). This list shows that the majority of the cornerstones of international law theory were laid by Western scholars of international law" [Zhipeng He, Lu Sun 2020:58]. With the emergence of the above-mentioned figures in the European political and legal thought, the foundations of modern science of international law were indeed laid *avant la lettre*. However, M. Koskenniemi notes that the complete formation of the science of international law occurred much later: "International law emerged as a specialized profession and a branch of law studies with a chair at universities only in the latter part of the 19th century. Before that, it was usually studied in connection with – and sometimes merged into – diplomatic history or political philosophy. From the outset, its self-understanding was historically informed. This undoubtedly reflected the sense among international lawyers that they were part of a cosmopolitan project that had a long pedigree sometimes derived from Enlightenment philosophy but increasingly from earlier times, from Hugo Grotius, 16th century Spanish humanists or even Stoic cosmopolitanism" [Koskenniemi 2004:61]. H. de Waele

also adheres to M. Koskenniemi's points in his study on the development of the Dutch international legal science at the beginning of the 20th century: "As is well known, international law occupied only a marginal place in academia across the world up until the second half of the 19th century. The very first dedicated professorship was established in 1851 at the University of Turin, predating the Chichele chair at Oxford (1859) and the Whewell chair in Cambridge (1867). Overall, the discipline is considered to have been slow in obtaining a slot in university curricula" [de Waele 2020:1009].

By the end of the 19th century a general transformation of the discourse on the legal foundations of the international community of States also takes place. International law begins to shed the skin of the "*jus publicum Europaeum*". The general paradigm shifts in emphasis from the religious and national characters of peoples to the "minimum standards of civilization", which opens the entry of non-Western states into the Family of Nations.

Ambassador E.R. Voronin, in his research dedicated to one of the luminaries of the Russian international legal science, prof. F.F. Martens, notes: "Martens and the followers of his teachings (M.A. Taube, B.E. Nolde and A.N. Mandelstam) laid the foundation for the understanding of international legal science as a real means capable of preventing the movement toward a war that became apparent in the late 19th – early 20th centuries "in the context of growing antagonisms and confrontation between two military coalitions – the Entente and the Triple Alliance" [Voronin 2015:26-27]. European researchers of the history of the science of international law point to the important role of the French lawyer and statesman E. Laboulaye and the Russian lawyer D.I. Kachenovsky in the institutionalization of international law in the period 1840-1870 of the XIX century, through their "deep involvement in the construction of extensive academic ties" with professional communities, associations of researches and law journals [Cahen, Alorant 2021:112].

One of the pioneers of the "Third World Approaches to International Law", R.P. Anand emphasizes that before the emergence of the international legal order based on the UN Charter, it was believed that modern international law is exclusively a product of Western European Christian States or States of European origin and, therefore, is applicable only between them [Anand 2004:25].

Yet, some contemporary international legal scholars also argue about the supposed «loss» of the civilizing and truly progressive significance of the teach-

ings (doctrines) of international law. For example, prof. A. Carty notes: "Historically at least one strand of doctrine, the natural law as distinct from the positivist approach, was supposed to offer a transcendent standard against which the practice of States can actually be judged as nugatory. Whether one uses the contemporary technical terms 'null and void' to describe the effects of this doctrinal activity, it does definitely claim that there is a human responsibility to resist and disregard offending state practice" [Carty 2012:978]. This thesis contains an important remark regarding the "loss" of the doctrines of international lawyers of their connections with their historical philosophical and cultural foundations and, as a consequence, the functional reduction of their general significance.

While considering the historical role of H. Grotius, A. Carty points out that his continuing relevance lies in his reiteration of the classical ancient standard of the reasonable conduct: "Grotius distinguishes the openly presented so-called justifying reasons from real underlying motives of statesmen. Reason can appear to provide a coherent argument for war, but the underlying motive is still a desire for riches, glory, and empire. Right reason should be able to balance arguments and this is a matter of the exercise of a quality of judgment which should be free of ambition as from envy" [Carty 2012: 983-984]. A. Carty puts the essence of this provision in the beginning of his "Philosophy of International Law" as well: "In a sense the tradition was pre-democratic and pre-liberal, in that it is always assumed that somehow there will be present a group of erudite and morally serious people who are able to wrap up legally significant human actions in the texture or framework of reasonableness. It is also assumed that standards are universal and everywhere the same, not only in space but also in time. This favors an old-fashioned form of interdisciplinarity, which now appears as mere eclecticism. The doctrinal writer will look to history, philosophy, and even literature to support what appears to him just and reasonable in the circumstances" [Carty 2007:2]. Criticism of this kind, which we believe can be associated with the paradigm of the so-called "Critical Legal Studies" [See: Critical International Law ... 2014], is called upon to "expose" the fundamental problem of the contemporary science of international law. The research of an international lawyers certainly is not limited by a function of interpretation and clarification of the political will of a concrete state or other subject of international law in the process of norm-compliance and rule-making.

3. The Science of International Law: the Conceptual Understanding

An American philosopher and legal scholar R.R. Foulke argues that “the science of international law is the systematic study of the conduct of independent states, which is nothing more than the philosophy of international law” [Foulke 1919:465]. Philosophy and international legal science indeed exist in a mutual influence. For example, prof. S.V. Chernichenko points out that in “the philosophical dimension of international law” it is impossible to completely avoid its “intersection” with the issues of international law theory [Chernichenko 2009:649, 653]. The philosophical study of international law is characterized by an approach that considers first of all its values, ideological content, including the fundamental ideas of maintaining international peace, harmonization of interests in the international community of States, such values as justice and equality in the relations of States and etc. While the science of international law predominantly studies the actual legal scope of the existing norms of international law, applying a concrete conceptual apparatus adopted by States. In this regard, prof. V.A. Vasilenko defines the science of international law as “a system of knowledge obtained by scholars about the nature of international law and the regularities of its emergence, development, formation and functioning” [Vasilenko 1988:203].

A somewhat different approach is proposed by the Chinese international lawyer prof. Huang Jin, based on the concept of “macro-science of international law”. According to him, at the present stage of its development, the law governing relations between states is no longer the traditional “public international law” but constitutes “the sum total of the legal conduct rules with binding force which represent the harmony of state wills and governing all kinds of international relations (not the political relations between states only). The science of law, which studies, at a macroscopic angle, those international statutes systematically and scientifically, is the very macro-science of international law” [Huang Jin 1993:383].

Prof. R.A. Kalamkaryan offers his vision of the triad “theory, doctrine and philosophy” of international law: “The teachings in the field of the science of international jurisprudence logically show the immediate subject of study – the doctrine and the

scholar’s own vision of a separate area of science – theory. Being extremely abstract in their essential content, the teachings carry a certain philosophical conception and can well be designated in the aspect of philosophy. Thus, within the framework of the process of studying the subject of the teachings of international law, we distinguish theory, doctrine and philosophy” [Kalamkaryan 2006:101]. Prof. S.V. Chernichenko does not quite agree with this approach. Firstly, he does not designate such an “subject of a study” as “the teachings of international law”. Secondly, S.V. Chernichenko writes that “when considering international law in a philosophical light”, one should “avoid such terms as “subjects of international law”, “international legal relations”, “State sovereignty”; these terms “do not have a philosophical connotation”, they “refer to the doctrine of international law or, more precisely, to the theory of international law”. The scholar notes, that at the same time “the interweaving of philosophy and the theory of international law is here inevitable” [Chernichenko 2009:636-637].

In terms of judicial practice, the importance of legal research was well defined in a New York State Supreme Court decision, and was subsequently referred to by the Supreme Court of the United States in the *Paquete Habana* case (1900)¹: “...the presumption will be very great in favor of the solidity of their [established writers] maxims; and no civilized nation that does not arrogantly set all ordinary law and justice at defiance, will venture to disregard the uniform sense of the established writers on international law” [Janis, Noyes 2006:71]. It is easy to see that a similar idea was expressed much earlier (in the 19th century) by the renowned Swiss international lawyer J.K. Bluntschli: “If at present Wheaton and Phillimore, Wilden and Kent, Heffter and Oppenheim agree among themselves on a certain theoretical position, we are naturally inclined to recognize it as the beginning of modern international law even it is not confirmed treatises and its application in practice is still doubtful” [Bluntschli 1876:74]. We note, however, that even for the 19th century, such a role of the results of international legal research as a source of international law is exaggerated.

G.M. Danilenko emphasizes that the expert community of international lawyers traditionally plays a crucial role in clarifying and resolving contradictions in the application of customary norms

¹ The *Paquete Habana*, 175 U.S. 677 (1900). – *Justia U.S. Supreme Court*. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/175/677/> (accessed date: 03.08.2025).

of international law [Danilenko 1988:28]. Prof. S.V. Chernichenko notes that the means revealing the existence of customary rules of international law, although called “subsidiary sources of international law”, “can be attributed to a greater or lesser extent to evidence of the existence of customary norms” [Chernichenko 2014:166]. Other international legal scholars, however, do not reduce the role of international legal research only to “evidence of the existence of customary norms” of international law. Prof. Yu.Ya. Baskin notes the positive role of the achievements of the science of international law in eliminating gaps in it “as a whole”: both in treaty and customary international law [Methodology of research ... 1986:115]. C.C. Jalloh, a member of the UN International Law Commission, notes: “Whereas the teachings of publicists are only somewhat present in the judgements of the ICJ, with a relatively small number of main judgments referring to them, scholarly works are quite prominent in the separate opinions of individual judges as well as in the rulings and judgments of numerous other international courts and tribunals. They are also common in decisions of regional and other international tribunals. These include, out of many possible examples, the African Court of Human and Peoples’ Rights, the European Court of Human Rights, the International Tribunal for the Law of the Sea, the Inter-American Court of Human Rights...” [Jalloh 2021:196].

Researchers also pay close attention to the mutual influence of one legal system on another, thanks to comparative legal studies carried out by international lawyers in different states, starting from the works of H. Grotius. Among the striking examples of such mutual influence, C.W. Jenks notes the fact that in Turkey the law of the Ottoman Empire was thoroughly modified by the adapted introduction of the Civil and Civil Procedure Codes of Switzerland, as well as the Criminal Code of Italy [Jenks 1958:110]; the pioneers in the study of this reception were the legal scholars represented in this case by the International Committee for Comparative Law [See: Hamson 1953]. Furthermore, Chinese law in the first half of the 20th century also underwent changes under the influence of Western legal experts, especially in the context of the work of the Commission on Extraterritoriality, created following the results of the Washington Conference of 1922 [Jenks 1958:111].

C.W. Jenks emphasizes the significance of comparison of international legal doctrines of scholars from different countries for the professional growth of any international lawyer, including legal practitioners: “...as international law has evolved towards

universality, an appreciation of varied legal systems has become an increasingly important safeguard against the danger of approaching international legal problems on the basis of too limited outlook and too narrow experience” [Jenks 1958:417]

Prof. I. I. Lukashuk writes: “If a scholar deeply studies the actual real life and correctly expresses its needs, then his works are capable of exerting a very significant influence on international law. Let us recall Hugo Grotius, who reflected in his works the needs and ideas of the forming bourgeois society. Therefore, a significant number of the provisions he defended were subsequently embodied in the norms of international law... With the development of society, social relations become increasingly developed and complex. Successful legal regulation of them is completely impossible without the ever-wider use of science. This fully applies to such a particularly complex area of social relations as international relations. Undoubtedly, the role of scholars in the general process of international lawmaking will increase. The experience of the UN International Law Commission is of particular interest in this regard” [Lukashuk 1966:99-100].

In the most popular English-language textbook on international law prof. M. Shaw asserts: “Historically, of course, the influence of academic writers on the development of international law has been marked. In the heyday of Natural Law it was analyses and juristic opinions that were crucial, while the role of state practice and court decisions was of less value. Writers such as Gentili, Grotius, Pufendorf, Bynkershoek and Vattel were the supreme authorities of the sixteenth to eighteenth centuries and determined the scope, form and content of international law. There are still some writers who have had a formative impact upon the evolution of particular laws, for example Gidel on the law of the sea, and others whose general works on international law tend to be referred to virtually as classics” [Shaw 2017:84]. Thus, it is well known that the principle of Freedom of the Seas and the inadmissibility of subordinating its waters to the authority of individual States was put forward as early as 1609 by H. Grotius in his famous work “Mare liberum” [See: Grotius 1609] and this principle has received universal recognition by states, becoming one of the main principles of international law [Kozhevnikov 1947:136]. The name of K. von Bynkershoek is associated with the early experience of legally defining the outer limits of the territorial waters, which, taking into account the international practice of the 18th century, was determined by the scholar to be proportionate to a cannon shot from the

coast (about 3 nautical miles). I. Brownlie and some other legal scholars point to the constitutive role of the doctrine of the French legal scholar G. Gidel in defining the concept of the contiguous zone in international law of the sea [Brownlie 2008:34]. And probably the most striking example from the history of the Russian science of international law, one may assume, is the well-known “Martens Clause” in international humanitarian law, which, as V.S. Ivanenko notes: “...outlived the scholar himself, being successfully carried through the 20th century into the 21st century and continues to fulfill its noble mission of protecting victims of war in various unforeseen situations” [Ivanenko 2022].

Thus, the contemporary role of the science of international law is very broadly defined, including its important significance on scholarly (that is, unofficial) systematization of international law and as subsidiary means for the determination of rules of law. Not all international lawyers distinguish between the science of international law and its “doctrines” (the teachings) in the sense of Article 38 of the Statute of the International Court of Justice. Without making such a distinction, prof. A. Carty uses the term “doctrines” of international law when discussing the mechanism of its formation. A. Carty points out that the doctrines of international lawyers must be recognized as having a greater role to play; without them, according to the author, international law “cannot develop”; the doctrines of international lawyers play a “creative role” in international law [Carty 2019:50].

A similar assessment is reflected in the writings of another British legal scholar: “In the absence of a legislator and an enforcer, international law would become pure subjectivism if its validity depended only on the perception of the rules’ of each individual State; to avoid such subjectivism, the author proposes to give an even greater role to ‘the teachings of specialists in international law’ [Allot 1971:79, 95-96; Carty 2019:52].

But should the notion of “the science of international law” (the content of this notion is not specified in the UN Charter) and the notion of “the teachings of the most qualified publicists in of various nations” – designated in this document as an “subsidiary means for the determination of rules of law” – be equated? M.V. Filimonova in her book on the sources of international law positively answers this question: “...when it comes to the science of international

law, then it is permissible to include in this group of sources everything that can help in obtaining information about this subject – all evidence of cooperation between states regardless of their characteristics and legal force, decisions of international courts and arbitrations; various doctrines and concepts and other materials of the activities of non-governmental organizations” [Filimonova 1977:303].

Let us offer a different statement: the notion of “science of international law” is broader than the term “the teachings of the most qualified publicists” (as the latter is used in the UN Charter). Neither of these notions, however, includes judicial decisions, including judgements of the UN International Court of Justice or awards of interstate arbitrations; according to Article 38(d) of the Statute of the UN International Court of Justice (ICJ), “judicial decisions” and “teachings of the most qualified publicists” are *not the same*. Further, in deciding disputes submitted to it on the basis of international law, the ICJ does not apply a single body of views prevailing in the legal science of a particular State on a given question of international law; but rather the ICJ selects individual theoretical works, widely cited as “the teachings of the most highly qualified publicists of the various nations”²; but the ICJ does consider all results of legal research of all legal specialists in the world.

It is noteworthy that prof. Tunkin G.I. does not classify the opinions of all the existing “public and scientific organizations” as “the teachings of the most qualified” legal publicists in the meaning of art. 38 of the Statute of the International Court of Justice. Prof. Tunkin notes, however, that if we are talking about “special legal organizations” (such as, for example, the International Law Association), then their intellectual results occupy in the process of international norms-formation occupy “generally the same place” as the teachings of the most qualified publicists [Tunkin 1970:213-214].

4. The Scientific Codification of International Law

It’s a common knowledge (within the so-called “general theory of law”) that the codification of law (along with the consolidation of law) is a type of systematization of law [Black’s Law Dictionary... 2015:228; Legal Encyclopedia ... 2001:426-427]. It’s asserted that codification is «only official» within na-

² Statute of the International Court of Justice. – *International Court of Justice*. URL: <https://www.icj-cij.org/statute> (accessed date: 03.08.2025).

tional law [Legal Encyclopedia ... 2001:427]. As for the codification of international law different opinions are suggested by such soviet prominent scholars, as professors F.I. Kozhevnikov and A.P. Movchan.

According to prof. F.I. Kozhevnikov, codification of international law is realized primarily within the United Nations – in such organs as the ILC, Disarmament Commission, the Committee of the Peaceful Uses of Outer Space etc. In addition to this, “unofficial codification of international law» also exists, which “is considered as being more flexible” and is carried out “by individual scholars and international research organizations and communities” [International Law 1982:42-43]. In line with this approach the literature on international law shows that early attempts on “unofficial (scientific) codification” of the norms of international law largely belong to legal scholars. For example, prof. R.A. Kalamkaryan points out that the term “codification” itself, as applied to international law, belongs to the British philosopher and legal scholar J. Bentham. The latter developed the fundamental theoretical provisions for creating a code of rules of international law in his work “Principles of International Law” (compiled in 1786-1789, published posthumously in 1843) [Kalamkaryan 2008:8-9]. It is also well known that it was J. Bentham who first coined the very term “International Law”, as opposed to the “Law of Nations”. Thus, Bentham wrote: “The word *international*, it must be acknowledged, is a new one; though it is hoped, sufficiently analogous and intelligible. It is calculated to express, in a more significant way, the branch of law which goes commonly under the name of the *law of nations*: an appellation so uncharacteristic that, were it not for the force of custom, it would seem rather to refer to internal jurisprudence. The chancellor D’Aguesseau has already made... a similar remark: he says, that what is commonly called *droit des gens*, ought rather to be termed *droit entre les gens*” [Janis 1984:408]. Bentham considers of international law as a law applicable only in relations between sovereign states recognizing each other “as equals” [Philosophical Foundations ... 2018:430]. In academic circles since the mid-nineteenth century, this approach can generally be considered as dominant, proceeding from the assumption that a State is an exclusive subject of international law.

Within this approach prof. V.P. Danevsky spoke positively about the early scientific systematization of international law referring to the work of J. Bluntschli as an example: “...his work, presented in the form of a code, combined a great deal of mate-

rial and was written very vividly; it proves the viability of the idea of codifying international law...” [The Golden fund ... Vol. V. 2021:123]. From the historiographical point of view, interestingly enough, an American legal scholar J.B. Scott adds, that even before the code of Bluntschli had appeared “David Dudley Field, whose name is inseparably connected with the codification of municipal law in the United States, had proposed, at the meeting of the British Association for the Promotion of Social Science, held at Manchester, in September, 1866, the appointment of a committee “to prepare and report to the Association the Outlines of an International Code, with the view of having a complete Code formed, after careful revision and amendment, and then presented to the attention of governments, in the hope of its receiving, at some time, their sanction” [Scott 1927:422]. Prof. V.I. Lisovsky also points out the important role of the early scientific codification of international law by G. Leibniz (“*Codex gentium diplomaticus*”) and Abbé H. Grégoire (“*Déclaration du droit des gens*”, which, following the lines of the Declaration of the Rights of Man of 1789, formulated the rights and duties of States according to international law) [Lisovsky 1970:9].

In contrast to this prevailing approach, according to prof. A.P. Movchan, the term “codification” (as it is used in the UN Charter) does not mean any participation of individual scholars. “Codification of international law is a process of creating law; it is one if the normative activity of States in their international relations”. Thus, according to prof. Movchan, codification of international law “may have only official character” [Movchan 1972:65-67].

Some authors do not speak about official or “scientific” codification of international law; rather they focus on the question whether an international doctrine get “the assent” of States or not. J.W. Foster, for example, notes that “Grotius and the earlier publicists had done much to create a public sentiment in favor of a more rational and humane political system, but international doctrines only become laws when recognized and put in practice by the assent of sovereign States” [Foster 1909:153]. Yet, it seems unlikely that each teaching in the field of international law actually passes through a “filter of recognition” by each sovereign State. Moreover, we argue that there is no need for such a procedure: the legal science in the modern international legal order (as opposed to the agreed expression of wills of sovereign States) does not per se create international legal rules.

5. The “teachings of the most highly qualified publicists of the various nations” (*la doctrine des publicistes les plus qualifiés des différentes nations*) as a special component of the science of international law

The Russian and foreign academic publications widely employ the term “doctrines”, often specifying its national (state) affiliation – such as “Soviet”, “Russian”, “American”, or “French” doctrines of international law – as well as its ideological orientation – such as “socialist” or “bourgeois” international legal doctrines.

It was demonstrated above, that concept of “the science of international law” is broader in meaning than the concept of “the teachings of the most qualified publicists” in international law. But it is precisely the latter that is attributed in the UN Charter to those means that are applicable to settlement of international disputes.

In the 20th century, the dichotomous view of “bourgeois” (“imperialist”) and “socialist” doctrines of international law was shaped by the global ideological confrontation between different States: a) with public ownership of the means of production (the USSR and other socialist countries) on the one hand; and, on the other, b) States whose economies were based on private ownership of such means. Accordingly, in the works of prof. Tunkin G.I., a clear distinction is drawn between “the two principal conceptual models of the international system: socialist and capitalist. The socialist conceptual model of the international system reflects the laws of socialist society” and the view of “the working class, its vanguard united within the ranks of the communist parties”. The capitalist “conceptual model of the international system reflects the laws of capitalist society” and the view of its “ruling classes” [Tunkin 1983:86-133].

This approach was also reflected in the *Dictionary of International Law* published in the USSR in 1986, which explicitly refers to “bourgeois” and “Soviet” doctrines of international law [Dictionary of International Law 1986:76-78]. However, these formulations were not repeated in the new (post-Soviet) edition of the same dictionary [See: Dictionary of Interna-

tional Law 2014]. Prof. R. Mullerson, nevertheless, emphasizes that contrary to the prevailing Western perception of the Soviet doctrine of international law “as monolithic”, it in fact encompassed a “multitude of differing opinions and perspectives” [Mullerson 1989:494].

A concrete example supporting this view can be found in the work of prof. L.A. Modzhoryan on international legal personality: “*On the issue of the international legal personality of international bodies and organizations, there are disagreements among Soviet jurists. While S.B. Krylov recognizes only states and nations fighting for their independence—those in the process of forming their own national state—as subjects of international law, and F.I. Kozhevnikov argues that although the United Nations as such is not a subject of international law in the usual sense of the term, it nevertheless ... is endowed with a number of highly significant general and specific rights, D.B. Levin, when asked, ‘Can international organizations be considered subjects of international law?’ answers: ‘Certainly, in cases where these organizations possess, under their charters, a certain sphere of independent rights and obligations vis-à-vis individual states, particularly the right to independently conduct foreign relations’*” [Modzhoryan 1956:95].

Another example can be seen in the commentary by prof. G.V. Ignatenko and prof. D.I. Feldman on early Soviet conceptions of international law. While acknowledging the positive contributions of E.A. Korovin and E.B. Pashukanis in critiquing “bourgeois concepts of international law”, the scholars characterize their attempts to develop “a Marxist-Leninist theory of international law” as unsuccessful, failing to reflect “the actual position of the Soviet State”³.

It should also be noted that the “classics” of the Russian international legal scholarship were very careful in their use of the terms “international legal doctrines” and “the science of international law”, avoiding their conflation. In the classic soviet “*Course of International Law*” edited by prof. V.N. Durdenevsky and prof. S.B. Krylov, the authors refer to “the main trends in the science of international law during the bourgeois era”⁴ but do not classify these scholarly views as “doctrines” in the sense of the aforementioned provision of the UN Charter.

³ *Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik [International Law: A Textbook]*. Ed. by G.I. Tunkin. Moscow: Yuridicheskaya literatura publ. 1982. P. 568. (In Russ.)

⁴ *Mezhdunarodnoe pravo. Uchebnik [International Law. A Textbook]*. Ed. by V.N. Durdenevsky, S.B. Krylov. Moscow: Legal Publishing House of the USSR Ministry of Justice. 1947. P. 64. (In Russ.)

Prof. F.I. Kozhevnikov, while examining issues related to the activities of the International Court of Justice, speaks of the negative stance of the Soviet international legal science toward various proposals by Western jurists aimed at expanding the ICJ's jurisdiction. At the same time, Judge Kozhevnikov does not conflate the UN Charter's term – "the teachings of the most highly qualified publicists" – with the term "science of international law", which is also widely used [Kozhevnikov 1965:2-3].

A similar approach is taken by prof. Tunkin G.I., who refers to "Soviet international legal science" and "the scholarly works of Soviet international lawyers" but not to the "Soviet doctrine" [See: Tunkin 1962:1-18] in the sense of Article 38 of the ICJ Statute.

In our view, the phrases such as "the Soviet doctrine" or "the Russian doctrine" of international law (and similar formulations) may be appropriate when an author seeks to denote the body of research by scholars of international law from a given State during a specific period – provided there is a genuine consensus among prevailing scholarly views in that state. However, interpreting the UN Charter's term – "the teachings of the most highly qualified publicists" – as encompassing all the publications within the Soviet international legal scholarship – seems to be incorrect. It would be more accurate to refer to such a collection of works as "the Soviet scholarly literature on international law".

Similarly, it would be incorrect to generalize the diverse publications of legal scholars from the USA or Great Britain or France under the umbrella terms "American", "British" or "French" international legal doctrines in the sense of Article 38 of the ICJ Statute.

In light of this, we assert again that the concept of "the science of international law" is broader in meaning than that of "the teachings of the most highly qualified publicists" within the area of international law. However, it is the latter that the UN Charter includes among the sources applicable to deciding international law disputes. But who are the "most highly qualified publicists"?

During the drafting of the Statute of the Permanent Court of International Justice (PCIJ), the members of the Advisory Committee of Jurists referred to various terms: "authors", "writers", "jurists", and "publicists". Initially, the mutually agreed term was "writers"⁵, but the Drafting Committee replaced it in the authentic English text of the Statute with the word "*publicists*" (in the French text: "*publicistes*"). This formulation was retained in 1945 in the Statute of the International Court of Justice, where the authentic Russian text uses the term "*специалисты*" (in literal translation "specialists")⁶.

According to prof. S. Sivakumaran of the University of Cambridge, the term "publicists" encompasses: a) Authors of textbooks, monographs, and other scholarly publications on international law; b) Collective expert bodies (such as the UN International Law Commission, the International Committee of the Red Cross, and the International Law Association) [Sivakumaran 2017:3]. Under this interpretation, the phrase "the most highly qualified publicists" in art. 38 of the ICJ Statute includes both individual scholars and groups of experts working collectively within international bodies and even non-governmental organizations. However, was this the actual intent of the States that negotiated the UN Charter?

Prof. Sivakumaran emphasizes the subjective nature of determining whether a scholar is qualified as "the most highly qualified publicist" under art. 38. He argues that the quality of legal research should take precedence over the author's reputation [Sivakumaran 2017:9]. A different approach is proposed by the French jurist C. Mouly, who asserts: "*If the term 'doctrines' covers academic research, it does not seem blasphemous to extend it to any legal writer who participates in the discussion of arguments and ideas that shape the law*"⁷.

However, as previously demonstrated, not every legal writer is to be qualified as the "most highly qualified publicist" under Article 38 of the ICJ Statute. Moreover, whether a particular study "shapes" international law is not solely a matter of quality. While

⁵ The term "writers of international law" was used by prof. F.F. Martens. See: [Martens 1996].

⁶ Let us recall that the International Court of Justice operates on the basis of a new legal document – the UN Charter, including such an integral part of it as the Statute of the International Court of Justice. The Statute of the Permanent Court of International Justice is not part of the current international law. This court itself has been abolished. See: [Krylov 1958; Kozhevnikov, Sharmazanashvili 1971].

⁷ "*Si la dénomination «doctrine» recouvre communément les universitaires, il ne semble pas sacrilège de l'étendre à tout auteur d'écrit juridique qui participe au débat d'arguments et d'idées qui alimente le droit*". See.: [Mouly 1986:352].

scholarly rigor is crucial in determining whether a work constitutes a “doctrine” in the ICJ Statute’s sense, other factors – such as the author’s professional reputation and academic contributions – cannot be ignored. For instance, in the practice of the ICJ and interstate arbitrations, one does not encounter references to student research compilations, even if they contain high-quality legal analyses. Instead, the Court and arbitral tribunals cite works by world-renowned international law experts with established reputations. This is partly due to the requirement that judicial and arbitral decisions in interstate disputes must be persuasive. Some examples of frequently cited authorities include: British scholars such as D.W. Bowett and E.D. Brown; prof. R. Kolb (University of Geneva); Judge D. Anderson (International Tribunal for the Law of the Sea); other international legal scholars with comparable professional recognition⁸.

Further examples can be found in international investment arbitration. In the well-known Salini case, an ICSID tribunal, when defining the term “investment”, referenced “legal authors”, particularly highlighting the work of prof. E. Gaillard [See: Salini Costruttori ... 2001; The Rules, practice ... 2012:99].

In this regard, it seems more accurate to speak of an immanent connection between the quality of legal research and the scholarly authority of an international law expert. This thesis is supported by the drafting history of the Statute of Permanent Court of International Justice (PCIJ) – the judicial body of the League of Nations. As noted by the Polish legal historian M. Mazurkiewicz: “Article 38 of the PCIJ Statute does not diminish the role of the views of leading authorities in international law. Their work was intended to aid in the determination of legal norms. The relevance of this role increased in proportion to the authors scholarly standings, the long-term validation of their arguments in practice and the absence of subsequent doctrinal disputes” [Mazurkiewicz 2017:172]. Against this backdrop, Mazurkiewicz writes, “*a debate unfolded*” during the drafting of the Statute. American Judge Kent asserted that only someone “*who mocks justice*” could reject the presumption of correctness of a legal norm derived from the opinions of “jurists”. British Judge Phillimore went even further, “*considering it possible for the United Kingdom to accept a judicial decision based solely on the provisions of legal doctrines*” [Mazurkiewicz 2017:172].

As for results of the research that may be qualified as the “teachings of the most highly qualified publicists” under international law, prof. S. Sivakumaran suggests the following, in particular: a) digests (compilations of materials on international law prepared by legal scholars); b) textbooks on international law; c) monographs on international law; d) scholarly commentaries on international treaties and other sources of international law; e) papers on international legal topics, published in academic journals; f) publications by international law scholars in ONLINE blogs [Sivakumaran 2017:10-19].

With the exception of the last category, we are ready to agree with this list, if the listed sources indeed constitute publicly available results of academic research, the preparation of which and the quality assessment thereof follow the established scientific and disciplinary methodologies, including double peer review. In contrast, ONLINE blogs, while they may (*de facto*) contain scholarly analyses of certain international legal issues, differ significantly from the other sources mentioned above: they do not undergo peer review by relevant experts; their preparation is not bound by formal academic requirements, such as the depth of research on the given issue, the author’s awareness of existing scholarship, or the inclusion of proper citations.

Moreover, actual international legal practice of applying art. 38 of the ICJ Statute does not indicate the use of blog publications as «means for the determination of rules of law». While acknowledging the growing influence of Internet in the modern world, we assert that, at present, it is incorrect to characterize ONLINE blog publications as the “teachings of the most highly qualified publicists” within the meaning of art. 38 of the ICJ Statute.

A separate assessment should be made regarding the role of international law research conducted by collective bodies of international legal scholars that maintain close ties with states and intergovernmental organizations. Such expert groups may be directly authorized by states or intergovernmental organizations to perform specific functions, including those that effectively contribute to international law-making. States typically possess legal mechanisms to influence the appointment of members to such collective law-developing bodies. Prominent examples of such entities include the United Nations International Law Commission (ILC), as noted above.

⁸ See: PCA Case No. 2013-19. Award on Jurisdiction and Admissibility. – *Permanent Court of Arbitration*. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/2579> (accessed date: 03.08.2025)

International law scholars often emphasize its unique role in this context, as it is “an official UN body” and its opinions have been cited, not only in order to elucidate treaties it has helped to draft, but also as evidence of the general *opinio juris* [Lowe, Fitzmaurice 1996:84]. We would add that the quality of the ILC materials depends *inter alia* on the quality of sources which are chosen.

In this context it's correctly highlighted the significant role played by international law experts participating in State cooperation mechanisms in their personal capacity (such as special rapporteurs of the ILC; experts providing testimony before interstate arbitral tribunals). As prof. S.V. Chernichenko notes: “These individuals substantially influence both the implementation of international law and the development of its norms and specific determinations in concrete situations” [Chernichenko 2009:646]. While acknowledging the general trend of diminishing direct impacts of the legal teachings as means for identifying international legal norms, prof. G.I. Tunkin nevertheless emphasizes general growing importance of the legal teachings in the norm-creating process: “The enhanced role of preparatory processes and, consequently, of experts in the creation of international law norms signifies the increased importance of doctrines in this field” [Tunkin 1992:19].

Research produced by non-governmental associations of international lawyers (such as the International Law Association or the Institute of International Law) differs fundamentally from the aforementioned intergovernmental bodies as the latter lack formal legal connection between participating scholars and States of their nationality. Such groups may exert both positive and negative influence as subsidiary means for determining applicable legal norms. For instance, they may engage in politically motivated interpretations of applicable

international law, as demonstrated by the Institute of International Law's resolution concerning the Special Military Operation to protect the Donetsk and Luhansk People's Republics (the population of which were against the coup d'Etat in Kyiv in 2014 [See: Vylegzhanin, Torkunova, Lobanov, Kritskiy 2021]. Western scholars further note that the ICJ judgments and separate opinions of its judges usually avoid specific references to reports and resolutions of the Institute of International Law or the International Law Association [Lowe, Fitzmaurice 1996:84]. A prominent Anglo-Australian jurist prof. J. Stone, representing mainly sociological jurisprudence in international law, cautioned about the potential negative consequences of imprecise legal formulations, either by individual publicists or by legal entities: “*The superficial virtues of clarity, certainty, and neatness of rules may, even when they fail of State acceptance, constitute a serious blow to international law as a means of social control*” [Stone 1957:18].

Despite these concerns, prevailing assessments of the teachings of international legal scholars remain largely positive. Prof. A. Carty observes, for example, that international legal scholars gradually developed theoretical perspectives on treaty law that ultimately found practical expression – in the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties [Carty 2016:47]. Another significant doctrinal contribution concerns the role of treaties as potential evidence of customary international law norms. As prof. Carty emphasizes, this function of international treaties was developed through 19th century by international legal teachings [Carty 2016:47].

In this context it's appropriate to ask who in concreto are the authors of such teachings? In his analytical study S.T. Helmersen indicates a list of authors of legal doctrines cited by the International Court of Justice (see Table 1).

Table 1

International Court of Justice: the most cited international law experts⁹

№	Names of international lawyers cited by the Court ¹⁰	Number of citations	Citizenship (nationality) of the cited international lawyer ¹¹
1.	Sh. Rosenne (1917–2010)	233	UK/Israel
2.	H. Lauterpacht (1897–1960)	119	Austria-Hungary/UK
3.	G. Fitzmaurice (1901–1982)	67	UK

⁹ Based on: [Helmersen 2019:509-535, 534-535].

¹⁰ This section has been supplemented by indications of the years of life of the authors under consideration.

¹¹ “UK” – for “United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland”; “USA” – for “United States of America”. We have added this section to clarify the citizenship of the authors in question. In the original table, S. T. Helmersen does not touch on this issue, but it has, as we shall see later, a very serious significance for the interpretation of the statistics presented.

4.	M.O. Hudson (1886–1960)	55	USA
5.	L. Oppenheim (1858–1919)	53	Germany/UK
6.	R. Jennings (1913–2004)	52	UK
7.	C. de Visscher (1884–1973)	51	Belgium
8.	I. Brownlie (1932–2010)	42	UK
9.	A. Watts (1931–2007)	32	UK
9.	J. Stone (1907–1985)	32	Australia/UK
11.	G. Schwarzenberger (1908–1991)	31	Germany/UK
12.	R. Higgins (1937)	30	UK
12.	O. Schachter (1915–2003)	30	USA
14.	G. Guyomar (1899–1982)	28	France
14.	E.J. de Aréchaga (1918–1994)	28	Uruguay
16.	C. Wilfred Jenks (1909–1973)	24	UK
16.	A. McNair (1885–1975)	24	UK
16.	E. Hambro (1911–1977)	24	Norway
19.	J.L. Brierly (1881–1955)	23	UK
20.	G. Guillaume (1930)	22	France
21.	D. Anzilotti (1867–1950)	21	Italy
21.	M.S. McDougal (1906–1998)	21	USA
21.	C.H.M. Waldock (1904–1981)	21	UK
24.	H. Kelsen (1881–1973)	20	Austria-Hungary/USA
24.	W. Schabas (1950)	20	Canada
26.	B. Cheng (1921–2019)	19	UK
26.	H. Thirlway (1937–2019)	19	UK
28.	R. Kolb (1967)	18	Germany
28.	D.P. O'Connell (1924–1979)	18	New Zealand
29.	P. J.-M. Reuter (1911–1990)	17	France
30.	H. Grotius (1583–1645)	16	Netherlands
31.	P. Guggenheim (1899–1977)	16	Switzerland
31.	C.J. Tams (1973)	16	UK
31.	J. Verhoeven (1943–2024)	16	Belgium
31.	T.O. Elias (1914–1991)	16	Nigeria
34.	P.K. Jessup (1897–1986)	14	USA
34.	N. Robinson (1898–1964)	14	Lithuania/Germany
34.	N. Singh (1914–1988)	14	India
34.	E. de Vattel (1714–1767)	14	Switzerland
35.	T. Buergenthal (1934–2023)	13	USA
35.	Ch. Rousseau (1902–1993)	13	France
36.	D. Shelton (1944)	13	USA
36.	Q. Wright (1890–1970)	13	USA
36.	M. Bedjaoui (1929)	13	Algeria
40.	B. Simma (1941)	8	Germany
41.	Sh. Oda (1924)	7	Japan

It must be recalled that the ICJ Statute – which is an integral part of the UN Charter – explicitly refers to the application of teachings from publicists of “various nations”. As noted, within the context of the UN Charter, the term “nations” refers to those States that became parties to this universal international treaty [See: Vylegzhanin, Ivanov 2022]. Thus, in 1945, the collective will of the UN member States was to establish that the subsidiary means for determining international legal norms should be the teachings of specialists not from a single state (or from a selected

group of states representing, for example, only one legal system), but rather, from various nations, representing various legal systems.

Whether this collective intent of States-parties to the UN Charter has been realized in practice or not remains questionable. Prof. A. D'Amato argues that international legal scholars who cannot overcome biases stemming from their national and state affiliations cannot be regarded as “the most highly qualified publicists of the various nations” [International Law Anthology 1994:104]. Moreover, prof. V. Epps

highlights a reputational deterrent for judges and arbitrators in international dispute settlement bodies when relying on only national doctrinal sources: *"If the American judge on the International Court of Justice started authoring opinions peppered with citations only to American scholars his brethren might not be willing to join his opinions and he would rapidly get the reputation of deciding cases according to American notions rather than international norms"* [Epps 2005:21].

Yet empirical data reveals that the majority of doctrinal authorities cited by the International Court of Justice originate from Europe and the United States of America. Notably: scholars from the UK and USA alone account for 25 citations, constituting over half of all referenced specialists purportedly representing "various nations" (*sic!*); by contrast, virtually no doctrinal contributions of scholars from Russia, from other post-Soviet states, from Africa, the Middle East, China, or Latin America are referenced.

This underrepresentation does not, however, indicate that international legal scholarship in these regions is underdeveloped. Rather, the dominance of Anglo-Saxon legal scholarship is facilitated by other factors, including: the tendency of non-western scholars to publish not in English, but rather in their native languages; barriers in accessing Western academic journals in relation to the Russian authors (often due to politicized gatekeeping), etc.

While it would be unreasonable to demand rigid "country-based quotas" in doctrinal citations under Article 38 of the ICJ Statute, the ICJ's overwhelming reliance on Western scholars (primarily from the USA, Canada, and Western Europe) undermines its institutional legitimacy. As the principal judicial organ of the United Nations (art. 1 of the ICJ Statute), the Court must ensure "representation of the main forms of civilization and the world's principal legal systems" (art. 9). Current citation practices fall short of this standard.

As the eminent 20th century international lawyer J. Kunz emphasizes: *"...international law theory cannot by itself ensure the progressive development of international law, but it can influence world events – not by developing pseudo-theories that merely rationalize political practice, but rather by strengthening practice through communis doctorum opinio"* [Kunz 1938:31]. Other famous scholars added some characteristics of research of international law to be in demand. In this regard, the British international lawyer and diplomat A. Aust emphasizes that the main value of an international lawyer's publication is determined by it being a result of *"rigorous scholarship"* and *"thorough research"* [Aust 2005:10].

The importance of a systemic approach to the study of international law, taking into account the interaction of its various branches, has been particularly emphasized by prof. D.I. Feldman and prof. I.I. Lukashuk; notably, the systematic research approach of prof. G.V. Ignatenko to examining the structure of international law has been positively evaluated [Feldman 1983:73]. The Polish legal scholar A. Wnukiewicz-Kozłowska has emphasized that, *depending on the authority of a scholar* (or collective scholarly body), the influence of their professional opinions may be either substantial or less significant. At the same time, the author notes that international practice has yet to establish specific principles according to which the opinions of particular authors should be taken into account [Wnukiewicz-Kozłowska 2017:258, 260]. The reputation of the author is in demand when the author criticizes the current state of international law. Prof. V.A. Ulyanitsky defined the role of the science of international law in relation to its sources in a very meaningful and clear way, referring the latter as belonging to "collateral sources" of international law: *"... its task is to criticize the existing positive law and objectively clarify international consciousness in its progressive process of development"* [The Golden Fund ... Vol. III. 2021:37].

6. Conclusion

Based on the above, it seems possible to present some conclusions regarding the interpretation of paragraph 1 (d) of art. 38 of the Statute of the International Court of Justice.

It would appear that the science of international law has historically played primarily civilizing and systematizing, developing roles in international legal order. Its civilizing role contributes first and foremost to raising the level of general legal consciousness of the international community with regard to international law, while its systematizing and developing role targets competent interpretation of the existing rules of international law and the progressive development of such rules.

The teachings of the most highly qualified publicists in international law are parts of the science of international law. Both notions are not immutable static concepts. Amid rapid technological progress, developments in international economic relations, and evolving political and diplomatic practices, the international legal foundations themselves undergo transformation – and consequently, so do the scholarly positions of international legal scholars.

First of all, merely addressing a topic in international law does not automatically render a publication to be one of “the teachings of the most highly qualified publicists” under the UN Charter.

Secondly, the concept primarily encompasses individual scholarly works authored by international experts, published and widely cited. Thus, abstractly constructed notions such as “the U.S. doctrine of international law” or “the Soviet doctrine of international law” fall outside art. 38 of the ICJ Statute. The term “the teachings of the most highly qualified publicists” refers to theoretical contributions on issues of international law, that are produced individually or collectively by preeminent scholars; this concept does not mean a document of a State of their nationality.

Thirdly, the key characteristics of the study of international law that is used in practice as a “teaching of the most qualified specialists” in accordance with paragraph 1 (d) of art. 38 of the Statute of the Court are:

- *the scholarly nature of an international legal scholar's publication.* An oral statement obtained from an author or an interview given to mass media, or a private consultation does not constitute a “teaching” within the meaning of Article 38 of the ICJ Statute. International legal teachings are published (publicly disseminated), academic research conducted in accordance with the accepted formal requirements;

- *the system of international law is to be taken into account.* A fragmented presentation of a scholar's professional position on a specific issue of international law, considered in isolation from its overall system, without taking into account the practice of

States in addressing such an issue, or that fails to consider different research perspectives or approaches within the community of international legal scholars – such presentations are not “teachings” provided by art. 38 of the ICJ Statute;

- *the reputation of the author(s) of an international legal study is recognized.* The qualification of a scholarly work as a “teaching” is undoubtedly linked to the author's personality, professional competencies, academic achievements, and their recognition within the scholarly community.

In the most schematic formulation, the “teachings of the most qualified publicists” in the sense of paragraph 1 (d) of Article 38 of the Statute of the Court are theoretical comments on issues of international law, researched in its system, published as scientific works of recognized experts in international law, and in the designated historical conditions. The quality of such scientific works, the reputation of their authors are such that they are perceived by representatives of states and by international judicial and arbitral bodies as subsidiary means for determining the applicable law.

In the current era of unprecedented competition in states' international legal policies, the teachings of the most qualified publicists, being a special part of a broader concept – the science of international law – plays a growing role in forming international legal awareness of the world community which is different in different countries. The science of international law in broad context is now (more than ever) in demand to facilitate rational and competent response to false interpretations of political events, while preventing the unacceptable perception of international law as merely an instrument of foreign policy.

References

- Allot P. Language, method and the nature of International Law. – *British Yearbook of International Law*. 1971. Vol. 45. P. 79-135.
- Anand R.P. Studies in International Law and History. An Asian Perspective. – *Developments in International Law*. 2004. Vol. 49. Springer-Science+Business Media, B.V. 287 p.
- Aust A. *Handbook of International Law*. Cambridge: Cambridge University Press. 2005. 505 p.
- Black's Law Dictionary*. Abridged 10th ed. Ed. by Garner B.A. Thomson Reuters. 2015. 1385 p.
- Bluntschli J. *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo civilizovannyh gosudarstv, izlozhennoe v vide kodeksa [Modern International Law of Civilized States, in the Form of a Code]*. Moscow. 1876. 634 p. (In Russ.)
- Brownlie I. *Principles of Public International Law*. 7th ed. Oxford University Press. 2008. 784 p.
- Bull H., Kingsbury B., Roberts A. *Hugo Grotius and International Relations*. Oxford Clarendon Press. 1992. 352 p.
- Cahen R., Allorant P. Sociological and Cultural History of International Law (1815–1871). – *Le Studium. Multidisciplinary Journal*. 2021. No. 5. P. 111-114. DOI: 0.34846/le-studium.220.05.fr.10-2021.
- Carty A. Doctrine Versus State Practice. – *The Oxford Handbook of the History of International Law*. Ed. by B. Fassbender, A. Peters/ 2012. P. 972-996.
- Carty A. *Philosophy of International Law*. Edinburgh University Press. 2007. 255 p.
- Carty A. *The decay of international law. A reappraisal of the limits of legal imagination in international affairs*. Manchester University Press. 2019. 216 p.
- Chernichenko S.V. *Kontury mezhdunarodnogo prava. Obshchie voprosy [Contours of International Law. General issues]*. Moscow: Nauchnaya kniga. 2014. 592 p. (In Russ.)
- Chernichenko S.V. *Ocherki po filosofii i mezhdunarodnomu pravu. [Essays on Philosophy and International Law]*. Moscow: Nauchnaya kniga. 2009. 766 p. (In Russ.)
- Critical International Law: Postrealism, Postcolonialism, and Transnationalism*. Ed. by P. Singh, M. Benoit. Oxford University Press. 2014. 365 p.

15. Danilenko G.M. *Obychaj v sovremennom mezhdunarodnom prave* [Custom in modern international law]. Moscow: Nauka publ. 1988. 192 p. (In Russ.)
16. Dante: *Monarchy* (Cambridge Texts in the History of Political Thought). Cambridge University Press. 1996. 176 p.
17. de Waele H. A New League of Extraordinary Gentlemen? The Professionalization of International Law Scholarship in the Netherlands, 1919–1940. – *The European Journal of International Law*. 2020. Vol. 31. No. 3. P. 1005-1024. DOI: 10.1093/ejil/chaa063.
18. Dupuy R.-J. *La clôture du système international: la cité terrestre*. Presses universitaires de France. Paris. 1989. 186 p.
19. Epps V. *International Law*. 3rd ed. Carolina Academic Press. 2005. 496 p.
20. Feldman D.I. *Sistema mezhdunarodnogo prava* [The System of International Law]. Kazan University Publishing House. 1983. 120 p. (In Russ.)
21. Filimonova M.V. *Istochniki sovremennogo mezhdunarodnogo prava* [Sources of contemporary international law]. Moscow. 1977.
22. Foster J.W. The Evolution of International Law. – *The Yale Law Journal*. 1909. Vol. 18. No. 3. P. 149-164.
23. Foulke R.R. Definition and Nature of International Law. – *Columbia Law Review*. 1919. Vol. 19. No. 6. P. 429-466.
24. Grotius H. *Mare Liberum, sive De Jure quod Batavis competit ad Indicana commercio*. Leiden. 1609.
25. Hamson C.J. The International Committee for Comparative Law. – *The International and Comparative Law Quarterly*. 1953. Vol. 2. No. 1. P. 112-119.
26. Helmersen S.T. Finding 'The Most Highly Qualified Publicists': Lessons from the International Court of Justice. – *European Journal of International Law*. 2019. Vol. 30. Issue 2. P. 509-535.
27. Huang J. On Macro-Science of International Law and International Law System. – *Archiv des Völkerrechts*. 1993. 31 Bd. No. 4. P. 380-386.
28. *International Law Anthology*. Ed. by A. D'Amato. Anderson Publishing Company. 1994. 419 p.
29. Ivanenko V.S. The Enduring Significance of the Martens Clause, Its Origins, Causes and Consequences: A View from Russia. – *International Committee of the Red Cross*. 2022. URL: <https://www.icrc.org/ru/document/neprehodyashchee-znachenie-ogovorki-martensa-eyo-istoki-prichiny-i-posledstviya-vzglyad-iz> (accessed date: 03.08.2025).
30. Jalloh C.C. Subsidiary means for the determination of rules of international law. – *Annex: Subsidiary means for the determination of rules of international law – Report of the International Law Commission: Seventy-second session (26 April – 4 June and 5 July – 6 August 2021)*. A/76/10. 2021. P. 186-207.
31. Janis M.W. Jeremy Bentham and the Fashioning of "International Law". – *The American Journal of International Law*. 1984. Vol. 78. No. 2. P. 405-418.
32. Jenks C.W. *The Common Law of Mankind*. Published under the auspices of the London Institute of World Affairs. New York: Frederick A. Praeger, Inc. 1958. 903 p.
33. Kalamkaryan R.A. *Kodifikaciya mezhdunarodnogo prava i sovremennyy miroporyadok* [Codification of international law and the modern world order]. Moscow: Nauka publ. 2008. 274 p. (In Russ.)
34. Kalamkaryan R.A. *Filosofiya mezhdunarodnogo prava* [Philosophy of International Law]. Moscow: Nauka publ. 2006. 208 p. (In Russ.)
35. Kamarovsky L.A. *Mezhdunarodnoe pravo: lektsii* [International law: lectures]. Moscow: University Printing House. 1908. 268 p. (In Russ.)
36. Klabbers J. *Virtue in Global Governance*. Cambridge University Press. 2022. 304 p.
37. Koskenniemi M. Why History of International Law Today? – *Rechtsgeschichte – Legal History*. Rg. 4. 2004. P. 61-66. DOI: 10.12946/rg04/061-066.
38. Kozhevnikov F.I. *Mezhdunarodnyj Sud OON na sovremennom etape*. The International Court of Justice at the present stage. – *Soviet Association of International Law. Annual meeting. February 4, 5 and 6, 1965. Abstracts of reports*. Moscow. 1965. (In Russ.)
39. Kozhevnikov F.I. *Russkoe gosudarstvo i mezhdunarodnoe pravo (do XX veka)* [The Russian State and International Law (before the 20th century)]. Moscow: Legal publishing house of the USSR Ministry of Justice. 1947. 335 p. (In Russ.)
40. Kozhevnikov F.I., Shamrazanashvili G.V. *Mezhdunarodnyj Sud OON. Organizaciya, celi, praktika* [International Court of Justice. Organization, goals, practice]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya publ. 1971. 158 p. (In Russ.)
41. Krylov S.B. *Mezhdunarodnyj sud Organizacii Ob'edinennyh Natsii: Voprosy mezhdunarodnogo prava i processa v ego praktike za desyat' let (1947-1957)* [International Court of Justice of the United Nations: Issue of International Law and Procedure in its Practice for Ten Years (1947-1957)]. Legal publishing house of the USSR. 1958. 166 p. (In Russ.)
42. Kunz J.L. The Theory of International Law. – *Proceedings of the American Society of International Law at Its Annual Meeting (1921–1969)*. 1938. Vol. 32. P. 23-43.
43. Lepsius O. Hans Kelsen on Dante Alighieri's Political Philosophy. – *The European Journal of International Law*. 2016. Vol. 27. Issue 4. P. 1153–1167. DOI: 10.1093/ejil/chw060.
44. Levin D.B. *Nauka mezhdunarodnogo prava v Rossii v konce XIX i nachale XX v: obshchie voprosy teorii mezhdunarodnogo prava* [The Science of International Law in Russia in the Late 19th and Early 20th Centuries: general issues of international law theory]. Moscow: Nauka publ. 1982. 197 p. (In Russ.)
45. Lisovsky V.I. *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law]. Moscow: Vysshaya shkola publ. 1970. 438 p. (In Russ.)
46. Lowe V., Fitzmaurice M. *Fifty years of the International Court of Justice*. Cambridge University Press. 1996. 640 p.
47. Lukashuk I.I. *Istochniki mezhdunarodnogo prava* [Sources of international law]. Kyiv. 1966. 125 p. (In Russ.)
48. Marras A. The Influence of Dante Alighieri's Political Thought in Hans Kelsen's Theory of International Law. – *Milestones of Law in the Area of Central Europe 2017*. Ed. by Lenhart M., Andraško J., Hamulák J. Univerzita Komenského v Bratislave. 2017. P. 660-666.
49. Martens F.F. *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo civilizovannyh narodov* [Contemporary International Law of Civilized Peoples]. Vol. 1. Moscow. 1996. (In Russ.)
50. Mazurkiewicz M. Kilka uwag o polskich koncepcjach źródeł prawa międzynarodowego w okresie międzywojennym. – *Studia Iuridica Toruniensia*. 2017. T. XIX. P. 159-176. DOI: 10.12775/SIT.2016.020.
51. *Metodologiya nauchnogo issledovaniya teoreticheskikh problem mezhdunarodnogo prava* [Methodology of research of theoretical problems of international law]. Ed. by Yu.Ya. Baskin. Kazan: Kazan University Publishing House. 1986. 136 p. (In Russ.)

52. Modzhoryan L.A. O sub"ekтах mezhdunarodnogo prava [On the issue of subjects of international law]. – *Soviet state and law*. 1956. No. 6. P. 92-101. (In Russ.)
53. Mouly C. La doctrine, source d'unification internationale du droit. – *Revue internationale de droit comparé*. 1986. Vol. 38. No. 2. P. 351-368.
54. Movchan A.P. Kodifikatsiya i progressivnoe razvitie mezhdunarodnogo prava [Codification and Progressive Development of International Law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura publ. 1972. 216 p. (In Russ.)
55. Mullerson R.A. Sources of International Law: New Tendencies in Soviet Thinking. – *The American Journal of International Law*. 1989. Vol. 83. No. 3. P. 494-512.
56. Peretersky I.S. Digesty Yustiniana [Digests of Justinian]. Moscow: Gosyurizdat publ. 1956. 131 p. (In Russ.)
57. *Philosophical Foundations of International Criminal Law: Correlating Thinkers*. Ed. by M. Bergsmo, E.J. Buis. Torkel Opsahl Academic EPublisher, Brussels. 2018. 812 p.
58. Reut Y.-P. Kelsen's Pure Theory of Law as "a Hole in Time". – *Monde(s)*. 2015. Vol. 1. No. 7. P. 75-94. DOI: 10.3917/mond1.151.0075.
59. Salini Costruttori S.p.A. and Italstrade S.p.A. v. Kingdom of Morocco [I], ICSID Case No. ARB/00/4. Decision on Jurisdiction dated 23 July 2001. Par. 52. – *Investment Policy Hub*. URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0738.pdf> (accessed date: 03.08.2025).
60. Scott J.B. The Gradual and Progressive Codification of International Law. – *The American Journal of International Law*. 1927. Vol. 21. No. 3. P. 417-450.
61. Shaw M.N. *International Law*. 8th ed. Cambridge University Press. 2017. 1033 p.
62. Sivakumaran S. The Influence of Teachings of Publicists on the Development of International Law. – *International & Comparative Law Quarterly*. 2017. Vol. 6. Issue 1. P. 1-37. DOI: 10.1017/S0020589316000531.
63. *Slovar' mezhdunarodnogo prava [Dictionary of International Law]*. 2nd ed. revised and enlarged. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya publ. 1986. 432 p. (In Russ.)
64. *Slovar' mezhdunarodnogo prava [Dictionary of International Law]*. 3rd ed. revised and enlarged. Ed. by S.A. Egorov. Moscow: Statut publ. 2014. 495 p. (In Russ.)
65. Stone J. On the Vocation of the International Law Commission. – *Columbia Law Review*. 1957. Vol. 57. No. 1. P. 16-51.
66. *The Rules, Practice and Jurisprudence of International Courts and Tribunals*. Ed. by Giorgetti Ch. Brill - Nijhoff. 2012. 645 p.
67. *The work of the International Law Commission*. 7th ed. Vol. I. United Nations. New York. 2007. 409 p.
68. Tunkin G.I. Mezhdunarodnoe pravo: nasledie XX veka [International Law: Legacy of the 20th Century]. – *Russian Yearbook of International Law*. Saint-Petersburg: SKF "Rossiya – Neva" Publ. 1992. P. 7-23. (In Russ.)
69. Tunkin G.I. *Pravo i sila v mezhdunarodnoj sisteme [Law and power in the international system]*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya publ. 1983. 200 p. (In Russ.)
70. Tunkin G.I. *Teoriya mezhdunarodnogo prava [Theory of International Law]*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya publ. 1970. 511 p. (In Russ.)
71. Tunkin G.I. XXII s"ezd KPSS i problemy sovetskoj nauki mezhdunarodnogo prava. [XXII Congress of the CPSU and Problems of Soviet Science of International Law]. – *Soviet Association of International Law. Annual Meeting. January 29, 30 and 31, 1962. Abstracts of reports*. Moscow. 1962. P. 1-18. (In Russ.)
72. Twiss T. *Two Introductory Lectures on the Science of International Law*. London: Longman, Brown, Green, and Longmans. 1856. 60 p.
73. Vasilenko V.A. *Osnovy teorii mezhdunarodnogo prava [Fundamentals of the theory of international law]*. K.: Vyshcha shchh. Golovnoe izdvo. 1988. 287 p. (In Russ.)
74. Voronin E.R. To the 170th Anniversary of Professor F.F. Martens (1845-1909). – *Moscow Journal of International Law*. 2015. No. 3. P. 24-36. (In Russ.)
75. Vylegzhanin A.N., Ivanov D.V. The Notions of "Peoples", "Nations" and "Mankind" in International Law. – *State and Law*. 2022. No. 10. P. 163-175. (In Russ.)
76. Vylegzhanin A.N., Torkunova E.A., Lobanov S.A., Kritskiy K.V. 2021. Forcible Discharge of Ukrainian President Yanukovich from Power: Complicity of the Obama Administration. – *Chinese Journal of International Law*. Vol. 20. No. 1. P. 165-172.
77. Wnukiewicz-Kozłowska A. Doctrine as a source of International Law. – *The Nature of Source in International Legal Order*. Ed. by J. Kolasa. Wrocław. 2017. P. 249-280.
78. *Yuridicheskaya enciklopediya [Legal Encyclopedia]*. Ed. by B.N. Topornin. Moscow: Yurist" publ. 2001. 1272 p. (In Russ.)
79. Zhipeng He, Lu Sun. *A Chinese Theory of International Law*. Law Press China and Springer Nature Singapore Pte Ltd. 2020. 248 p.
80. *Zolotoj fond rossijskoj nauki mezhdunarodnogo prava. Tom III. Mezhdunarodnoe parvo [The Golden Fund of the Russian Science of International Law. Vol. III. International Law]*. Ed. by V.A. Ulyanickij. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya publ. 2021. 488 p. (In Russ.)
81. *Zolotoj fond rossijskoj nauki mezhdunarodnogo prava. Tom V. Posobie k izucheniyu istorii i sistemy mezhdunarodnogo prava [The Golden fund of the Russian science of international law. Vol. V. Manual for studying the history and system of international law]*. Ed. by V.P. Danevskij. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya publ. 2021. 496 p. (In Russ.)

About the Authors**Alexander N. VYLEGZHANIN**

Doctor of Laws, Professor, Head of the Laboratory of International Legal Research, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

danilalvy@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4833-2525

Egor R. SIGAURI-GORSKY

Research Fellow, Center for Vietnam and ASEAN Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS)

32, Nakhimovsky Ave., Moscow, Russian Federation, 117997

sigores@outlook.com

ORCID: 0000-0002-6879-3065

Информация об авторах**Александр Николаевич ВЫЛЕГЖАНИН**

доктор юридических наук, профессор, руководитель Лаборатории международно-правовых исследований, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

danilalvy@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4833-2525

Егор Русланович СИГАУРИ-ГОРСКИЙ

Научный сотрудник, Центр изучения Вьетнама и АСЕАН, Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКА РАН),

Нахимовский пр-т, 32, Москва, 117997, Российская Федерация

sigores@outlook.com

ORCID: 0000-0002-6879-3065

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-44-58>

Исследовательская статья

УДК: 341

Поступила в редакцию: 02.06.2025

Принята к публикации: 15.09.2025

Адель Ильсиярович АБДУЛЛИН

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Кремлевская ул., 18, Казань, 420008, Российская Федерация
Adel.Abdullin@kpfu.ru
ORCID: 0000-0001-6078-8029

Ксения Борисовна ВАЛИУЛЛИНА

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Кремлевская ул., 18, Казань, 420008, Российская Федерация
Valiullina.Ksenia@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1892-3148

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, РАЗВИТИЕ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. Обеспечение экологической безопасности – ключевое направление деятельности современного государства, от реализации которого напрямую зависит существование государства в целом. На современном этапе развития общества разработка четкого структурированного национального механизма для реализации деятельности в этом направлении становится таким же приоритетом, как обеспечение военной и экономической безопасности. За последние десятилетия в Российской Федерации отчетливо прослеживается взятие курса на экологизацию производства, на принятие мер в области обеспечения экологической безопасности, на реализацию основного конституционного права человека на благоприятную окружающую среду. Так, в ходе участия в форуме в рамках проведения IX Невского международного экологического конгресса В.В. Путин подчеркнул: «В России вопросы бережного, рационального использования природных ресурсов,

обеспечения экологической безопасности, качества жизни людей находятся в числе ключевых государственных приоритетов». В то же время, анализ нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы обеспечения охраны природных ресурсов и экологии в целом, свидетельствует о наличии целого ряда пробелов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В настоящем исследовании использованы труды как российских, так и зарубежных специалистов в области международного экологического и международного морского права. В ходе исследования использовались общенаучные методы познания: анализ, синтез, индукция, дедукция. Также в работе использовались специальные юридические методы: формально-юридический, технико-юридический, метод юридической аналогии, а также сравнительно-правовой метод.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В статье, с точки зрения различных подходов, произведен анализ теоретических концепций

экологической безопасности. Рассматривается процесс формирования, становления и развития концепции экологической безопасности в Российской Федерации, обозначены нововведения и выявлены проблемы, существующие в нашей стране в отношении обеспечения экологической безопасности и реализации норм экологического законодательства в области обеспечения защиты и сохранения окружающей среды и всех ее компонентов.

ОБСУЖДЕНИЯ И ВЫВОДЫ. Экологическая ситуация во всем мире вообще и в России в частности требует безотлагательных мер по приостановлению процесса стремительного ухудшения состояния всех компонентов окружающей среды, вызванного в большинстве своем деятельностью человека: расточительным отношением к природным богатствам, нерациональным землепользованием и стремлением к экономической выгоде. Человечество

столкнулось со сложной проблемой противоречий между своими растущими потребностями и невозможностью биосферы их обеспечить.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: безопасность, экологическая безопасность, экология, окружающая среда, Российская Федерация, нормативно-правовые акты, национальное законодательство

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Абдуллин А.И., Валиуллина К.Б. 2025. Экологическая безопасность в системе национальной безопасности Российской Федерации: происхождение, развитие, современное состояние. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 44-58. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-44-58>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-44-58>

Adel I. ABDULLIN

Kazan (Volga region) Federal University
Kremlyovskaya Str., 18, Kazan, Russian Federation, 420008
Adel.Abdullin@kpfu.ru
ORCID: 0000-0001-6078-8029

Ksenia B. VALIULLINA

Kazan (Volga region) Federal University
Kremlyovskaya Str., 18, Kazan, Russian Federation, 420008
Valiullina.Ksenia@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1892-3148

Research article

UDC: 341

Received 2 June 2025

Approved 15 September 2025

ENVIRONMENTAL SAFETY IN THE NATIONAL SECURITY SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: ORIGIN, DEVELOPMENT, AND CURRENT STATE

INTRODUCTION. *Ensuring environmental safety is a key area of activity for a modern state, and the existence of the state directly depends on its implementation. At the current stage of society's development, developing a clear and structured national mechanism for implementing activities in this area has become as important as ensuring military and economic security. In recent decades, the Russian Federation has clearly adopted a policy of greening production, taking measures to ensure environmental safety, and implementing the fundamental constitutional right to a favorable environment. During his participation in the forum as part of the 9th Nevsky International Environmental Congress, Vladimir Putin emphasized: "In Russia, the issues of careful and efficient use of natural resources, ensuring environmental safety, and improving the quality of people's lives are among the key government priorities.*

MATERIALS AND METHODS. *This study uses the works of both Russian and foreign specialists in the field of international environmental and international maritime law. The study uses general scientific methods of cognition, such as analysis, synthesis, induction, and deduction. It also uses special legal methods, such as formal legal methods, technical legal methods, the method of legal analogy, and the comparative legal method.*

RESEARCH RESULTS. *The article analyzes theoretical concepts of environmental security from various perspectives. The article analyzes the process of*

formation, establishment, and development of the concept of environmental safety in the Russian Federation, identifies innovations, and highlights the problems existing in our country regarding ensuring environmental safety and implementing environmental legislation in the field of protecting and preserving the environment and all its components.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The environmental situation around the world, and in Russia in particular, requires urgent measures to halt the rapid deterioration of all environmental components, which is largely caused by human activities, such as wasteful use of natural resources, inefficient land use, and the pursuit of economic gain. Humanity is facing a complex challenge of reconciling its growing needs with the limited capacity of the biosphere to meet them.*

KEYWORDS: *security, environmental safety, ecology, environment, Russian Federation, regulatory legal acts, national legislation*

FOR CITATION: Abdullin A.I., Valiullina K.B. Environmental Safety in the National Security System of the Russian Federation: Origin, Development, and Current State. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 3. P. 44–85. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-44-58>

The authors declare the absence of conflict of interest.

1. Введение

Как отмечено в Конституции Российской Федерации, каждый человек имеет право на благоприятную окружающую среду (ст. 42)¹ и каждому гарантировано право на защиту окружающей среды от негативного воздействия, вызванного хозяйственной и иной деятельностью, чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера (ст. 11)². Это подтверждает тот

факт, что обеспечение экологической безопасности является одной из ключевых целей развития страны. Функционирование современного государства предусматривает создание благоприятных условий для жизни, здоровья, труда граждан, что обеспечивается активной государственной политикой в области защиты и сохранения благоприятной окружающей среды.

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской

¹ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/2b65ae24cc8141d4720fb749fb0c5583f8395048/?ysclid=m1114d80pk853259537 (дата обращения: 14.09.2024).

² Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (ред. от 8 августа 2024 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2024 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/bff976b2d5a0e4eaf44a1ffbfcefdff8a779515f/?ysclid=m1112ltciz144497248 (дата обращения: 14.09.2024).

Федерации на период до 2025 года» – документа, определяющего основные вызовы и угрозы экологической безопасности, ключевые направления деятельности, цели и задачи государственной политики России в указанной области, – экологическая безопасность является составной частью национальной безопасности страны³.

В связи с этим Президент Российской Федерации В.В. Путин справедливо отметил, что есть вопросы, которые имеют первостепенное значение и исключительно важны для обеспечения защиты прав человека и развития экономики – это, прежде всего, вопросы, связанные с экологией⁴.

2. Современная экологическая обстановка в Российской Федерации

В то же время экологическую ситуацию во всем мире можно охарактеризовать как чрезвычайно сложную и имеющую тенденцию к стремительному обострению по целому ряду критериев [Абдуллин, Валиуллина 2023:6-19]. Нет необходимости доказывать тот факт, что несмотря на повышенное внимание всего мирового сообщества к вопросам экологизации экономики, к попыткам внедрения ресурсосберегающих технологий во все сферы производства, повышение уровня экологического сознания людей, процесс стремительной деградации всех компонентов окружающей среды продолжает наращивать обороты. Многочисленные примеры того, как ежегодно в атмосферу, водную среду и почвы попадают тонны таких загрязняющих, ядовитых и токсичных веществ, как: сера, оксиды азота, тяжелые металлы, мышьяк, кадмий, свинец, формальдегиды, пестициды, включая радиоактивные вещества, пластик и др., заставляют задуматься о существующих реальных проблемах и недостаточности принимаемых мер.

Так, согласно сведениям, представляемым Росгидрометом на 2023 г., качество воздуха в 247 городах России существенно ухудшилось. Практически в каждом городе были обнаружены превышения нормы предельно допустимой концентрации выбросов в атмосферу бензапирена – в 48 городах, формальдегида – в 149 городах, диоксида азота – в 38 городах. Самый высокий уровень длительного загрязнения был отмечен в сорока российских городах, притом что в 2021 г. таких населенных пунктов было чуть более тридцати. Экстремально высокий уровень загрязнения нефтью и тяжелыми металлами зафиксирован в 162 реках и озерах России⁵. Как отмечено в «Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года», в 40 субъектах РФ свыше 50 % городского населения испытывают на себе воздействие высокого и очень высокого загрязнения атмосферного воздуха, а объем сточных вод, сбрасываемых в реки без проведения соответствующих очистных мероприятий, остается высоким. В большинстве регионов сохраняется деградация почв. Продолжается процесс интенсификации производства, ведущий к утрате плодородия земель сельскохозяйственного назначения и к выводу их из хозяйственного оборота [Валиуллина 2020:192]. Количество отходов, не подвергающихся вторичной переработке, возрастает. При этом условия их утилизации все еще зачастую не соответствуют требованиям экологической безопасности⁶. Так, основными способами утилизации отходов в РФ являются: захоронение, сжигание и компостирование, каждый из которых по-своему опасен для экологии и непосредственно для человека. Кроме того, помимо санкционированных свалок, где предусматривается «по возможности» сортировка мусора на бытовые, промышленные, медицинские, радиоактивные, биологические отходы, продолжается

³ Указ Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41879> (дата обращения: 14.09.2024).

⁴ Итоги Послания Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию 2024: акцент на экологическое будущее. URL: <http://komitet-ekol.duma.gov.ru/novosti/ac89a0cf-3048-44ad-9b15-f189c23689a5> (дата обращения: 14.09.2024).

⁵ Обзор состояния и загрязнения окружающей среды в Российской Федерации за 2023 год. URL: <https://www.meteorf.gov.ru/press/news/38114/?ysclid=m11473ivi0995683044> (дата обращения: 14.09.2024).

⁶ Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом Российской Федерации 30 апреля 2012 г.). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=129117&dst=100001#jOzRQOUt60RuloOG> (дата обращения: 14.09.2024).

процесс возникновения нелегальных свалок. В качестве примера можно привести республику Башкортостан, где по подсчетам специалистов были зафиксированы 921 несанкционированная свалка. Сходная ситуация наблюдается и в таких городах, как: Санкт-Петербург, Свердловская область, Самарская область и др.⁷

Учитывая тот факт, что все компоненты природной среды находятся в постоянном непрекращающемся взаимодействии между собой, и ущерб, нанесенный одному из них, в кратчайшие сроки может распространиться на другие, приводя к экологическому кризису, а именно: изменению и разрушению среды обитания животных и птиц, исчезновению биологических видов и утрате биологического разнообразия, разрушению озонового слоя и климатическим изменениям, принятие экстренных мер сегодня является необходимым условием не только для соблюдения права человека на благоприятную окружающую среду, но и в целом для сохранения жизни на планете [Robinson 2006:938]. Непрекращающееся стремление человека к удовлетворению всевозрастающих материальных потребностей и экономическому процветанию, неминуемо ведет к росту потребления невозобновляемых природных ресурсов и загрязнению окружающей среды. Несмотря на повышение интереса со стороны государства к вопросам экологии и созданию благоприятных условий для перехода экономических субъектов на экологоориентированное производство, нарушения продолжают. Связано это, прежде всего, с тем, что крупным предприятиям гораздо выгоднее заплатить штраф за неэкологичное производство, за загрязнение водоемов, воздуха и пр., нежели отказаться от крупной прибыли. Все это позволяет сделать вывод о том, что в большинстве случаев природоохранные меры принимаются уже после факта нарушения, вместо принятия превентивных мер для недопущения загрязнения.

Помимо прочего, исключительно важно понимание того, что в современных условиях развития общества социальная среда функционирует в единстве с окружающей человека природной

средой, и все факторы этих сред находятся в тесной взаимосвязи. Как итог – ухудшение состояния окружающей природной среды вместе с неблагоприятной социально-экономической обстановкой создают устойчивую платформу для появления пагубных последствий для жизни человека, негативных тенденций генетического, канцерогенного, иммунопатологического характера [Попов 2010:151-153]. В России свыше 350 тыс. человек в год умирают по причине плохой экологической обстановки в стране, отмечал профессор А. Яблоков, и эта цифра растет в геометрической прогрессии [Яблоков 2003:13-15]. И в то же время, как справедливо отмечает ряд исследователей, основной причиной непрекращающегося процесса стремительного ухудшения состояния окружающей природной среды и давно назревшего экологического кризиса является антропогенный характер, имеющий социальные корни, экологический нигилизм лиц, принимающих решения в сфере экологии на высшем уровне, и низкий уровень экологического сознания большей части населения страны [Тонков, Туранин, Пожарова 2015:126-133].

Безусловно, за последние десятилетия в Российской Федерации отчетливо прослеживается взятие курса на экологизацию производства, на принятие мер в области обеспечения экологической безопасности, на реализацию основного конституционного права человека на благоприятную окружающую среду. Так, в ходе участия в форуме в рамках проведения IX Невского международного экологического конгресса В.В. Путин подчеркнул: «В России вопросы бережного, рачительного использования природных ресурсов, обеспечения экологической безопасности, качества жизни людей находятся в числе ключевых государственных приоритетов»⁸.

Повышенный интерес научных кругов к вопросам обеспечения национальной безопасности России связан со стремлением к детальному разбору сущности этого уникального социального явления, каким является «безопасность». В связи с этим очевидно, что разработке дефиниции должно предшествовать проведение широкомасштабных научных исследований

⁷ Число незаконных свалок в России сократилось впервые за четыре года. – *Тасс*. 5 июня 2022 г. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18056303> (дата обращения: 14.09.2024).

⁸ Путин назвал экологическую безопасность одним из главных приоритетов России. – *Парламентская газета*. Издание Федерального Собрания Российской Федерации. 28 мая 2021 г. URL: <https://www.pnp.ru/social/putin-nazval-ekologicheskuyu-bezopasnost-odnim-iz-glavnykh-prioritetov-rossii.html?ysclid=m116ucx2co603480961> (дата обращения: 14.09.2024).

в указанной области в целях определения концептуального подхода, учитывающего тенденции развития российского общества, тех глобальных и региональных процессов, происходящих в нем.

Длительное время вопросам экологии как в мире в целом, так и в России в частности не уделялось должного внимания. И только во второй половине XX в., после окончания Второй мировой войны, стали приниматься международные соглашения по вопросам обеспечения охраны и защиты всех компонентов окружающей среды, и сформировалось определение «международной экологической безопасности».

3. Этапы становления и развития экологической политики в России

В целом, процесс становления экологической политики в России был долгим и непоследовательным. Вплоть до начала XX в. говорить о существовании какой-либо системы охраны и защиты природной среды от загрязнения было бы не совсем корректно. При Петре I была создана слаженная система природопользования, направленная на сохранение почвенных ресурсов и водных угодий во благо государства, которая, к слову, была уничтожена с наступлением Февральской и Октябрьской революций. Но гуманистические идеи, следующие вслед за трансформацией общественных взглядов, включающие, помимо прочих, и экологические лозунги, обнажили имеющиеся экологические проблемы, поставили на поток экологические идеи. Все существовавшие ранее законы стали неактуальными: все то, что было частным, стало общим.

Первым стоящим шагом в направлении приобщения общества к экологической проблематике можно назвать создание в 1924 г. Всероссийского общества охраны природы (далее – ВООП), благодаря которому в скором времени были созданы Молодежные дружины охраны природы, ставшие новым явлением для советского общества [Коптев-Дворников, Орлов, Петров 2020:2].

В 1960 г. в РСФСР был принят «Закон об охране окружающей среды РСФСР», который наделил ВООП новым статусом центрального органа советской власти по контролю за исполнением законов в сфере экологии.

В период перестройки происходит дальнейшее расширение экологической деятельности на всей территории страны, что во многом было

связано с участвовавшими на тот период авариями природного и техногенного характера, повлекшими за собой многочисленные человеческие потери: начавшийся процесс пересыхания Аральского моря; крупнейшая в истории России железнодорожная катастрофа под станцией Аша (Башкирия); Усинская катастрофа (самый крупный разлив нефти на суше); авария на Зеленчукской ГЭС, взрыв с дальнейшим возгоранием на нефтяном месторождении Тенгиз и пр. Кроме того, невозможно оставить без внимания аварию на Чернобыльской АЭС 1986 г. Несмотря на все попытки скрыть большую часть информации о пагубных последствиях катастрофы, создать полную информационную блокаду не удалось, что вызвало серьезный общественный резонанс и выдвинуло на передний план вопросы экологии, задействовав в организации этого направления широкие массы людей. В это же время, российский правовед О.С. Колбасов сформулировал первое определение экологической безопасности, обозначив его как систему мер, устраняющих угрозу глобального процесса гибели людей или всего человечества в целом в результате такого неблагоприятного изменения состояния окружающей природной среды в мире, при котором все живое на планете, включая и человека как биологический вид, теряет возможность к существованию по причине невозможности удовлетворения ключевых физиологических и социальных потребностей посредством окружающего его материального мира [Колбасов 1998:48].

В 90-е гг. XX в. в большинстве нормативно-правовых актов в природоохранной сфере экологическая безопасность рассматривалась в контексте национальной безопасности РФ. А национальные интересы России в области экологии заключались в защите, сохранении и рациональном использовании окружающей среды [Молчан 2016:101-112]. Впервые термин «национальная безопасность Российской Федерации в экологической сфере» был применен в Концепции национальной безопасности Российской Федерации в 1997 г. и в дальнейшем без изменений применялся в Концепции национальной безопасности РФ 2000 г. [Платонов 2011:26-33]. Указанные Концепции признавали обеспечение охраны и защиты окружающей природной среды в качестве ключевого направления деятельности страны. Подчеркивалось, что ухудшение состояния природных объектов напрямую зависит от состояния экономики, а также от уровня

осознания обществом происходящего экологического кризиса, т.е. от уровня экологического сознания [Жаворонкова 2009:1317-1328].

4. Становление и развитие понятия «экологическая безопасность» в Российской Федерации

Впервые на законодательном уровне понятие «экологическая безопасность» было закреплено в федеральном законе «Об охране окружающей среды» 2002 г. (ст. 1) и трактовалось как «состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий» [Ильин 2016:9-25].

А вот Стратегию национальной безопасности до 2020 г.⁹ многие эксперты обвинили в несостоятельности и наличии существенного числа пробелов [Ильин 2016:9-25]. Так, словосочетание «экологическая безопасность» появляется лишь один раз в единстве с «рациональным природопользованием», но само понятие не раскрывается, в отличие от «военной безопасности», «продовольственной безопасности» и пр. Тем не менее отмечается, что национальная безопасность Российской Федерации осуществляется в различных сферах, в том числе в экологической. Представляется, что причины подобного рода пробелов связаны с тем, что длительное время ученые так и не могли прийти к единому мнению относительно определения понятия «безопасность», в том числе и на международном уровне.

Обратимся к самым ранним определениям понятия «безопасность», которые давали древние мыслители прошлого. Так, Цицерон высказывал идею о том, что каждому живому существу по природе присуще стремление защищать свою жизнь, избегать опасности и всего вредоносного, подстраиваться под условия жизни, добывать все необходимое для комфорта [Цицерон 1999]. В то время как Макиавелли утверждал, что безопасность соблюдается только в том случае, если отсутствуют внешние и внутренние угрозы [Макиавелли 1990]. Б. Спиноза

определял безопасность как высшую добродетель государства, предоставляемую гражданам [Спиноза 1997:488].

В настоящее время категория «безопасность» исследуется применительно ко многим процессам. Так, в Конституции Российской Федерации термин «безопасность» употребляется в нескольких вариантах и в различных контекстах: как безопасность государства, безопасность граждан, общественная безопасность, экологическая безопасность. В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля безопасность раскрывается как «отсутствие опасности, сохранность, надежность» [Даль 1989]. С.И. Ожегов трактует безопасность как «состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности» [Ожегов 1990].

Таким образом, вплоть до XX в. безопасность рассматривалась либо в качестве государственной деятельности по сохранению независимости государства и укреплению внешних и внутренних границ, либо как предотвращение внутренней интервенции [Кардашова 2005:51-56]. И только к началу XXI в. происходят изменения, во многом связанные с повышением экологического сознания и смены курса экономической деятельности с антропоцентрического на экологоориентированный, который перенаправил вектор внимания на понимание безопасности в качестве безопасных условий жизни человека, что было, безусловно, связано с укреплением в России представления о правовом демократическом государстве.

Сегодня система нормативно-правовых актов в России очень обширна и позволяет урегулировать большинство вопросов, возникающих в отношении взаимодействия общества с природой. Создаются разного рода природоохранные организации, вместо директивных планов проводятся «зеленые» программы по охране природы федерального, территориального и местного уровня, подписываются международные соглашения, осуществляется планирование экологической деятельности со стороны крупных экономических субъектов с учетом требований экологического законодательства [Гайсин 2008:64-66], но в то же время на сегодняшний день в России функционирует более 170 тыс.

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». URL: <http://rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html> (дата обращения: 14.09.2024).

опасных производственных объектов, обеспечение безопасности которых исключительно сложно даже при наличии всех перечисленных выше преобразований.

Как справедливо подчеркнул в своих трудах Н.М. Мамедов, «экологическая проблема – есть отражение противоречий между обществом и природой в процессе интенсификации их взаимодействия» [Мамедов 2003:256]. Как показывает статистика, масштабы воздействия общества на природу сопоставимы с геологическими и не всегда могут быть ликвидированы естественными процессами. Не секрет, что под угрозой исчезновения на сегодняшний день находятся более 1 тыс. видов животных и 25 тыс. видов растений¹⁰, утрачивают свое существование реки, озера и даже моря (Аральское море). В связи с этим президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая на юбилейной 70-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (далее – ООН), внес предложение о разработке новых подходов в отношении обеспечения гармоничного взаимодействия человека с природой. «Речь должна идти о внедрении принципиально новых природоподобных технологий, которые не наносят ущерб окружающему миру, а существуют с ним в гармонии и позволяют восстановить нарушенный человеком баланс между биосферой и техносферой. Это действительно вызов планетарного масштаба, базирующийся на разработке абсолютно новой концепции, подразумевающей изменение традиционных подходов к защите и сохранению окружающей природной среды, а именно – концепции экологической безопасности»¹¹. Несколько лет спустя в ходе выступления на X Невском международном экологическом конгрессе 26 мая 2023 г. В.В. Путин назвал экологическую безопасность одним из национальных приоритетов, добавив при этом, что эффективное управление природными ресурсами являет собой основу устойчивого развития государств, напрямую влияя на сохранение биоразнообразия экосистем, здоровье и качество жизни людей¹².

Безусловно, все вышесказанное свидетельствует о том, что обеспечение экологической безопасности является приоритетным направлением деятельности в Российской Федерации. В то же время анализ нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы обеспечения охраны природных ресурсов и экологии в целом, свидетельствуют о наличии целого ряда пробелов [Вербицкий 1999:164].

На сегодняшний день в отечественной правовой науке нет единого понимания содержания термина «экологическая безопасность». Во многом это связано, на наш взгляд, с отсутствием легального определения данного понятия. Несмотря на его наличие в Федеральном законе «Об охране окружающей среды», в иных правовых актах прослеживается некое разночтение в отношении определения понятия «экологическая безопасность», а именно, этот термин используется законодателем в различных аспектах: в качестве определенного принципа осуществления государственной политики и деятельности в той или иной области; как обязанность; как требование при реализации определенного вида работ; как определенная цель, стоящая перед обществом, что свидетельствует о довольно широком понимании данного явления [Мухлынина 2023:137-146].

В новой редакции Стратегии национальной безопасности Российской Федерации проблемам обеспечения экологической безопасности и рациональному природопользованию посвящены ст. 77–83 «Экологическая безопасность и рациональное природопользование». Так, в ст. 82 Стратегии отмечено, что ключевыми целями обеспечения экологической безопасности являются: обеспечение качества окружающей природной среды, необходимого для благоприятной жизни и деятельности граждан; защита и сохранение природной среды и восстановление ее состояния в случае причинения ущерба ресурсам; применение ресурсосберегающих технологий и смягчение негативных последствий изменения климата¹³. Достижение целей экологической

¹⁰ Почти 2000 видов добавили в Красный список МСОП. URL: <https://nia.eco/2023/12/12/74595/?ysclid=m127lr2xzt601882574> (дата обращения: 14.09.2024).

¹¹ Vystuplenie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii V.V. Putina na plenarnom zasedanii yubileynoy 70-y sessii GA OON. N'yu-York. – Kremlin.ru. 2015. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements%20/50385> (дата обращения: 14.09.2024).

¹² Путин назвал экологическую безопасность одним из национальных приоритетов. URL: <https://regnum.ru/news/3808747?ysclid=lrtgkgvn24973268941> (дата обращения: 14.09.2024).

¹³ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 14.09.2024).

безопасности и рационального природопользования обеспечивается посредством реализации 18 направлений государственной политики, среди которых ключевыми являются:

- экологизация всех сфер производства, обеспечение экологоориентированного роста экономики, стимулирование экономических субъектов на использование «зеленых» технологий;

- обеспечение рационального природопользования, ресурсосберегающих технологий в производстве;

- снижение выбросов газов и иных загрязняющих веществ в атмосферу;

- предотвращение загрязнения поверхностных и подземных вод, восстановление водных систем;

- снижение объемов производства отходов, разработка механизмов их утилизации (с причинением наименьшего ущерба окружающей среде) и вторичной переработки;

- предотвращение деградации почв и потери их качества и плодородия, восстановление нарушенных земель;

- сохранение биологического разнообразия и экосистемный подход к защите всех компонентов природной среды: лесов, вод, почв, животного и растительного мира;

- повышение эффективности государственного экологического надзора и контроля за нарушениями в сфере охраны окружающей среды;

- повышение уровня экологического сознания, воспитания и образования, формирование экологической культуры граждан в области формирования ответственного отношения к окружающей природной среде;

- развитие международного сотрудничества в сфере охраны окружающей среды в том числе в целях предупреждения возможности причинения трансграничного вреда и пр.

Все вышеперечисленные задачи свидетельствуют о том, что действующая Стратегия национальной безопасности РФ рассматривает вопросы экологической безопасности комплексно. Предусмотрено развитие не только соответствующих технологий и институтов внутри страны, но и международное сотрудничество.

Среди угроз экологической безопасности обозначен рост производства и потребления в мире, увеличение антропогенной нагрузки на природные ресурсы и объекты окружающей среды, деградация земель, снижение плодородия

почв, ухудшение состояния водных экосистем, уменьшение биологического разнообразия, увеличение числа и частоты опасных природных явлений, что в совокупности ведет к снижению качества жизни людей и изменению в негативную сторону условий жизни на Земле. В связи с этим одним из ключевых нововведений Стратегии является не борьба с последствиями природного и техногенного характера, а принятие превентивных мер в целях обеспечения сохранения объектов природной среды до того, как их естественное состояние будет нарушено.

Принятие защитных мер после того, как вред окружающей среде был нанесен, и необходимо бороться с последствиями загрязнения или иного негативного воздействия на ее компоненты, безусловно, более ресурсоемкая и затратная по стоимости деятельность, а именно: рекультивация земель; мероприятия по очистке вод; принятие мер (с задействованием большого человеческого ресурса) по предотвращению катастроф и стихийных бедствий, а также по восстановлению состояния природных объектов; принятие мер по очищению регионов Российской Федерации с высокой экологической напряженностью (шестой и седьмой ранг опасности).

К пассивным мерам относятся превентивные меры, которые, как уже было отмечено, более выгодны для государства как с экономической точки зрения, так и в целях реализации конституционного права человека на благоприятную окружающую среду. К такому виду мер можно отнести: разработку и принятие экологического законодательства; контроль и надзор в указанной сфере; подготовку экспертов по мониторингу состояния окружающей среды и прогнозированию негативных последствий; просветительская деятельность; создание систем быстрого реагирования в случае стихийных бедствий и катастроф; разработку очистных сооружений, а также экологическое обучение, воспитание подрастающего поколения и пр.

Подчеркнем, что развитие вопроса о повышении экологического сознания граждан, воспитание в них ответственного отношения к окружающей среде, стимулирование населения и организаций к участию в экологоориентированной деятельности является исключительно важным нововведением Стратегии.

Что касается развития международного сотрудничества в указанной сфере, то несмотря на все имеющиеся на сегодняшний день сложности в межгосударственном взаимодействии,

сама Стратегия и Президент Российской Федерации В.В. Путин неоднократно подчеркивали стремление России взаимодействовать на международном уровне с целью создания четкой скоординированной системы в отношении принятия мер по предупреждению негативного воздействия на природную среду. «Сегодня эффективное управление природными ресурсами является основой устойчивого развития государств, напрямую влияет на сохранение биоразнообразия экосистемы, а, главное, на здоровье и качество жизни миллионов людей. Мы рады поделиться с зарубежными коллегами своим позитивным опытом и внимательно изучить их наработки в этой сфере», – отметил В.В. Путин, выступая в ходе заседания Высшего Евразийского экономического совета.

Весной 2024 г. президент России выступил с инициативой по созданию в Евразийском экономическом союзе климатического и экологического клуба, в задачи которого должна входить реализация совместных научных исследований и разработок, внедрение «зеленых» технологий, и подчеркнул важность и исключительную значимость реализации национального проекта «Экология»¹⁴.

Все указанные меры свидетельствуют о том, что при подготовке Стратегии законодатель рассматривал обеспечение экологической безопасности в экосистемном контексте, что на сегодняшний день, в силу взаимодействия всех сред и загрязнения в равной степени всех объектов окружающей среды, является исключительно актуальным.

Наиболее полная информация относительно организации деятельности Российской Федерации в области обеспечения экологической безопасности представлена в Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 30 апреля 2012 г.). В указанном документе были учтены все ранее имеющиеся недоработки и обозначены ключевые направления деятельности России на период до 2030 г. в сфере предупреждения

совершения экологических правонарушений и совершенствования законодательства в указанной области, включая принятие превентивных мер с целью сохранения первозданного состояния объектов природной среды, презумпцию опасности планируемой экономической деятельности, внедрение ресурсосберегающих технологий и пр. Важно упомянуть пункт, касающийся приоритетности сохранения естественных экологических систем, природных ландшафтов и природных комплексов, ответственности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления за деятельность экономических объектов на их территории и за обеспечение благоприятных экологических условий для жизни граждан.

В то же время важно подчеркнуть, что при всех перечисленных преимуществах, в указанном выше документе не дается четкого определения понятия «экологическая безопасность». Этот пробел частично устранен нормативно-правовыми актами на уровне регионов.

В связи с этим хотелось бы в качестве примера привести Отраслевую стратегию экологической безопасности и развития природно-ресурсного комплекса Республики Татарстан на перспективу до 2030 г. В ней детализируются все положения, выдвигаемые в ранней редакции Стратегии национальной безопасности РФ, но, помимо этого, дается детальное определение понятия «экологическая безопасность», под которой понимается: «одна из важнейших составляющих национальной безопасности, единство природных, социальных, технических и других условий, посредством которых обеспечивается качество жизни и безопасность жизни и деятельности населения и обеспечение устойчивого состояния биосферы биотопа естественной экосистемы»¹⁵.

В то же время в Законе Красноярского края «Об экологической безопасности и охране окружающей среды в Красноярском крае» экологическая безопасность обозначена как «состояние

¹⁴ Путин назвал экологическую безопасность одним из национальных приоритетов. URL: <https://regnum.ru/news/3808747?ysclid=m13b91tnhb344033559> (дата обращения: 14.09.2024).

¹⁵ Министерство экологии и природных ресурсов республики Татарстан. Приказ от 26 июля 2017 г. № 861-п «Об утверждении стратегии экологической безопасности и развития природно-ресурсного комплекса Республики Татарстан на 2017–2021 годы и на перспективу до 2030 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/543557080?ysclid=m13v60kn99257532685> (дата обращения: 14.09.2024).

защищенности окружающей природной среды и жизненно важных интересов человека от негативных последствий вследствие организации экономической деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и их последствий»¹⁶.

Безусловно, каждое из определений содержит в себе рациональное зерно, но логично предположить, что нет единого определения указанного понятия. В научной литературе можно найти и иные определения «экологической безопасности». Еще в 1988 г. было дано следующее определение: «экологическая безопасность» – это такая качественная особенность социального и экологического развития, предусматривающая создание технологических процессов нового уровня, социальной организации и управления, способных своевременно разрешать экологические проблемы и защищать общество от любого рода экологических угроз, как то; выбросы вредных веществ, аварии, катастрофы и т.д. [Ващенко, Дзалиев, Урсал 1988:445]

С точки зрения А.С. Шишко, безопасность в сфере экологии есть не что иное, как комплекс материально-правовых и организационных гарантий защищенности окружающей природной среды в каждом отдельном государстве от негативного воздействия источников загрязнения, находящихся за пределами государственных границ [Велиева 2010:36-38].

А.К. Голиченков экологическую безопасность определяет в качестве состояния защищенности всех видов прав человека, как то: социальных, экономических, экологических, материальных, культурных и иных ценностей общества и государства, а также интересов экономических субъектов, организаций, учреждений и предпринимателей от вредоносного воздействия неблагоприятных экологических факторов, вызванных антропогенным воздействием на природу, а также от последствий экологического вреда [Голиченков 2005:427-428].

А.Д. Кушкурова под экологической безопасностью понимает защиту общества, всех экосистем и государства, включая все его элементы,

от биологических угроз и антропогенного воздействия [Кушкурова, Ковалева, Джикия 2019].

Целый ряд ученых в попытке дать детальный разбор понятия «экологическая безопасность» рассматривали ее в качестве неотъемлемой части национальной безопасности государства, как состояние защищенности государства, общества и личности, другие как способность государства контролировать, снижать и устранять экологическую опасность разного масштаба. Все это указывает на наличие многообразия в понимании рассматриваемого феномена, по причине того, что в большинстве документов в национальной системе Российской Федерации нет детального и, главное, единого определения «экологической безопасности», которое бы не давало возможности трактовать его слишком широко, но и убирать из объектов регулирования важнейшие элементы также не представляло бы возможности.

Представляется, что в центре внимания, при разработке определения «экологическая безопасность», должен стоять человек. Как справедливо подчеркнул в своем выступлении Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, «мы не можем обеспечить развитие, не обеспечив безопасность, но не можем обеспечить и безопасность, не обеспечив развитие, и мы, конечно же, не можем обеспечить ни то ни другое без обеспечения прав человека»¹⁷.

5. Заключение

С учетом всего вышесказанного представляется, что обеспечение экологической безопасности является ключевым направлением обеспечения безопасности в целом. В Российской Федерации этот факт неоднократно подтверждался президентом страны В.В. Путиным в ходе выступлений во время встреч на высшем уровне. Имеющаяся система нормативно-правовых актов, направленная на урегулирование вопросов в сфере обеспечения охраны и защиты природной среды, на сегодняшний день претерпела ряд положительных изменений и взятие

¹⁶ Закон Красноярского края от 20 сентября 2013 г. № 5-1597 «Об экологической безопасности и охране окружающей среды в Красноярском крае» (с изм. на 4 июля 2024 г.). URL: <https://base.garant.ru/18655661/?ysclid=mfmnkmyhwa538845071> (дата обращения: 14.09.2024).

¹⁷ Выступление Генерального секретаря ООН Кофи Аннан в ходе Конференции 2005 г. участников Договора о нераспространении ядерного оружия. 2 мая 2005 г. URL: <https://www.un.org/ru/events/npt2005/sg.htm> (дата обращения: 14.09.2024).

курса на принятие превентивных мер – яркий тому пример. Представляется, что это вызвано, прежде всего, следующими причинами:

- процесс стремительного ухудшения состояния всех компонентов окружающей среды набирает обороты, несмотря на все принимаемые мировым сообществом усилия, и деградацию во многом уже невозможно приостановить. Если не принимать меры, то обеспечение иных видов безопасности уже не будет актуальным, так как человечество утратит возможность к существованию;

- экологическая безопасность связана с защитой и сохранением важнейшего базиса, ключевого источника жизни и деятельности всего населения планеты, которая не имеет административных, национальных и государственных границ, а именно природной среды. Любое загрязнение в кратчайшие сроки может принять трансграничный характер;

- решение экологических проблем и обеспечение экологической безопасности является надежным фундаментом для возможности решения экономических, социальных, политических и иных проблем, стоящих перед страной в условиях сохранности одного из ключевых конституционных прав человека – права на благоприятную окружающую среду;

- остановить экологическую катастрофу (в случае ее допущения) по масштабам и катастрофическим последствиям будет гораздо сложнее, нежели, к примеру, экономический, финансовый, политический, военный или информационный кризис, а в ряде случаев невозможно;

- с учетом того, что экологическая проблема до сих пор не может быть окончательно разрешена, а негативные последствия для окружающей среды наращивают обороты, напрашивается вполне обоснованный вывод о сложности и многоаспектности затрагиваемой нами темы, а также о масштабности экологических проблем.

Причинами неблагоприятной обстановки в Российской Федерации (во многих регионах) предполагается считать:

- продолжающийся процесс роста числа вредных промышленных и бытовых отходов и неразработанная система их утилизации;

- нерациональное, расточительное ведение лесного хозяйства и землепользования;

- нерегулируемый процесс сброса сточных и неочищенных промышленных вод в водоемы;

- активный выброс неочищенных газов с предприятий в атмосферу;

- несанкционированное химическое и радиационное загрязнение ряда территорий;

- существующее, несмотря на введенные ограничения, финансирование экологических программ по остаточному принципу;

- наличие пробелов в экологическом законодательстве (отсутствие единого определения термина «экологическая безопасность»);

- бездействие властных структур, в том числе и на уровне регионов, в отношении обеспечения охраны окружающей среды;

- существующий акцент на принятие мер постфактум, т.е. после уже совершенного правонарушения в отношении природной среды, вместо принятия превентивных мер для недопущения загрязнения природных объектов;

- утрата интереса общества к экологическим проблемам и равнодушие большинства россиян к состоянию природной среды.

Таким образом, несмотря на существенные положительные изменения, произошедшие за последние десятилетия в российском экологическом законодательстве, можно сделать вполне обоснованный вывод о том, что затянувшаяся на три десятка лет научная дискуссия относительно характеристики дефиниции «экологическая безопасность» и процесса ее обеспечения связана как с междисциплинарным характером исследуемого понятия, так и с несколько «искусственным» процессом его выделения в отдельный вид деятельности в структуре обеспечения национальной безопасности и необходимости в связи с этим длительного временного промежутка для выработки научных подходов для его обоснования.

На сегодняшний день напряжение относительно содержания термина «экологическая безопасность» не снижается. В действующем российском законодательстве все еще отсутствуют четко сформулированные правовые определения некоторых терминов, применяемых в деятельности по обеспечению экологической безопасности, что позволяет формировать разные представления об объекте охраны, в некоторых случаях недостаточно емкие. Важно подчеркнуть и отсутствие четких правовых определений у таких терминов, как: «обеспечение экологической безопасности», «меры экологической безопасности», «нормы экологической безопасности», «экологически безопасное производство», что ведет к возникновению сложностей в применении их на практике.

Подводя итог сказанному, хотелось бы отметить, что несмотря на существенные положительные изменения, произошедшие за последние десятилетия в российском экологическом законодательстве, можно сделать вполне обоснованный вывод о том, что правовое

регулирование экологической безопасности все еще не в полной мере отвечает потребностям современного общества в улучшении экологической ситуации в стране и нуждается в совершенствовании.

Список литературы

1. Абдуллин А.И., Валиуллина К.Б. 2023. Имплементация международно-правовых норм в области охраны и защиты Мирового океана от загрязнения в законодательство Российской Федерации: исторический аспект и современность. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 6-17. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2023-4-6-17>.
2. Валиуллина К.Б. 2020. Мировой океан. Международно-правовая охрана и защита от загрязнения. Монография. Москва: Проспект. 192 с. – *Лань: электронно-библиотечная система*. URL: <https://e.lanbook.com/book/298124> (дата обращения: 21.09.2024). Режим доступа: для авториз. пользователей.
3. Ващекин Н.П., Дзлиев М.И., Урсал А.Д. 1988. *Безопасность и устойчивое развитие России*. Москва: Изд-во МГУК. 445 с.
4. Велиева Д.С. 2010. Экологическая безопасность в контексте стратегии устойчивого развития Российской Федерации. – *Власть*. № 11. С. 36-38.
5. Гайсин И.Т. 2008. Вопросы экологической безопасности и экономики. – *Вестник ТГГПУ*. № 14. С. 64-66. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-ekologicheskoy-bezopasnosti-i-ekonomiki> (дата обращения: 14.09.2024).
6. Голиченков А.К. 2004. 2005. Эколого-правовой словарь. – *Экологическое право*. № 4. № 1.
7. Даль В. 1989. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Москва. Т. 1.
8. Жаворонкова Н.Г., Максимов Е.Л. 2009. Обеспечение экологической безопасности в контексте стратегии национальной безопасности России. – *Lex Russica*. Т. LXVIII. № 6. С. 1317-1328.
9. Ильин В.А. 2016. Стратегия национальной безопасности-2015 – шаг к новому этапу развития России. – *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. № 1(43). С. 9-25.
10. Кардашова И.Б. 2005. О категориально-понятийном аппарате теории национальной безопасности. – *Российский следователь*. № 5. С. 51-56.
11. Колбасов О.С. 1988. Концепция экологической безопасности (юридический аспект). – *Советское государство и право*. № 12. С. 48.
12. Коптев-Дворников В.Е., Орлов С.В., Петров В.О. 2020. История экологического движения в России: прошлое и современность. – *Аграрное и земельное право*. № 2(182). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-ekologicheskogo-dvizheniya-v-rossii-proshloe-i-sovremennost> (дата обращения: 14.09.2024).
13. Кушкурова А.Д., Ковалева Ю.П., Джикия М.Д. 2019. О правовом содержании понятия «Экологическая безопасность». – *E-Scio*. № 11(38). URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/o-pravovom-soderzhanii-](https://cyberleninka.ru/article/n/o-pravovom-soderzhanii-ponyatiya-ekologicheskaya-bezopasnost)

[ponyatiya-ekologicheskaya-bezopasnost](https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiya-ekologicheskaya-bezopasnost) (дата обращения: 16.09.2024).

14. Макиавелли Н. 1990. *Государь*. Москва.
15. Мамедов Н.М. 2003. Основы социальной экологии. Учебное пособие. Москва. 256 с.
16. Молчан А.С., Сокол М.К. 2016. Концептуальные проблемы национальной безопасности государства. – *Научные труды Кубанского государственного технологического университета*. № 2. С. 101-112.
17. Мухлынина М.М. 2023. Экологическая безопасность: теоретические и правовые основы. – *Правовая политика и правовая жизнь*. № 3.
18. Ожегов С.И. 1990. *Словарь русского языка*. Москва.
19. Платонов Ю.Н. 2011. Экологическая компонента национальной безопасности России. – *Журнал российского права*. № 8(176). С. 26-33.
20. Попов А.С. 2010. Экологическая безопасность Российской Федерации как составляющая национальной безопасности. – *Вестник ВГУ. Серия: История, политология, социология*. № 2.
21. Спиноза Б. 1997. Богословско-политический трактат. – *Антология мировой политической мысли*. Москва. Т. 1. 488 с.
22. Тонков Е.Е., Туранин В.Ю., Пожарова Л.А. 2015. Международно-правовые основания формирования в России системы экологической безопасности. – *Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право*. № 2(199). Вып. 31. С. 126-133.
23. Цицерон. 1999. *Об обязанностях*. Москва.
24. Яблоков А.В. 2003. Экологическая безопасность должна стать частью национальной безопасности. – *Новая газета*. № 76.

References

1. Abdullin A.I., Valiullina K.B. Implementatsiya mezhdunarodno-pravovikh norm v oblasti okhrani i zashchiti Mirovogo okeana ot zagryazneniya v zakonodatelstvo Rossiiskoi Federatsii: istoricheskii aspekt i sovremennost [Implementation of international legal norms in the field of protection and protection of the World Ocean from pollution in the legislation of the Russian Federation: historical aspect and modernity]. – *Moscow Journal of International Law [Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava]*. 2023. № 4. S. 6-17. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2023-4-6-17>.
2. Dal V. *Tolkovii slovar zhivogo velikoruskogo yazika [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]*. Moscow. 1989. T. 1.
3. Gaisin I.T. Voprosi ekologicheskoi bezopasnosti i ekonomiki [Environmental safety and economic issues]. – *Vestnik TGGPU [Bulletin of the TGGPU]*. 2008. № 14. S. 64-66 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-ekolog->

- icheskoy-bezopasnosti-i-ekonomiki (data obrashcheniya: 14.09.2024).
4. Golichenkov A.K. Ekologo-pravovoi slovar [Ecological and legal dictionary]. – *Ekologicheskoe pravo [Environmental law]*. 2004. № 4; 2005. № 1.
 5. Ilin V.A. Strategiya natsionalnoi bezopasnosti-2015 – shag k novomu etapu razvitiya Rossii [The National Security Strategy 2015 – a step towards a new stage of Russia's development]. – *Ekonomicheskie i sotsialnie peremeny: fakti, tendentsii, prognoz [Economic and social changes: facts, trends, forecast]*. 2016. № 1(43). S. 9-25.
 6. Kardashova I.B. O kategorialno-ponyatiinom apparate teorii natsionalnoi bezopasnosti [On the categorical and conceptual framework of the theory of national security]. – *Rossiiskii sledovatel [Russian investigator]*. 2005. № 5. С. 51-56.
 7. Kolbasov O.S. Kontseptsiya ekologicheskoi bezopasnosti (yuridicheskii aspekt) [The concept of environmental safety (legal aspect)]. – *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [The Soviet state and law]*. 1988. № 12. S. 48.
 8. Koptev-Dvornikov V. Ye., Orlov S. V., Petrov V. O. Istoriya ekologicheskogo dvizheniya v Rossii: proshloe i sovremennost [The history of the environmental movement in Russia: past and present]. – *Agrarnoe i zemelnoe pravo [Agrarian and land law]*. 2020. № 2(182). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-ekologicheskogo-dvizheniya-v-rossii-proshloe-i-sovremennost> (data obrashcheniya: 14.09.2024).
 9. Kushkulova A.D., Kovaleva Yu.P., Dzhikiya M.D. O pravovom sodержanii ponyatiya «Ekologicheskaya bezopasnost» [About the legal content of the concept of "Environmental safety"]. – *E-Scio*. 2019. № 11(38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-pravovom-soderzhanii-ponyatiya-ekologicheskaya-bezopasnost> (data obrashcheniya: 16.09.2024).
 10. Makiavelli N. *Gosudar [Monarch]*. Moscow. 1990.
 11. Mamedov N.M. *Osnovi sotsialnoi ekologii [Fundamentals of social ecology]*. Uchebnoe posobie. Moscow. 2003. 256 p.
 12. Molchan A.S., Sokol M.K. Kontseptualnie problemi natsionalnoi bezopasnosti gosudarstva [Conceptual problems of national security of the state]. – *Nauchnie trudi Kubanskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta [Scientific papers of the Kuban State Technological University]*. 2016. № 2. S. 101-112.
 13. Mukhlinina M.M. Ekologicheskaya bezopasnost: teoreticheskie i pravovie osnovy [Environmental safety: theoretical and legal foundations]. – *Pravovaya politika i pravovaya zhizn [Legal policy and legal life]*. 2023. № 3.
 14. Ozhegov S.I. Slovar russkogo yazika [Dictionary of the Russian language]. Moscow. 1990.
 15. Platonov Yu.N. Ekologicheskaya komponenta natsionalnoi bezopasnosti Rossii [The environmental component of Russia's national security]. – *Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2011. № 8(176). S. 26-33.
 16. Popov A.S. Ekologicheskaya bezopasnost Rossiiskoi Federatsii kak sostavlyayushchaya natsionalnoi bezopasnosti [Environmental safety of the Russian Federation as a component of national security]. – *Bulletin of the VSU. Seriya: Istoriya, politologiya, sotsiologiya [Vestnik VGU Series: History, Political Science, Sociology]*. 2010. № 2.
 17. Robinson N.A. 2006. *Strategies toward Sustainable Development: Implementing Agenda 21*. Oxford: Oxford University Press. 938 p.
 18. Spinoza B. Bogoslovsko-politicheskii traktat [A theological and political treatise]. – *Antologiya mirovoi politicheskoi misli [An anthology of world political thought]*. Moscow. 1997. T. 1. 488 s.
 19. Tonkov Ye.E., Turanin V.Yu., Pozharova L.A. Mezhdunarodno-pravovie osnovaniya formirovaniya v Rossii sistemi ekologicheskoi bezopasnosti [International legal grounds for the formation of an environmental safety system in Russia]. – *Nauchnie vedomosti BelGU. Ser. Filosofiya. Sotsiologiya [Scientific Bulletin of BelSU. Ser. Philosophy. Sociology. Right]*. 2015. № 2(199). Vip. 31. S. 126-133.
 20. Tsitseron. Ob obyazannostyakh [About responsibilities]. Moscow. 1999.
 21. Valiullina K.B. Mirovoi okean. Mezhdunarodno-pravovaya okhrana i zashchita ot zagryazneniya. Monografiya [The world ocean. International legal protection and protection from pollution. The monograph]. Moscow: Prospekt. 2020. 192 s. – *Lan': elektronno-bibliotchnaya sistema [Lan': electronic library system]*. URL: <https://e.lanbook.com/book/298124> (data obrashcheniya: 21.09.2024). Rezhim dostupa: dlya avtoriz. polzovatelei. Vashchekin N.P., Dzliev M.I., Ursal A.D. *Bezopasnost i ustoychivoe razvitie Rossii [Security and sustainable development of Russia]*. Moscow: Izd-vo MGUK. 1988. 445 s.
 22. Velieva D.S. Ekologicheskaya bezopasnost v kontekste strategii ustoichivogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii [Environmental safety in the context of the Sustainable development Strategy of the Russian Federation]. – *Vlast [Power]*. 2010. № 11. S. 36-38.
 23. Yablokov A.V. Ekologicheskaya bezopasnost dolzhna stat chastyu natsionalnoi bezopasnosti [Environmental safety must become a part of national security]. – *Novaya gazeta [New newspaper]*. 2003. № 76.
 24. Zhavoronkova N.G., Maksimov Ye.L. Obespechenie ekologicheskoi bezopasnosti v kontekste strategii natsionalnoi bezopasnosti Rossii [Ensuring environmental safety in the context of Russia's National Security Strategy]. – *Lex Russica*. T. LXVIII. 2009. № 6. S. 1317-1328.

About the Authors**Adel I. ABDULLIN**

Doctor of Laws, Professor, Head of the Department of International and European Law, Kazan (Volga region) Federal University

Kremlyovskaya Str., 18, Kazan, Russian Federation, 420008

Adel.Abdullin@kpfu.ru
ORCID: 0000-0001-6078-8029

Ksenia B. VALIULLINA

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of International and European Law, Kazan (Volga region) Federal University

Kremlyovskaya Str., 18, Kazan, Russian Federation, 420008

Valiullina.Ksenia@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1892-3148

Информация об авторах**Адель Ильсиярович АБДУЛЛИН**

д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Кремлевская ул., 18, Казань, 420008, Российская Федерация

Adel.Abdullin@kpfu.ru
ORCID: 0000-0001-6078-8029

Ксения Борисовна ВАЛИУЛЛИНА

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Кремлевская ул., 18, Казань, 420008, Российская Федерация

Valiullina.Ksenia@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1892-3148

Иван Владимирович БУНИК

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел России

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

i.bunik@tbplaw.com

ORCID: 0000-0002-3416-0884

ПЕРЕГОВОРЫ МЕЖДУ КАНАДОЙ И СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ АМЕРИКИ О ГРАНИЦЕ В МОРЕ БОФОРТА: АКТУАЛЬНЫЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

ВВЕДЕНИЕ. В условиях освобождения полярных районов ото льда и пополнения научных данных об углеводородном потенциале арктического континентального шельфа актуальным является вопрос о справедливом разграничении юрисдикций между Соединенными Штатами Америки и Канадой в море Бофорта. 24 сентября 2024 г. правительства США и Канады опубликовали текст совместного заявления, которым анонсировали очередные переговоры по этому вопросу (в том числе в отношении разграничения континентального шельфа). Тем не менее, неучастие США в Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 г. и отсутствие рекомендаций Комиссии по границам континентального шельфа по представлению Канады ставят вопрос о возможности окончательного соглашения по разграничению моря Бофорта и, главное, о его легитимности с точки зрения международного права. В настоящей статье автор формулирует собственное видение по данному вопросу.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Теоретическую основу исследования составили научные юридические работы, изданные в течение последних пяти лет в России и за рубежом, нормативно-

правовая база представлена делимитационными договорами между прибрежными арктическими государствами, а также решениями Международного суда ООН и международных арбитражей по проблемам делимитации. Автор использовал общенаучные методы исследования (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, классификация, систематизация, прогнозирование) и частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод юридической герменевтики).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Автором сделан вывод, что создание целевой группы по делимитации в море Бофорта происходит в условиях климатических изменений, повысивших экономическую значимость региона и актуализировавших необходимость правовой определенности. Одновременно ряд прежних препятствий к переговорам в настоящее время утратил актуальность. Современный геополитический контекст дополнительно стимулирует заинтересованность сторон в мирном урегулировании спора. Отмечается, что делимитация континентального шельфа между Канадой и США за пределами 200 морских миль допустима, хотя США и не имеют статуса

участника Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., а также принимая во внимание односторонний характер действий этого государства по публикации границ «расширенного континентального шельфа». Наряду с этим в будущем ключевым станет вопрос учета рекомендаций Комиссии по границам континентального шельфа для Канады.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Автор отмечает, что современные условия, в отличие от ситуации 1970-х годов, способствуют достижению компромисса между США и Канадой. Вместе с этим остается открытым ряд правовых вопросов, особенно в части разграничения континентального шельфа за пределами 200 морских миль. При этом отсутствие у Канады рекомендации Комиссии по границам континентального шельфа может отсрочить достижение итогового соглашения либо на текущем этапе привести к разработке временных решений. В целом, несмотря на благоприятный политический контекст, автор полагает, что

преждевременно говорить о возможности быстрого завершения переговоров.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: арктическое право, морское право, разграничение морских пространств, разграничение континентального шельфа, море Бофорта, особые обстоятельства в международном праве, принцип равного отстояния, коренные малочисленные народы, принцип эстоппель

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Буник И.В. 2025. Переговоры между Канадой и Соединенными Штатами Америки о границе в море Бофорта: актуальные международно-правовые вопросы. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 59–74. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-59-74>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

LAW OF THE SEA

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-59-74>

Ivan V. BUNIK

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
i.bunik@tbplaw.com
ORCID: 0000-0002-3416-0884

Research article
UDC: 341.225
Received 8 July 2025
Approved 30 August 2025

CANADA – UNITED STATES OF AMERICA BEAUFORT SEA BOUNDARY NEGOTIATIONS: CURRENT ISSUES AND PROSPECTS

INTRODUCTION. With the polar regions becoming ice-free and scientific data on the hydrocarbon potential of the Arctic continental shelf increasing, the issue of a fair delimitation between the United States of America (U.S.) and Canada in the Beaufort Sea is becoming more acute. On September 24, 2024, both governments announced new delimitation negotiations

(including the continental shelf). However, the U.S. is not party to the 1982 United Nations (UN) Convention on the Law of the Sea. Furthermore, there are still no recommendations from the Commission on the Limits of the Continental Shelf regarding Canada's submission about the outer limits of its shelf. Therefore, a question arises about the viability and legiti-

macy of a final agreement on the delimitation of the Beaufort Sea from an international law perspective. In this article, the author shares his perspective on this issue.

MATERIALS AND METHODS. *This study is based on scientific developments by Russian and foreign international lawyers, particularly over the past five years. The legal framework includes delimitation treaties between Arctic coastal states and decisions of International Court of Justice and international arbitral tribunals on delimitation issues. The methodology used includes general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction, comparison, classification, systematization, and forecasting) as well as specific scientific methods (including formal legal analysis, comparative legal methods, and legal hermeneutics).*

RESEARCH RESULTS. *The author concludes that the creation of the joint task force to undertake negotiations on the maritime boundary in the Beaufort Sea is occurring in the context of climate change, which has heightened the region's economic importance and made the need for legal certainty more pressing. At the same time, several previous obstacles to negotiations have now become irrelevant. The current geopolitical context additionally stimulates the parties' interest in a peaceful settlement of the dispute. The paper argues that nothing in principle prevents the two states from undertaking continental-shelf de-*

limitation beyond 200 nautical miles. Looking ahead, a central question will be how any bilateral settlement incorporates the Commission on the Limits of the Continental Shelf's recommendations for Canada.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The current environment, in contrast to previous negotiations, appears favorable to a mutually acceptable outcome. Nevertheless, several legal uncertainties persist—chief among them the method for delimiting areas beyond 200 nautical miles. At the same time, the absence of a recommendation from the CLCS to Canada may delay reaching a final agreement or lead to the development of temporary solutions. In general, despite the favorable political context, the author believes it is premature to discuss the possibility of a quick conclusion to the negotiations.*

KEYWORDS: Arctic Law, Law of the Sea, maritime delimitation, Beaufort Sea, special circumstances in international law, equidistance principle, indigenous peoples, estoppel principle

FOR CITATION: Bunik I.V. Canada – United States of America Beaufort Sea Boundary Negotiations: Current Issues and Prospects. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 3. P. 59–74. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-59-74>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

В отечественной международно-правовой науке традиционно уделяется большое внимание исследованию политико-правовых вопросов делимитации между соседними государствами (с противолежащими или смежными побережьями) морских районов, которые относятся к исключительной экономической зоне и континентальному шельфу [Царев 1974:248-255; Вылегжанин 1984:125-129; Молодцов 1986:85-92]. В продолжение этого вектора исследований настоящая статья привлекает внимание к тому, что на протяжении многих десятилетий между Канадой и США остается не разрешенным ряд морских делимитационных споров, прежде всего – спор о разграничении в море Бофорта и проливе Диксон-Энтрانس, а также спор в связи с «оконтуриванием» Канадой прямыми исходными линиями всего района Северо-Западного

прохода, который США относят к международным проливам. При этом оба государства до настоящего времени воздерживались от окончательного разрешения соответствующих споров, находя способы мирно обозначить свои национальные интересы.

В условиях постепенного потепления климата и освобождения полярных районов ото льда и в свете появления научных данных о природоресурсном и углеводородном потенциале арктического континентального шельфа особую актуальность приобретает вопрос о справедливом разграничении юрисдикций между США и Канадой в море Бофорта. На протяжении более чем полувекового существования спора в юридической науке предлагались различные способы его возможного разрешения (в том числе с привлечением к переговорам представителей коренных малочисленных народов обеих стран) [Refai 2022:269]: от обращения в Международный суд ООН до согласования сторонами

режима совместной разработки углеводородных и иных ресурсов в регионе пересекающихся морских претензий [Буник 2018:130]. Но до настоящего времени по различным причинам двусторонние переговоры не приводили к какому-либо результату.

24 сентября 2024 г. правительства США и Канады опубликовали текст совместного заявления, которым объявили о начале новых переговоров по границе в море Бофорта и создании соответствующей совместной целевой группы¹. Согласно заявлению, начало переговоров обусловлено «новыми вызовами и возросшей стратегической конкуренцией», вследствие которых «регион стал объектом все большего внимания для Соединенных Штатов и Канады». Целью переговоров заявлено «окончательное соглашение» по «морской границе в море Бофорта, включая разрешение перекрытия континентального шельфа в центральной части Северного Ледовитого океана». Указанное соглашение должно «внести ясность» в арктические морские границы, «принимая во внимание ответственное сохранение и устойчивое использование арктических ресурсов для взаимной выгоды американцев и канадцев, включая коренные народы». Для достижения последней цели стороны заявили о готовности к проведению не только совместных двусторонних переговоров, но и к осуществлению «содержательного взаимодействия с государственными, территориальными и коренными партнерами».

В свете вышеизложенного актуальность приобретают вопросы международно-правовой легитимности аргументов, выдвигаемых обеими сторонами в рамках спора о границе, что, в свою очередь, поднимает проблему источников международного права, применимых к акваториям Северного Ледовитого океана, в частности Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. При этом США (не участвуя в последней) в одностороннем

порядке 19 декабря 2023 г. опубликовали границы «расширенного континентального шельфа» (этим термином это государство называет границы шельфа за пределами 200 морских миль от исходных линий)². Согласно заявлению США, указанные границы были определены на основании имеющихся научных данных. В связи с этим неизбежно возникает вопрос о соответствии таких границ нормам международного права и, следовательно, о правомерности заключения соглашения о делимитации между Канадой и США этого участка шельфа, в том числе в отсутствие рекомендаций Комиссии по границам континентального шельфа в отношении представления Канады³.

Следует отметить наличие обширного массива международно-правовой доктрины, в которой подробно проанализированы истоки спора между США и Канадой в отношении моря Бофорта и предложены возможные способы его урегулирования [Rothwell 1988:45-57; Baker 2012; Baker, Byers 2012; Pharand 1988; McDorman 2009]. В недавних научных публикациях канадских исследователей П.У. Лакенбауера, С. Лалонд и Э. Ридделл-Диксон дается подробная характеристика современных геополитических реалий и их влияния на контекст отношений между США и Канадой относительно неразрешенных территориальных разногласий [Lackenbauer 2020]. Отдельные научные работы посвящены роли коренных малочисленных народов и федеративно-провинциальных отношений Канады в развитии указанного спора [Refai 2022], а также вопросам сочетания в рамках этого спора научного (экосистемного) подхода к установлению границ и принципа соблюдения прав инуитов [Huebert 2018]. Наконец, важное значение для оценки перспектив разрешения спора играют международно-правовые исследования, посвященные выявлению обычно-правового характера норм Конвенции ООН по морскому

¹ Joint Statement on Creation of Joint Task Force to Negotiate Beaufort Sea Boundary. – *US Department of State*. September 24, 2024. URL: <https://2021-2025.state.gov/joint-statement-on-creation-of-joint-task-force-to-negotiate-beaufort-sea-boundary/> (accessed date: 07.06.2025); Joint Statement on Creation of Joint Task Force to Negotiate Beaufort Sea Boundary. – *Global Affairs Canada*. September 24, 2024. URL: <https://www.canada.ca/en/global-affairs/news/2024/09/joint-statement-on-creation-of-joint-task-force-to-negotiate-beaufort-sea-boundary.html> (accessed date: 07.06.2025).

² U.S. Extended Continental Shelf. – *Department of State*. URL: <https://www.state.gov/the-us-ecs/> (accessed date: 07.06.2025).

³ Commission on the Limits of the Continental Shelf (CLCS). Outer limits of the continental shelf beyond 200 nautical miles from the baselines: Submissions to the Commission: Partial Submission by Canada. URL: https://www.un.org/depts/los/clcs_new/submissions_files/submission_can1_84_2019.html#:~:text=On%2023%20May%202019%2C%20Canada,sea%20is%20measured%20in%20the (accessed date: 07.06.2025).

праву 1982 г. о разграничении территориально-го моря, исключительной экономической зоны и континентального шельфа [Magnússon 2017, Liao 2024].

Настоящая статья состоит из пяти разделов. Мы начинаем с обзора «стартовых» позиций сторон в отношении делимитации моря Бофорта и даем международно-правовую оценку их жизнеспособности. Впоследствии переходим к анализу основных причин недостижения окончательного согласия в процессе ранее проводившихся сторонами переговоров по этому вопросу в 1977–1978 и 2011 гг. В ходе следующего этапа исследования выявляются имеющие значение для текущих переговоров геополитические реалии и прогнозируется их возможное влияние на результативность работы целевой группы. Далее, применяя формально-юридический, сравнительно-правовой методы и метод юридической герменевтики, мы анализируем источники международного права и односторонние заявления США, а также их значение для разграничения континентального шельфа между двумя государствами, простирающегося за пределы 200 морских миль от исходных линий. Дополнительно определяем правовые последствия, которые открывает такое разграничение для России. В результате указанного анализа мы приходим к заключению о том, что текущие политическая обстановка и состояние международного права благоприятствуют достижению США и Канадой согласия в результате объявленных переговоров. В то же время вопросы, стоящие перед целевой переговорной группой, требуют взвешенного подхода и учета всех применимых к делу обстоятельств, что делает маловероятным быстрое и окончательное урегулирование многолетних разногласий без существенного ущерба для правовых позиций обеих сторон.

2. Позиции США и Канады в отношении моря Бофорта: жизнеспособность с точки зрения международного права

Делимитация в море Бофорта давно определяется как существенный неурегулированный морской спор между Канадой и США, в частности, вследствие размера спорной акватории

(6 250 квадратных морских миль [Baker 2009:57]), а также ресурсного потенциала региона.

Существо спора сводится к толкованию двумя государствами действующего международного морского права и двусторонних договоренностей, установленных англо-русской Конвенцией 1825 г.

Согласно позиции Канады, во-первых, 141-й меридиан, определивший линию сухопутной границы в тексте ст. III Конвенции 1825 г., должен использоваться и для морской делимитации спорного района [Буник 2018:128]. Это толкование может проистекать, в частности, из того факта, что начало переговорам в 1821 г. между Российской империей и Великобританией положило требование российского императора не допускать иностранцев в радиус 100 итальянских миль от побережья северо-запада Северной Америки, в связи с чем можно утверждать, что применение Конвенции 1825 г. также и к морской границе в море Бофорта соответствует ее «объекту и цели» [Baker, Byers 2012:74]. Тем не менее ряд ученых, исследовавших историю переговоров по тексту указанной конвенции, не смогли найти однозначные доказательства того, что стороны намеревались провести именно морскую границу. Кроме того, российское притязание на морскую юрисдикцию касалось не моря Бофорта, а северной части Тихого океана [Baker, Byers 2012:74].

Во-вторых, США и Россия уже более 35 лет применяют подписанное ими Соглашение о линии разграничения морских пространств от 1 июня 1990 г. Его ст. 1 в качестве морской границы в Беринговом и Чукотском морях и на севере Тихого океана определяет меридианную линию западной границы, как она описана в Конвенции об уступке Аляски 1867 г.⁴ Примечательно, что эта линия используется для делимитации территориальных морей, исключительных экономических зон и континентальных шельфов двух государств, т.е. тех пространств, для делимитации которых она изначально не предназначалась и которые на момент заключения Конвенции 1867 г. еще не были определены в международном праве [Вылегжанин 2010:3]. Кстати, аналогичный аргумент был отклонен Международным судом ООН в споре

⁴ Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о линии разграничения морских пространств. 1 июня 1990 г. – *Московский журнал международного права*. 2000. № 1; Бюллетень международных договоров. Январь, 2008. № 1.

о делимитации морского района между островами Гренландия и Ян-Майен 1993 г. между Норвегией и Данией (речь шла об определении границы острова с Гренландией на тех же условиях, что были согласованы Норвегией для ее границы с Исландией)⁵. В случае же с морем Бофорта США оспаривают применение договора 1825 г. к одной акватории (море Бофорта), хотя уже признали, что тот же самый договор определяет морскую границу в другом месте. Как заметил К. Антинори в 1987 г.: «Соединенные Штаты фактически заявляют, что тот же договор, который определяет морскую границу на западе, не определяет морскую границу на востоке» [Baker, Byers 2012:74]. При этом даже в отрыве от правового статуса границы, определенной Конвенцией 1825 г., в научной литературе отмечается, что разграничение, временно применяемое США и Россией с 1990 г. в отношении запада Аляски, может свидетельствовать о том, что такое же разграничение США могли бы считать справедливым результатом и на востоке Аляски [Baker, Byers 2012:74].

В-третьих, до 1976 г.⁶ США не высказывали возражений в отношении указанных претензий Канады [Буник 2018, McDorman 2009:184]. Вместе с тем, проанализировав практику международных судебных разбирательств, в частности, решение Международного суда ООН по делу относительно экономических зон Украины и Румынии в Черном море 2009 г., Дж. С. Бейкер и М. Байерз отмечают, что «если только нельзя доказать, что такое поведение является доказательством молчаливого *modus vivendi* между сторонами, оно не имеет отношения к делимитации» [Baker, Byers 2012:75].

В-четвертых, правительство Канады использует факт исторического использования спорных морских пространств инувиалюитами (что, в частности, подтверждается подписанным федеральным правительством с представителями данного народа соглашением 1984 г., в котором признаются исторические промысловые права инувиалюитов в спорном районе) [Вылегжанин, Бабина 2014:70]. Хотя это соглашение

и подписано спустя восемь лет после заявления США соответствующего протеста (что может рассматриваться как попытка канадского правительства отстоять свою позицию о меридианной границе), оно является признанием исконных прав коренных народов, которые де-факто осуществлялись ими задолго до 1976 г.

В свою очередь, **правовая позиция США** состоит в необходимости применения к делимитации спорных морских пространств принципа равного отстояния. [Буник 2018]

Но применение данного принципа в качестве правовой нормы, регулирующей отношения между США и Канадой, также является дискуссионным.

Что касается разграничения *территориального моря*, то, действительно, Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. и практика международных судов и арбитражей обязывает к применению этого принципа (ст. 15), если не установлено «исторически сложившихся правовых оснований или иных особых обстоятельств». Вместе с тем США, в отличие от Канады и всех других арктических прибрежных государств, так и не ратифицировали Конвенцию 1982 г. При этом официальная политика правительства США в отношении Конвенции 1982 г. состоит в том, что Сенат США должен «действовать благоприятно» в целях «скорейшего присоединения для защиты и продвижения интересов Соединенных Штатов в Арктике» [Bekker, van de Poll 2020:176]. В связи с этим вопрос, который является решающим для позиции США относительно применения принципа равного отстояния для разграничения территориального моря в соответствии с указанной статьей Конвенции 1982 г., заключается в наличии у ее соответствующих положений статуса нормы обычного международного права. Последнее может подтверждаться, например, тем, что в решениях Международного суда ООН есть указания на обычно-правовой характер ст. 15⁷ (хотя после 2007 г. международная судебная практика отводит центральную роль анализу особых обстоятельств, требующих отхода от общего принципа

⁵ Maritime Delimitation in the Area between Greenland and Jan Mayen, Judgment. – *I.C.J. Reports*. 1993. 38 p. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/78/078-19930614-JUD-01-00-EN.pdf> (accessed date: 05.06.2025).

⁶ Diplomatic Note No. 103, 20 May 1976, in Case Concerning Delimitation of the Maritime Boundary in the Gulf of Maine Area (Canada / United States). – *I.C.J. Pleadings*. Oral Arguments. Documents. Vol. 1. Annex 32 to Memorial of Canada. P. 410.

⁷ См., напр., Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain. Merits. Judgment. – *I.C.J. Reports*. 2001. Para 176. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/87/087-20010316-JUD-01-00-EN.pdf> (accessed date: 05.06.2025).

равного отстояния [Lando 2017:614]). Дополнительно в качестве согласия США с применением указанного принципа в отношении морских споров с их участием можно признать и факт участия данного государства (в отличие от Канады) в Женевской конвенции о территориальном море и прилежащей зоне 1958 г., ст. 12 которой требует применения указанного принципа.

В свою очередь, ст. 6(2) Женевской конвенции о континентальном шельфе 1958 г., в которой участвуют оба государства, также оперирует принципом равного отстояния при разграничении континентального шельфа между государствами со смежными побережьями.

Исследователи П. Беккер и Р. ван де Полл полагают, что в отношении исключительных экономических зон ст. 74(1) и 83(1) Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. могут использоваться в качестве обычного международного права, обязательного для США и Канады (соответствующий статус этих норм неоднократно подчеркивался Международным судом ООН в своих решениях⁸). Следует отметить, что эти статьи не содержат указания на конкретный принцип делимитации, которая должна осуществляться «путем соглашения на основе международного права, как это указывается в статье 38 Статута Международного Суда, в целях достижения справедливого решения» [Bekker, van de Poll 2020:176]. Но правовые последствия признания указанных статей международным обычаем, по мнению указанных авторов, приводят к тому, что разграничение исключительных экономических зон автоматически подпадает под вышеописанное регулирование, в то время как к разграничению континентального шельфа нормы Женевской конвенции о континентальном шельфе 1958 г. должны применяться

в совокупности с нормой ст. 83(1) Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Следуя указанной логике, ученые обосновывают возможность применения к делимитации спорного района моря Бофорта так называемого метода трехэтапной делимитации как метода, используемого «устоявшейся судебной практикой в отношении интерпретации» соответствующих положений Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. [Bekker, van de Poll 2020: 176, Liao 2024]⁹. Эта методология состоит из пошагового осуществления морской делимитации. На первом этапе проводится предварительная равноудаленная линия, если это не является невозможным или нецелесообразным. На втором этапе указанная предварительная линия корректируется, если существуют обстоятельства, характерные для этого случая, которые делают предварительную линию несправедливой. На третьем этапе справедливость пограничной линии проверяется с помощью «критерия непропорциональности», т.е. выясняется, существует ли «выраженная диспропорция между соотношением соответствующих длин побережья и соотношением между соответствующей морской площадью каждого государства по отношению к линии делимитации»¹⁰. Некоторые специалисты отмечают тенденцию к увеличению применения этой методологии для разграничения также континентального шельфа за пределами 200 морских миль [Liao 2024:398].

При этом необходимо принимать во внимание спорность автоматического распространения на континентальный шельф арктических государств как исключительно Женевской конвенции о континентальном шельфе 1958 г., так и Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. В частности, Северный Ледовитый океан, равно

⁸ Territorial and Maritime Dispute (Nicaragua v. Colombia). Judgment. – *I.C.J. Reports*. 2012. Para 139. P. 624. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/124/124-20121119-JUD-01-00-EN.pdf> (accessed date: 05.06.2025). See also: Maritime Delimitation in the Area between Greenland and Jan Mayen. Judgment. – *I.C.J. Reports*. 1993. Para 48. 38 p. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/78/078-19930614-JUD-01-00-EN.pdf> (accessed date: 05.06.2025) and Maritime Dispute (Peru v. Chile). Judgment. – *I.C.J. Reports*. 2014. Para 179. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/137/137-20140127-JUD-01-00-EN.pdf> (accessed date: 05.06.2025).

⁹ See PCA CASE NO. 2012-04. Final Award In the Matter of an Arbitration under the Arbitration Agreement between the Government of the Republic of Croatia and the Government of the Republic of Slovenia, signed on 4 November 200 (Croatia v. Slovenia). 29.06.2017. URL: <https://files.pca-cpa.org/pcadocs/ua-ru/01.%20RU%20Preliminary%20Objections/02.%20Legal%20Authorities/RUL-41.pdf> (accessed date: 05.06.2025), Maritime Delimitation in the Black Sea (Romania v. Ukraine). Judgment. – *I.C.J. Reports*. 2009. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/132/132-20090203-JUD-01-00-EN.pdf> (accessed date: 05.06.2025).

¹⁰ Maritime Delimitation in the Black Sea (Romania v. Ukraine). Judgment. – *I.C.J. Reports*. 2009. Para. 155. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/132/132-20090203-JUD-01-00-EN.pdf> (accessed date: 05.06.2025).

как и его дно, не рассматривались на III Конференции ООН по морскому праву, поскольку их правовой статус сложился задолго до принятия Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. [Вылегжанин, Гаврилов 2024:203]. В Илулиссатской декларации 2008 г. представители Канады, Дании, Норвегии, России и США определили, что «в отношении Северного Ледовитого океана применяется обширная международно-правовая база... В частности, в морском праве закреплены важные права и обязательства, относящиеся к определению внешних границ континентального шельфа, защите морской среды, включая районы, покрытые льдом, свободе судоходства, проведению морских научных исследований и другим видам использования моря». Таким образом, данный документ мягкого права констатирует, что применение конвенционных норм к арктическим пространствам должно осуществляться с учетом соответствующих сложившихся в регионе обычаев [Вылегжанин 2013:12].

Несмотря на непримиримость позиций, ранее высказывавшихся обеими сторонами морского спора, на протяжении десятилетий учеными отмечается, что «позиция каждой стороны в пределах 200 морских миль [от исходных линий], по-видимому, благоприятствует другой стороне [в том, что касается разграничения морских пространств] за пределами [200 морских миль]» [Byers 2013:91; Bekker, van de Poll 2020:190]. Так, когда срединная линия продлевается за пределы 200 морских миль от исходных линий, то она меняет свое направление и начинает отклоняться к северо-западу из-за формы канадской береговой линии на восточной стороне дельты реки Маккензи и до острова Банкс, который сдвигает линию к морской границе между США и Россией [Lackenbauer 2020:42]. По мнению канадского юриста-международника М. Байера, этот факт открывает для сторон «возможности для творческих компромиссов» [Baker, Byers 2012:70].

3. Переговоры между США и Канадой до 2024 г.: причины недостижения согласия

До 2024 г. наиболее значительная попытка правительств Канады и США урегулировать спор относительно разграничения в море Бофорта была предпринята в 1977–1978 гг. Катализатором переговоров стало обнаружение нефти в заливе Прадхо (Аляска) в 1968 г. и последовавшая за этим активная разведка углеводородов на суше в районе моря Бофорта, включая его спорный участок [Kirkey 1995:49]. Вместе с тем указанные переговоры не увенчались успехом вследствие ряда факторов.

Так, к началу переговоров в августе 1977 г. между Канадой и США существовало еще три неурегулированных двусторонних спора о морских границах: залив Мэн, район Джорджес-банки, проливы Хуан-де-Фука и Диксон-Энтрانس. Указанные переговоры в первую очередь имели целью «достижение всеобъемлющего соглашения по каждому неурегулированному спору о морской границе и обозначение приемлемых углеводородных и рыболовных зон в этих регионах, которые бы... защищали и/или продвигали значительные существующие и/или потенциальные национальные экономические интересы; а также были бы убедительно защищены на внутренней политической арене» [Kirkey 1995:54].

При этом к концу 1976 г. оба государства объявили о своем намерении расширить свою рыболовную юрисдикцию с 12 до 200 морских миль. Во избежание «политизации» вопроса о рыболовстве в открытом море Канада и США заключили краткосрочное взаимное рыболовное соглашение, предоставляющее гражданам и судам обеих сторон право осуществлять рыболовство в зонах морских претензий друг друга при условии соблюдения «существующих схем [рыболовства], без расширения и инициирования новых рыболовных промыслов»¹¹. Срок

¹¹ Reciprocal Fisheries Agreement between the Government of the United States of America and the Government of Canada. 24.02.1977. Art II (3). URL: <https://meetings.npfmtc.org/CommentReview/DownloadFile?p=ae1bbf3f-5764-45bf-b285-7178ced26e3e.pdf&fileName=U.S.%20Canadian%20Short%20Term%20Agreement.pdf> (accessed date: 07.06.2025).

действия указанного соглашения истекло 31 декабря 1977 г.¹², но имелись предположения, что соглашение предоставит двум государствам достаточно времени для разрешения разногласий по поводу делимитации.

Несмотря на совместные усилия по достижению компромисса, государства не смогли прийти к взаимоприемлемому решению по всем морским спорам. Во-первых, Канада стремилась к так называемой пакетной сделке, в рамках которой можно было бы договориться с США по всем имеющимся разногласиям относительно морских границ. С учетом этой цели Канада была готова пойти на уступки в море Бофорта в обмен на уступки США в заливе Мэн и проливе Хуан-де-Фука. В свою очередь, США настаивали на независимом рассмотрении каждого вопроса [Byers, Østhagen 2017:5].

Во-вторых, для обеих сторон актуальными были опасения по созданию прецедента для аналогичных споров с другими государствами [Буник 2018].

В связи с указанными препятствиями к концу 1978 г. делегации, ведущие переговоры, решили сосредоточиться на достижении соглашения по заливу Мэн. Важность разрешения именно этого спора была обусловлена рядом обстоятельств: неограниченный промысел определенных видов рыб судами США в указанном заливе, приостановление временного соглашения о рыболовстве на 1978 год, взаимное недопущение США и Канадой судов под флагами друг друга в свои воды, наличие потенциала разработки углеводородов в регионе и общее убеждение в необходимости соглашения по заливу Мэн вследствие активизации экономической деятельности в спорной области [Lalonde, Lackenbauer 2024:426].

Таким образом, переговоры США и Канады в отношении границы в море Бофорта рассматривались в конце 1970-х в качестве проблемы «второго плана».

Дальнейшие переговоры состоялись в 2010–2011 гг., но были остановлены, отчасти потому, что обе стороны намеревались собрать больше данных о масштабах месторождений нефти и газа в спорном районе, прежде чем закрепить свои позиции в процессе обсуждений. Эти переговоры проходили на фоне многолетних

совместных картографических учений, в которых канадские и американские ученые и сотрудники береговой охраны работали вместе в экспедициях, направленных на сбор данных для соответствующих притязаний на континентальный шельф за пределами 200 морских миль от исходных линий [Bekker, van de Poll 2020:173].

Тем не менее до настоящего времени спор по поводу моря Бофорта не препятствовал отношениям сотрудничества между двумя государствами, при этом обе страны придерживались фактического моратория на разведку в спорном районе [Буник 2018].

4. Современное состояние: оценка перспектив переговоров США и Канады, начавшихся в 2024 г.

Для оценки перспектив текущих переговоров между США и Канадой необходимо принимать во внимание изменения климата, а также геополитического и экономического ландшафта, произошедшие с середины 1970-х гг. до настоящего времени.

Следует отметить факт существенного уменьшения ледяного покрова в рамках спорной акватории. С 2007 г. сочетание таких факторов, как потепление, рост речного стока и скорости ветра, привело к расширению площадей, свободных ото льда, в среднем на 80 %. В свою очередь, измерения показателя устойчивости морского льда, или количества дней в году, в течение которых морской лед присутствует на поверхности океана, в локализованных областях моря Бофорта показывают потерю 12,84 дня в год за период 2000–2012 гг. Кроме того, толщина морского льда, который образуется в море Бофорта, с 1990-х гг. постоянно уменьшается [Shake, Frey, Martin, Steinberg 2017]. Это обстоятельство увеличивает промысловую привлекательность моря Бофорта, и, следовательно, назревшую актуальность урегулирования двусторонних отношений по вопросам разграничения спорного региона.

Что касается причин неудач переговоров 1977–1978 гг. и 2010–2011 гг., то большинство из них сейчас утратили свою актуальность. Так, основное препятствие в отношении самого

¹² Reciprocal Fisheries Agreement between the Government of the United States of America and the Government of Canada. 24.02.1977. Art. XVIII. URL: <https://meetings.npfmc.org/CommentReview/DownloadFile?p=ae1bbf3f-5764-45bf-b285-7178ced26e3e.pdf&fileName=U.S.%20Canadian%20Short%20Term%20Agreement.pdf> (accessed date: 07.06.2025).

принципа ведения переговоров 1977–1978 гг. – обсуждение моря Бофорта как элемента «пакетной сделки» – на настоящий момент устранено. В 1984 г. Международный суд ООН установил окончательную морскую границу между Канадой и США в заливе Мэн¹³. Несмотря на то что небольшая область спорных вод в сторону моря от пролива Хуан-де-Фука остается неразграниченной, она «вызывала мало беспокойства и не была предметом обсуждений между Канадой и США» [Lalonde, Lackenbauer 2024:428].

В отношении разведки ресурсов в настоящий момент у сторон есть вполне обширные научные данные, позволяющие понимать достоинства и недостатки любых вариантов разграничения: представление Канады в Комиссию по границам континентального шельфа и публикация США границ «расширенного» континентального шельфа опираются именно на соответствующие результаты исследований морского дна.

Применительно к рыболовству, с изменением климата появились риски увеличения коммерческого промысла белух в море Бофорта, в котором обитает одна из крупнейших в мире популяций этого вида китообразных и иных живых ресурсов. В целях недопущения истощения последних и предотвращения нанесения ущерба сформировавшимся морским экосистемам в интересах обоих государств урегулировать юрисдикционные разногласия в регионе [Lalonde, Lackenbauer 2024:430].

Наконец, в качестве одной из предпосылок для переговоров о границе в море Бофорта западные авторы называют такую «мощную силу» как «растущая геополитическая нестабильность – и возможность продемонстрировать твердую приверженность верховенству права» [Lalonde, Lackenbauer 2024:433]. По их мнению, указанный фактор дал импульс к разрешению в 2022 г. спора в отношении принадлежности острова Ганса, существовавшего между Канадой и Данией¹⁴ и известного как «война виски». В качестве основного события, являющегося источником указанной геополитической нестабильности, называют идеологическое противостояние государств

в связи с осуществлением Россией специальной военной операции на территории Украины [Lalonde, Lackenbauer 2024:430]. Между тем отметим, что совместная оперативная группа для разрешения вопроса по статусу острова Ганса была создана еще в 2018 г. [Вылегжанин, Буник 2024:288], которая еще в 2018–2021 гг. определила направление границы в качестве «справедливого решения в соответствии со ст. 83 Конвенции ООН по морскому праву» [Landriault, Pic, Lasserre 2023]. Следовательно, несмотря на то, что утверждение С. Лалонд и П. У. Лакенбауера по меньшей мере спорно, представляется, что в ближайшее время оно может активно эксплуатироваться в западных научных кругах, даже в отрыве от реального контекста соответствующих переговоров.

Таким образом, следует констатировать, что создание целевой группы по вопросу делимитации в море Бофорта пришлось на достаточно благоприятное время, когда не только устранены препятствия для начала переговоров, но и назрела потребность в установлении эффективного контроля за экономической деятельностью в регионе, который возможен при условии наличия правовой определенности в отношении границ.

5. Делимитация континентального шельфа в море Бофорта: границы возможного

В ходе текущих переговоров между США и Канадой особый интерес представляет проблема делимитации континентального шельфа за пределами 200 морских миль от исходных линий.

Во-первых, поскольку США не участвуют в Конвенции 1982 г., возникает вопрос о возможности производить разграничение области, которая была в одностороннем порядке объявлена в качестве «расширенного континентального шельфа Соединенных Штатов», с областью континентального шельфа Канады, внешняя граница которого подлежит определению на основании рекомендации Комиссии по границам континентального шельфа.

¹³ Delimitation of the Maritime Boundary in the Gulf of Maine Area. Judgment. – *I.C.J. Reports*. 1984. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/67/067-19841012-JUD-01-00-EN.pdf> (accessed date: 05.06.2025).

¹⁴ Agreement between the Government of the Kingdom of Denmark together with the Government of Greenland on the one hand and the Government of Canada on the other hand on the maritime and land boundaries in the area between Greenland and Canada. 14 June 2022. URL: https://www.folketingstidende.dk/samling/20231/beslutningsforslag/B14/20231_B14_som_fremsat.pdf (accessed date: 06.06.2025).

Во-вторых, имеет значение, насколько рекомендации Комиссии будут иметь правовое значение для разрешения морского спора с государством, которое не признавало в качестве международного обычая ст. 76(8) Конвенции 1982 г., согласно которой, «границы шельфа, установленные прибрежным государством на основе указанных рекомендаций, являются окончательными и для всех обязательны». Иначе говоря, является ли отсутствие рекомендации Комиссии по границам континентального шельфа по представлению Канады от 12 мая 2019 г. (с дополнениями от 19 декабря 2022 г.)¹⁵ препятствием для переговоров об окончательной делимитации континентального шельфа за пределами 200 морских миль¹⁶.

С одной стороны, США не участвуют в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., поэтому не обязаны строго следовать конвенционным процедурам при определении внешних границ своего континентального шельфа. Соответственно, строго формально одностороннее определение данным государством «расширенного» континентального шельфа не является нарушением конвенционного международного права, действующего в его отношении, и никак не препятствует договорной делимитации с Канадой указанной области на основании международного договора.

С другой стороны, следует учитывать позицию Государственного департамента США о том, что п. 1–7 ст. 76 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., на основании которых должно производиться отграничение континентального шельфа от Района, являются нормами международного обычного права¹⁷. Несмотря на отсутствие в международной судебной практике прямых доказательств того, что п. 2–7 ст. 76 действительно являются международным обычаем¹⁸, в силу ст. 18 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., обязывающей государство после подписания международного договора не совершать действий, лишающих его объекта и цели, а также международно-правового принципа эстоппель¹⁹ представляется, что при одностороннем определении в 2023 г. внешней границы своего континентального шельфа США могли быть обязаны следовать правилам, которые предписываются Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. и которые предполагают необходимость опоры на соответствующие научные исследования. Поскольку США, в отличие от России и других арктических государств, не представляли в Комиссию по границам континентального шельфа никаких научных данных, которыми они руководствовались при установлении внешней границы своего континентального шельфа, нельзя однозначно говорить

¹⁵ Commission on the Limits of the Continental Shelf (CLCS). Outer limits of the continental shelf beyond 200 nautical miles from the baselines: Submissions to the Commission: Partial Submission by Canada. URL: https://www.un.org/depts/los/clcs_new/submissions_files/submission_can1_84_2019.html#:~:text=On%2023%20May%202019%2C%20Canada,sea%20is%20measured%20in%20the (accessed date: 07.06.2025).

¹⁶ Edvardsen A. Canada and the US Move Forward With Negotiations on the Beaufort Sea Boundary. – *High North News*. 02.10.2024. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/canada-and-us-move-forward-negotiations-beaufort-sea-boundary> (accessed date: 07.06.2025).

¹⁷ US Department of State Official Website – FAQs (U.S. Extended Continental Shelf Project). URL: <https://www.state.gov/faq-us-ecs-project/> (accessed date: 05.06.2025). На вопрос: «Являются ли положения о разграничении расширенного континентального шельфа в статье 76 Конвенции частью обычного международного права?» дается следующий ответ: «Да. Долгосрочная позиция Соединенных Штатов заключается в том, что пункты 1–7 статьи 76 являются частью обычного международного права... Как и другие страны, Соединенные Штаты использовали пункты 1–7 статьи 76 для определения границ своего континентального шельфа и считают, что эти положения отражают обычное международное право. Соответственно, Соединенные Штаты уважают границы континентального шельфа других стран, установленные в соответствии со статьей 76».

См. также U.S. DEP'T OF STATE, Office Of The Legal Adviser, Cumulative Digest of U.S. Practice in International Law 1981–1988, at 1878–79 (1993) (citing State Department memorandum dated Nov. 17, 1987): «...Положения о делимитации статьи 76... отражают обычное международное право, и что Соединенные Штаты будут использовать эти правила при делимитации своего континентального шельфа и при оценке претензий на континентальный шельф других стран» и по-разному ссылаясь на пункты 1–7 статьи 76».

¹⁸ Вопрос о том, являются ли п. 2–6 ст. 76 Конвенции 1982 г. международным обычаем, поднимался в Решении МС ООН по делу Question of the Delimitation of the Continental Shelf between Nicaragua and Colombia beyond 200 Nautical Miles from the Nicaraguan Coast (Nicaragua v. Colombia). Judgment. – *I.C.J. Reports*. 2023. P. 413, но не рассматривался судом по существу (п. 82) URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/154/154-20230713-jud-01-00-en.pdf> (accessed date: 05.06.2025).

¹⁹ Cottier T., Müller J. P. 2021. Estoppel. – *Max Planck Encyclopedias of International Law*. URL: <https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1401> (accessed date: 05.06.2025).

о строгом соблюдении данным государством соответствующих договорных ограничений. В связи с этим некоторыми учеными высказываются опасения, что подписание Канадой соглашения станет для США фактически возможностью определить внешнюю границу своего шельфа в обход процедур, предусмотренных Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г., предоставив дополнительную легитимацию своим односторонним действиям²⁰. При этом отсутствие значимых протестов со стороны других арктических государств относительно заявленных данным государством притязаний (за исключением России) может привести к тому, что указанные границы будут в конце концов рассматриваться в качестве общепризнанных²¹. Можно предположить, что это может стать стимулом для России занять активную позицию в отношении как самих переговоров, так и их возможных результатов, касающихся использования континентального шельфа за пределами 200 морских миль от исходных линий в развитие направленного Россией демарша о несоответствии действий США по установлению «расширенного континентального шельфа» международному праву²².

Что касается возможности разграничения континентального шельфа до того, как на основании рекомендаций Комиссии по границам континентального шельфа будет определена его внешняя граница для Канады, то международная практика уже знает подобные случаи. Так, Норвегия, Исландия и Дания (Фарерские острова) в 2006 г. подписали протокол переговоров о делимитации («Согласованный протокол о делимитации континентального шельфа

за пределами 200 морских миль между Фарерскими островами, Исландией и Норвегией в южной части [акватории] Банана-Хоул в северо-восточной части Атлантического океана»)²³, в котором определили порядок разграничения континентального шельфа после получения сторонами протокола рекомендаций Комиссии. После получения Норвегией рекомендации Комиссии в 2009 г., а Исландией и Данией – в 2014 и 2016 г. соответственно, государства провели переговоры по соглашениям, подлежащим заключению в соответствии с вышеупомянутым протоколом, и подписали их в 2019 г.²⁴

В результате автор приходит к выводу, что правовой режим, применимый к арктическому шельфу, не исключает заключения соглашения о его разграничении. Но дальнейшая конфигурация границы будет зависеть от результатов рассмотрения представления Канады в Комиссии по границам континентального шельфа.

6. Выводы

Сложившаяся в мире обстановка предоставила благоприятную почву для начала переговоров между США и Канадой по поводу делимитации в море Бофорта, которые, как представляется, в ближайшие годы будут являться объектом пристального интереса научного сообщества.

Автором настоящей статьи продемонстрировано, что правовые позиции обеих сторон спора имеют достаточно прочное международно-правовое обоснование, в связи с чем в текущих переговорах как США, так и Канада занимают сильное стартовое положение. При этом переговоры о разграничении континентального

²⁰ Edvardsen A. Canada and the US Move Forward With Negotiations on the Beaufort Sea Boundary. – *High North News*. 02.10.2024. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/canada-and-us-move-forward-negotiations-beaufort-sea-boundary> (accessed date: 07.06.2025).

²¹ Вылегжанин А., Вяхирева Н. Пределы континентального шельфа США. Интервью. 2 февраля 2024. – *Российский совет по международным делам*. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/predely-kontinentalnogo-shelfa-ssha/?sphrase_id=170212679 (дата обращения: 07.06.2025).

²² Сообщение для СМИ МИД России «О непризнании Российской Федерацией внешних границ континентального шельфа США, установленных в одностороннем порядке» от 25.03.2024. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1940717/?TSPD_101_R0=08765fb817ab2000ffe12fac54499c71a99e7ae89a86e7301e978bdafb405b9709dd2ac647b3263908cd62808b143000ca7aa36808413bb43d4ddb0d0fb354cf3d00fc9084b0417e067b29a2a02413d0a37ac6542ec8be5d9843f776d28bfed7 (дата обращения: 06.06.2025).

²³ Agreed Minutes on the Delimitation of the Continental Shelf beyond 200 Nautical Miles between the Faroe Islands, Iceland and Norway in the Southern Part of the Banana Hole of the Northeast Atlantic. 21.09.2006. URL: <https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/Agreed-Minutes/id446839/> (accessed date: 07.06.2025).

²⁴ McBride O. New maritime delimitation agreements for Smutt Sea comes into force. – *The Fishing Daily*. 28.12.2022. URL: <https://thefishingdaily.com/norwegian-fishing-industry-blog/new-maritime-delimitation-agreements-for-smutt-sea-comes-into-force/> (accessed date: 07.06.2025).

шельфа за пределами 200 морских миль открывают для сторон путь творческих компромиссов, поскольку линии разграничения, предлагаемые каждой из них, являются более выгодными другой стороне в этой части.

Несмотря на то что формально-юридически позиции обеих сторон не претерпевали глобальных изменений, в настоящей статье приведено сравнение международных политических условий, существовавших на момент начала первых переговоров о разногласиях в море Бофорта, и текущих реалий. Автором сделаны выводы о том, что многие из существовавших в середине 1970-х гг. факторов, препятствовавших мирному урегулированию спора, в настоящий момент устранены. Так, в основном разрешены споры в заливе Мэн и проливе Хуан-де-Фука, являвшиеся основным камнем преткновения для «пакетной сделки». Кроме того, вследствие освобождения значительных морских пространств ото льда существенно увеличилась экономическая активность в регионе, что требует государственного контроля за соответствующей деятельностью, а также разграничения зон соответствующих юрисдикций для обеспечения его эффективности. Изменения климата и развитие технологий сделали возможным освоение дна моря Бофорта и разведку потенциальных запасов углеводородов, которая сейчас приостановлена. Наконец, в условиях всеобщей геополитической нестабильности, для создания видимости «сплоченности» некоторые исследователи подчеркивают необходимость достижения скорейшего окончательного урегулирования в море Бофорта (не принимая во внимание предварительную многолетнюю переговорную работу по спорам, на которые они ссылаются в качестве примеров окончательного урегулирования территориальных споров на фоне военных действий в других частях света).

Одновременно автор отмечает, что одним из важнейших вызовов, стоящих перед целевой группой, станет разграничение континентального шельфа между сторонами за пределами 200 морских миль. Это обусловлено, во-первых, различными правовыми основаниями определения внешней границы континентального шельфа США и Канадой. Если для США таким формально-правовым основанием является Женевской конвенции о континентальном шельфе 1958 г. в свете существующих международно-правовых обычаев, применимых к Арктическому региону (среди которых сами США называют п. 1-7 ст. 76 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.), то для Канады – это положения п. 8 ст. 76 названной Конвенции, что предполагает получение рекомендации Комиссии по границам континентального шельфа относительно достаточности научных данных, подтверждающих позицию этого государства в соответствующем представлении. Во-вторых, сложность разграничения континентального шельфа будет состоять для сторон в отсутствии для Канады возможности в ближайшее время получить рекомендацию Комиссии по ее представлению, что может либо отсрочить результат переговоров, либо вынудить стороны искать временные решения по делимитации, которые могут быть пересмотрены после получения соответствующего решения Комиссии по границам континентального шельфа.

Таким образом, несмотря на то что объявление в сентябре 2024 г. переговоров между США и Канадой по вопросу делимитации в море Бофорта пришлось на благоприятные для этого условия, говорить о быстром их результате следует с осторожностью, принимая во внимание как длительное существование спора, так и существенные правовые дилеммы, которые сторонам предстоит разрешить с соблюдением собственных национальных интересов.

Список литературы

1. Буник И.В. 2018. Спор между США и Канадой о разграничении в море Бофорта (международно-правовой анализ). – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 126-137. DOI: 10.24833/0869-0049-2018-2-126-137.
2. Вылегжанин А.Н. 1984. Международно-правовые принципы разграничения 200-мильных экономических зон и континентальных шельфов. – *Советское государство и право*. № 3. С. 125-129.
3. Вылегжанин А.Н. 2010. 20 лет «временного применения» Соглашения между СССР и США о линии разграничения морских пространств. – *Вестник МГИМО-Университета*. № 1 (10). С. 104-113. DOI: 10.24833/2071-8160-2010-1-10-104-113.
4. Вылегжанин А.Н. 2013. Правовое положение Арктического региона в документах. – *Арктический регион: Проблемы международного сотрудничества: Хрестоматия в 3 томах*. Рос. совет по межд. делам [под общ. ред. И.С. Иванова]. Москва: Аспект Пресс. Т. 3: Применимые правовые источники. С. 11-45.

5. Вылегжанин А.Н., Бабина А.В. 2014. Преференциальные права местных жителей Арктики: международно-правовые основания и законодательный опыт иностранных арктических государств. – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 62-81.
6. Вылегжанин А.Н., Буник И.В. 2024. Статус острова Ганса. – *Арктическая правовая энциклопедия*. Под общ. ред. А.В. Торкунова, А.Н. Вылегжанина. Москва: Изд-во «Аспект Пресс». С. 287-288.
7. Вылегжанин А.Н., Гаврилов В.В. 2024. Правовой режим открытого моря в центральной части Северного Ледовитого океана. – *Арктическая правовая энциклопедия*. Под общ. ред. А.В. Торкунова, А.Н. Вылегжанина. Москва: Изд-во «Аспект Пресс». С. 203-204.
8. Молодцов С.В. 1986. Конвенция ООН по морскому праву и правовой статус исключительной экономической зоны. – *Советское государство и право*. С. 85-92.
9. Царев В.Ф. 1974. Вопрос о разграничении континентального шельфа между государствами с противоположными и смежными берегами. – *Современное международное право. Режим вод и дна Мирового океана*. Отв. М.И. Лазарев. Москва: Наука. С. 248-255.
10. Baker B. 2009. Filling an Arctic Gap: Legal and Regulatory Possibilities for Canadian-U.S. Cooperation in the Beaufort Sea. – *Vermont Law Review*. Vol. 34. P. 57.
11. Baker J.S., Byers M. 2012. Crossed Lines: The Curious Case of the Beaufort Sea Maritime Boundary Dispute. – *Ocean Development & International Law*. Vol. 43. № 1. P. 70-95. DOI: 10.1080/00908320.2012.647509.
12. Bekker P., van de Poll R. 2020. Unlocking the Arctic's Resources Equitably. – *The International Journal of Marine and Coastal Law*. № 35. P. 163-200.
13. Byers M., Østhagen A. 2017. Why Does Canada Have So Many Unresolved Maritime Boundary Disputes? – *Canadian Yearbook of international Law/Annuaire canadien de droit international*. № 54. P. 1-62. DOI: 10.1017/cyl.2017.14.
14. Huebert R. 2018. Drawing Boundaries in the Beaufort Sea: Different Visions/Different Needs. – *Journal of Borderlands Studies*. Vol. 33. № 2. P. 203-223. DOI: 10.1080/08865655.2017.1348908.
15. Kirkey C. 1995. Delineating Maritime Boundaries: The 1977-78 Canada – U.S. Beaufort Sea Continental Shelf Delimitation Boundary Negotiations. – *Canadian Review of American Studies*. № 25 (2). P. 49-66.
16. Lackenbauer W.P. 2020. The Beaufort Boundary: An Historical Appraisal of a Maritime Boundary Dispute. – *Canada and the Maritime Arctic Boundaries, Shelves, and Waters*. P.W. Lackenbauer, S. Lalonde, E. Riddell-Dixon. NAADSN. P. 1-62.
17. Lalonde S., Lackenbauer P.W. 2024. Moving Beyond Benign Neglect: The Beaufort Sea Dispute and the Benefits of Compromise Solutions between Salt Water Neighbors, An Essay in Honor of Ted L. McDorman. – *Ocean Development & International Law*. Vol. 55. № 4. P. 422-433. DOI: 10.1080/00908320.2024.2419030.
18. Lando M. 2017. Judicial Uncertainties Concerning Territorial Sea Delimitation Under Article 15 of the United Nations Convention on the Law of The Sea. – *The International and Comparative Law Quarterly*. Vol. 66. № 3. P. 589-623.
19. Landriault M., Pic P., Lasserre F. 2023. Beyond Hans Island: The Canada-Denmark agreement's possible impact on mobility and continental shelves. – *International Journal*. Vol. 78. № 1-2. P. 243-253. DOI: 10.1177/00207020231175760.
20. Liao X. 2024. Delimitation methodology for the continental shelf beyond 200 nautical miles: Three-stage approach as a way forward? – *Leiden Journal of International Law*. Vol. 37. № 2. P. 379-399. DOI: 10.1017/S0922156523000596.
21. Magnússon B.M. 2017. Can the United States Establish the Outer Limits of Its Extended Continental Shelf Under International Law? – *Ocean Development & International Law*. Vol. 48. № 1. P. 1=16. DOI: 10.1080/00908320.2017.1265361.
22. McDorman. 2009. *Salt Water Neighbors: International Ocean Law Relations Between the United States and Canada*. New York: Oxford University Press. xxxi + 382 p.
23. Pharand D. 1988. *Canada's Arctic Waters in International Law*. Cambridge: Cambridge University Press. 288 p.
24. Refai N. 2022. The Beaufort Sea Boundary Dispute: A Consideration of Rights of Inuit in Canada and the United States. – *Alberta Law Review*. Vol. 60. № 1. P. 267-306.
25. Rothwell D.R. 1988. *Maritime Boundaries and Resource Development: Options for the Beaufort Sea*. Calgary: Canadian Institute of Resources Law. 61 p.
26. Shake K.L., Frey K.E., Martin D.G., Steinberg P.E. 2017. (Un)frozen Spaces: Exploring the Role of Sea Ice in the Marine Socio-legal Spaces of the Bering and Beaufort Seas. – *Journal of Borderlands Studies*. № 33 (2). P. 239-253. DOI: 10.1080/08865655.2017.1340847.

References

1. Baker B. Filling an Arctic Gap: Legal and Regulatory Possibilities for Canadian – U.S. Cooperation in the Beaufort Sea. – *Vermont Law Review*. 2009. Vol. 34. P. 57.
2. Baker J.S., Byers M. Crossed Lines: The Curious Case of the Beaufort Sea Maritime Boundary Dispute. – *Ocean Development & International Law*. 2012. Vol. 43. № 1. P. 70-95. DOI: 10.1080/00908320.2012.647509.
3. Bekker P., van de Poll R. Unlocking the Arctic's Resources Equitably. – *The International Journal of Marine and Coastal Law*. 2020. № 35. P. 163-200.
4. Буник И.В. Спор между США и Канадой о разграничении в море Бофорта (международно-правовой анализ) [US – Canada Beaufort Sea Maritime Boundary Dispute in the Perspective of International Law]. – *Московский журнал международного права [Moscow Journal of International Law]*. 2018. № 2. P. 126-137. DOI: 10.24833/0869-0049-2018-2-126-137. (In Russ.)
5. Byers M., Østhagen A. Why Does Canada Have So Many Unresolved Maritime Boundary Disputes? – *Canadian Yearbook of international Law/Annuaire canadien de droit international*. 2017. № 54. P. 1-62. DOI: 10.1017/cyl.2017.14.
6. Huebert R. Drawing Boundaries in the Beaufort Sea: Different Visions/Different Needs. – *Journal of Borderlands Studies*. 2018. Vol. 33. № 2. P. 203-223. DOI: 10.1080/08865655.2017.1348908.
7. Kirkey C. Delineating Maritime Boundaries: The 1977-78 Canada – U.S. Beaufort Sea Continental Shelf Delimitation Boundary Negotiations. – *Canadian Review of American Studies*. 1995. № 25 (2). P. 49-66.

8. Lackenbauer W.P. The Beaufort Boundary: An Historical Appraisal of a Maritime Boundary Dispute. – *Canada and the Maritime Arctic Boundaries, Shelves, and Waters*. P.W. Lackenbauer, S. Lalonde, E. Riddell-Dixon. NAADSN. 2020. P. 1-62.
9. Lalonde S., Lackenbauer P.W. Moving Beyond Benign Neglect: The Beaufort Sea Dispute and the Benefits of Compromise Solutions between Salt Water Neighbors, An Essay in Honor of Ted L. McDorman. – *Ocean Development & International Law*. 2024. Vol. 55. № 4. P. 422-433. DOI: 10.1080/00908320.2024.2419030.
10. Lando M. Judicial Uncertainties Concerning Territorial Sea Delimitation Under Article 15 of the United Nations Convention on the Law of The Sea. – *The International and Comparative Law Quarterly*. 2017. Vol. 66. № 3. P. 589-623.
11. Landriault M., Pic P., Lasserre F. 2023. Beyond Hans Island: The Canada-Denmark agreement's possible impact on mobility and continental shelves. – *International Journal*. 2023. Vol. 78. № 1-2. P. 243-253. DOI: 10.1177/00207020231175760.
12. Liao X. Delimitation methodology for the continental shelf beyond 200 nautical miles: Three-stage approach as a way forward? – *Leiden Journal of International Law*. 2024. Vol. 37. № 2. P. 379-399. DOI: 10.1017/S0922156523000596.
13. Magnússon B.M. Can the United States Establish the Outer Limits of Its Extended Continental Shelf Under International Law? – *Ocean Development & International Law*. 2017. Vol. 48. № 1. P. 1-16. DOI: 10.1080/00908320.2017.1265361.
14. McDorman. *Salt Water Neighbors: International Ocean Law Relations Between the United States and Canada*. New York: Oxford University Press. 2009. xxi + 382 p.
15. Molodtsov S.V. Konventzia OON po morskomu pravu i pravovoi status iskluchitel'noi ekonomicheskoi zony [The United Nations Convention on the Law of the Sea and the Legal status of the Exclusive Economic zone]. – *The Soviet State and law [Sovietskoe gosudarstvo i pravo]*. 1986. C. 85-92. (In Russ.)
16. Pharand D. *Canada's Arctic Waters in International Law*. Cambridge: Cambridge University Press. 1988. 288 p.
17. Refai N. The Beaufort Sea Boundary Dispute: A Consideration of Rights of Inuit in Canada and the United States. – *Alberta Law Review*. 2022. Vol. 60. № 1. P. 267-306.
18. Rothwell D.R. *Maritime Boundaries and Resource Development: Options for the Beaufort Sea*. Calgary: Canadian Institute of Resources Law. 1988. 61 p.
19. Shake K.L., Frey K.E., Martin D.G., Steinberg P.E. (Un)frozen Spaces: Exploring the Role of Sea Ice in the Marine Socio-legal Spaces of the Bering and Beaufort Seas. – *Journal of Borderlands Studies*. 2017. № 33 (2). P. 239-253. DOI: 10.1080/08865655.2017.1340847.
20. Tsarev V.F. Vopros o razgranichenii kontinental'nogo shelfa mezhdunarodnymi gosudarstvami s protivopolozhnymi i smezhnymi beregami [The issue of the delimitation of the continental shelf between States with opposite and adjacent shores]. – *Modern international law. The regime of the waters and the bottom of the World Ocean [Sovremennoe mezhdunarodnoe morskoe pravo. Regim vod y dna Mirovogo okeana]*. Otv. red. M.I. Lazarev. Moscow: Nauka. 1974. C. 248-255. (In Russ.)
21. Vylegzhanin A.N. Mezhdunarodnye pravovye principy razgranichenia 200-mil'nyh ekonomicheskikh zon i kontinental'nyh shelfov [International legal principles for the delimitation of 200-mile economic zones and continental shelves]. – *Sovietskoe gosudarstvo i pravo [The Soviet State and law]*. 1984. No. 3. S. 125-129. (In Russ.)
22. Vylegzhanin A.N. Pravovoe polozhenie Arkticheskogo regiona v dokumentah [Legal status of the Arctic region in documents]. – *Arkticheskij region: Problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva: Hrestomatiya v 3 tomah [Arctic Region: Problems of International Cooperation: Reader in 3 Volumes]*. Russian Council for International Affairs [ed. I.S. Ivanov]. Moscow: Aspect Press. 2013. Vol. 3: Primenimye pravovye istochniki [Applicable legal sources]. P. 11-45. (In Russ.)
23. Vylegzhanin A.N. 20 let «vremennogo primeneniya» Soglasheniya mezhdunarodnykh gosudarstv o linii razgranicheniya morskikh prostranstv [20 years of provisional application of the Agreement between the USA and the USSR on the Maritime Boundary]. – *Bulletin of MGIMO University [MGIMO Review of International Relations]*. 2010. № 1 (10). P. 104-113. DOI: 10.24833/2071-8160-2010-1-10-104-113. (In Russ.)
24. Vylegzhanin A.N., Babina A.V. Preferencial'nye prava mestnykh zhitelej Arktiki: mezhdunarodno-pravovye osnovaniya i zakonodatel'nyj opyt inostrannykh arkticheskikh gosudarstv. [Preferential Rights of Local Inhabitants of the North: International Legal Grounds and legislative Experience of Arctic States]. – *Moscow Journal of International Law [Moscow Journal of International Law]*. 2014. № 1. P. 62-81. DOI: 10.24833/0869-0049-2014-1-62-81 (In Russ.)
25. Vylegzhanin A.N., Bunik I.V. Status ostrova Gansa [Status of Hans Island]. – *Arkticheskaya pravovaya enciklopediya [Arctic Law Encyclopedia]*. Eds. A.V. Torkunov, A.N. Vylegzhanin. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press». 2024. P. 287-288. (In Russ.)
26. Vylegzhanin A.N., Gavrilov V.V. Pravovoj rezhim otkrytogo morya v central'noj chasti Severnogo Ledovitogo okeana [Legal regime of the high seas in the central part of the Arctic Ocean]. – *Arkticheskaya pravovaya enciklopediya [Arctic Law Encyclopedia]*. Eds. A.V. Torkunov, A.N. Vylegzhanin. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press». 2024. P. 203-204. (In Russ.)

Информация об авторе**Иван Владимирович БУНИК**

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

i.bunik@tbplaw.com
ORCID: 0000-0002-3416-0884

About the Author**Ivan V. BUNIK**

Candidate of Legal Sciences, Senior Research Associate, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

i.bunik@tbplaw.com
ORCID: 0000-0002-3416-0884

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-75-91>

Исследовательская статья
УДК: 341
Поступила в редакцию: 18.07.2025
Принята к публикации: 16.09.2025

Екатерина Вячеславовна КИСЕЛЕВА

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Миклухо-Маклая ул., 6, Москва, 117198, Российская Федерация
kiseleva-ev@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-4092-1608

Антон Владимирович ШПАКОВСКИЙ

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Миклухо-Маклая ул., 6, Москва, 117198, Российская Федерация
work_s@list.ru
ORCID: 0009-0000-5119-2696

УЖЕСТОЧЕНИЕ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ В СВЕТЕ ЕЕ ГЕНЕЗИСА И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

ВВЕДЕНИЕ. В условиях неуклонного роста числа мигрантов и вынужденно перемещенных лиц миграция имеет потенциал как для содействия развитию государств, так и для создания проблем для всех задействованных сторон. Соединенные Штаты Америки (далее – США) – государство, созданное мигрантами и длительное время занимающее первую строчку в списке стран мира по числу находящихся на их территории лиц, не обладающих гражданством государства пребывания. Отмеченное определяет особый интерес к опыту миграционной политики и законодательного регулирования миграции в США. В статье представлен анализ развития миграционной политики и миграционного законодательства США в XVII–XXI вв., особое внимание уделено использованию таких мер ограничения и контроля миграции, как задержание мигрантов и беженцев, а действующие нормы сопоставлены с международно-правовыми обязательствами государства.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Работа базируется на исследовании законодательства США

в сфере миграции и вынужденного перемещения, анализе международно-правовых актов касательно миграции, вынужденного перемещения и защиты прав человека, использовании научной литературы на русском и английском языках, а также статистических и иных источников по теме исследования. Применены общенаучные и частнонаучные методы познания: системный подход, анализ, синтез, формально-юридический, историко-правовой, а также сравнительно-правовой методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. По итогам проведенного исследования сделан вывод, что миграционная политика и законодательство США прошли в своем развитии ряд этапов, в ходе которых отношение к иммигрантам изменялось в диапазоне от поощрения миграции до введения жестких ограничений. Сформированные на сегодняшний день международно-правовые основы в сфере миграции и вынужденного перемещения не в полной мере связывают США по причине участия государства в малом числе применимых международных договоров, а дей-

ствующие для США обязательства не в полной мере выполняются.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Инструментарий реализации миграционной политики США характеризовался значительным разнообразием и включал в себя как допустимые с точки зрения современного международного права методы, так и не вполне ему корреспондирующие, включая задержание и последующую депортацию мигрантов, беженцев и лиц, ищущих убежище, о чем свидетельствует мониторинг уставными (через процедуру Универсального периодического обзора) и договорными (прежде всего, через рассмотрение периодических докладов) органами реализации международно-правовых обязательств США. При этом крайне жесткие меры, анонсированные и уже предпринятые Д. Трампом в 2025 г., не являются радикально меняющими вектор развития миграционной политики, права и практики США, давно ото-

шедших от либеральности и мягкости в установлении условий въезда на свою территорию и пребывания на ней мигрантов и беженцев.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: миграция, вынужденное перемещение, миграционная политика США, международное право, права человека, право беженцев, задержание мигрантов и беженцев, договорные органы ООН

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Киселева Е.В., Шпаковский А.В. 2025. Ужесточение миграционной политики США в свете ее генезиса и международного права. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 75–91. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-75-91>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

HUMAN RIGHTS

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-75-91>

Ekaterina V. KISELEVA

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
Miklukho-Maklaya Str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198
kiseleva-ev@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-4092-1608

Anton V. SHPAKOVSKI

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
Miklukho-Maklaya Str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198
work_s@list.ru
ORCID: 0009-0000-5119-2696

Research article
UDC: 341
Received 18 July 2025
Approved 15 September 2025

TIGHTENING OF THE UNITED STATES OF AMERICA MIGRATION POLICY IN THE LIGHT OF ITS GENESIS AND INTERNATIONAL LAW

INTRODUCTION. *With the steady increase in the number of migrants and forcibly displaced persons, migration has the potential to both contribute to the development of States and create problems for all parties involved. The United States of America is a country created by migrants. For a long time, it occupies the first place in the list of countries in the world in terms of the number of people on its territory who do not have citizenship of the host State. This indicates a special interest in the experience of migration policy and legislative regulation of migration in the United States. The article presents an analysis of the development of migration policy and migration legislation in the United States in the 17-21st centuries. Special attention is paid to the use of such measures of restriction and control of migration, as the detention of migrants and refugees. The norms in force are correlated with obligations of the USA under international law.*

MATERIALS AND METHODS. *The work is based on the study of the US legislation in the field of migration and forced displacement, on analysis of international legal acts concerning migration, forced displacement and human rights protection, on the use of scientific literature in Russian and English, as well as statistical and other sources on the topic of the study. General scientific and specific scientific methods of cognition are applied: system approach, analysis, synthesis, formal-legal, historical-legal, and comparative-legal methods.*

RESEARCH RESULTS. *The study reveals that the migration policy and legislation of the United States of America have gone through several stages in their development, during which the attitude towards immigrants changed from encouraging immigration to introducing severe restrictions. The international legal framework concerning migration and forced displacement that has been formed to date does not fully bind the United States due to the state's participation in a*

small number of applicable international treaties, and the obligations that apply to the United States are not fully implemented.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The tools for implementing the US migration policy were characterized by significant diversity and included both methods acceptable from the point of view of contemporary international law and those that did not fully correspond to it, including detention and subsequent deportation of migrants, refugees and asylum seekers, as evidenced by monitoring the United States' implementation of their international legal obligations by the Charter-based (through the Universal Periodic Review) and treaty-based (primarily through the consideration of periodic reports) human rights protection bodies. At the same time, the extremely tough measures announced and already taken by D. Trump in 2025 do not radically change the vector of development of the migration policy, law and practice of the United States, as the USA have long since moved away from liberality and softness in establishing the conditions for entry into its territory and stay on it of migrants and refugees.*

KEYWORDS: *migration, forced displacement, US migration policy, international law, human rights, refugee law, detention of migrants and refugees, UN treaty bodies*

FOR CITATION: Kiseleva E.V., Shpakovskii A.V. Tightening of the United States of America Migration Policy in the Light of Its Genesis and International Law. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 3. P. 75–91. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-75-91>

The authors declare the absence of conflict of interest.

1. Введение

Соединенные Штаты Америки многие годы лидируют в списке государств мира по числу находящихся на их территории лиц,

не обладающих гражданством государства пребывания. На начало 2025 г. речь идет о 52,4 млн человек (для сравнения: РФ находится на десятом месте с 7,6 млн человек)¹. При этом США, исторически являющиеся страной мигрантов, представляют собою далеко не самое лояльное

¹ International Migrant Stock 2024. Key facts and figures. Advance unedited version. Док. ООН UN DESA/POP/2024/DC/NO. 13 January, 2025. – UN DESA. Population Division. United Nations New York. 2025. Para. 5 (p. 4). URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesa_pd_2025_intlmigstock_2024_key_facts_and_figures_advance-unedited.pdf (accessed date: 10.07.2025).

в миграционном отношении государство, что отражается, в частности, в текущих проявлениях его миграционной политики.

Только за первую неделю официального нахождения в должности Президента США Дональд Трамп, как и в свою первую каденцию [Бубнова 2019:64], принял более двух десятков актов, прямо связанных с регулированием миграции, а также ряд косвенно затрагивающих перемещение населения документов, причем, как отмечается, «эти шаги подчеркнули фокус администрации на арестах, задержании и депортации такого числа незаконных иммигрантов, какое только возможно» [Chishti, Bush-Joseph 2025b]. В частности, были значительно расширены полномочия государственных органов и служб, осуществляющих контроль за соблюдением иммиграционного законодательства (Immigration and Customs Enforcement (ICE), U.S. Customs and Border Protection (CBP) и Department of Homeland Security (DHS)), что привело к массовым задержаниям и депортациям нелегальных мигрантов [Chishti, Putzel-Kavanaugh 2025b], введена ускоренная, исключая этап судебного слушания, депортация лиц, находящихся в США менее двух лет, прекращены или в значительной мере ограничены программы условно-досрочного освобождения (специфичного разрешения в миграционной сфере, отличного от условно-досрочного освобождения в уголовно-правовой области²) и т.д.³ [Nagel 2025]. Показательно также, что первым законодательным актом второго президентства Д. Трампа стал Закон Лейкен Райли, требующий обязательного задержания и депортации мигрантов, совершивших определенные преступления (в том числе кражи, нападения на сотрудников полиции и проч.)⁴.

К сравнительно мягким мерам новой миграционной политики можно отнести введение программы «самодепортации» (self-deport), согласно которой за добровольный выезд с территории США мигрантам предлагается денежное

вознаграждение, что, по заверениям президентской администрации, позволяет снизить затраты на депортацию на 70 % [Iber, Jadwat, Lind 2025:19]. Однако, по мнению правозащитников, и эту меру следует расценивать, как сомнительную, поскольку она лишает мигрантов возможности отстаивать свои права в суде [Iber, Jadwat, Lind 2025:19].

Экспертами отмечается, что новый курс миграционной политики США противоречит долгосрочным задачам управления миграцией в регионе, хотя предпринятые меры и могут иметь кратковременный эффект [Ruiz Soto, Meissner, Selee 2025]. Последнее утверждение, впрочем, также можно подвергнуть сомнению, поскольку за первые полгода второго президентского срока Д. Трампа целевые показатели массовой депортации достигнуты не были [Chishti, Bush-Joseph 2025a], программа «самодепортации» себя не оправдала [Chishti, Putzel-Kavanaugh 2025a], зато по США прокатилась волна массовых протестов против новой миграционной политики, причем местами к подавлению беспорядков пришлось привлечь Национальную гвардию.

Не прогнозируя дальнейшие перспективы реализации жесткой и ограничительной политики, хотелось бы обратить внимание на ретроспективно-правовой аспект регулирования миграции и вынужденного перемещения в США и сделать акцент на соотношении действующей нормативно-правовой основы регулирования миграции и вынужденного перемещения с международно-правовыми обязательствами США в сфере защиты прав человека и права беженцев. Особого акцентирования, как представляется, заслуживают вопросы, связанные с задержанием мигрантов и беженцев как являющиеся чувствительным аспектом на грани между интересами безопасности принимающего государства и правозащитными обязательствами последнего и своего рода индикатором текущей направленности миграционной политики. Актуальность предпринятому исследованию придает и выход

² USCIS Stops Accepting Form I-134A. What Is Humanitarian Parole and What It Means for Applicants. – *360 Immigration Law Group*. February 7, 2025. URL: <https://360immigrationlaw.com/uscis-stops-accepting-form-i-134a-what-is-humanitarian-parole-and-what-it-means-for-applicants/> (accessed date: 20.05.2025).

³ Executive Order of the President of the USA 14165 of January 20, 2025: Securing Our Borders. – *The White House*. January 20, 2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/securing-our-borders/> (accessed date: 10.02.2025).

⁴ Laken Riley Act of 2025. Pub. L. 119-1. – *U.S. Congress*. January, 2025. URL: <https://www.congress.gov/bill/119thcongress/senate-bill/5/all-info> (accessed date: 10.06.2025).

США из Совета Организации Объединенных Наций (далее – ООН) по правам человека с прекращением соответствующего финансирования, объявленный 3 февраля 2025 г.⁵

Переходя к основной части статьи, необходимо сделать терминологическое пояснение. Поскольку общее понятие «международной миграции» или «мигранта» государствами до настоящего момента не согласовано (различные государства и различные структуры системы ООН по-разному подходят к определению этих понятий⁶), авторы придерживаются позиции Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев в том, чтобы «называть людей, которые перемещаются смешанными группами, „беженцами и мигрантами“», соглашаясь с тем, что это «самый лучший способ признать, что все перемещающиеся лица имеют гарантированные права человека, которые должны соблюдаться, защищаться и реализовываться; а также что беженцы и лица, ищущие убежища, имеют особые потребности и права, защищенные отдельной нормативно-правовой базой»⁷. Соответственно, и слово «миграция» дополняется словосочетанием «вынужденное перемещение» для акцентирования различных обстоятельств выезда людей с обычного места жительства, порождающих различия в статусе этих лиц. Термин «иммигранты» используется при описании внутригосударственных положений США.

2. Развитие миграционной политики США до 1990 г.

Относительно масштабов всемирной истории США можно назвать сравнительно молодым государством, накопившим, однако, значительный опыт регламентации процессов миграции и вынужденного перемещения лиц и использования различных подходов к этим процессам: от полного отсутствия какого-либо вмешательства

государства до жесткого контроля въезда и передвижения иностранцев, а также применения различных средств реализации государственной миграционной политики, в том числе связанных с задержанием мигрантов.

В зависимости от ключевой установки миграционной политики США исследователями выделяется несколько периодов ее развития: колониальный, период «открытых дверей», период регулирования, период жестких ограничений, новое открытие миграционной системы, современный [Wright 2008:21; Baxter, Nowrasteh 2022].

Колониальный период определяется во временных границах 1609–1755 гг. и характеризуется политикой максимального поощрения иммиграции при практически полном отсутствии каких-либо ограничений [Baxter, Nowrasteh 2022]. Формально регулирование миграции осуществлялось британским монархом и парламентом Великобритании, а также назначаемыми ими местными органами власти. Нормативную основу составляли, соответственно, законы Великобритании, дополненные, с учетом локальной специфики, постановлениями местных властей, однако все они так или иначе были направлены только на привлечение переселенцев с использованием различных методов поощрения миграции: от обычной агитации до различных форм материального стимулирования.

Следующий этап развития миграционной политики США начался сразу после окончания Войны за независимость и получил среди исследователей название «**периода открытых дверей**» (1755–1860 гг.), поскольку в основе регулирования процесса миграции по-прежнему лежала стратегия активного привлечения и натурализации мигрантов, что, в свою очередь, определялось нехваткой рабочей силы, особенно обострившейся в ходе войны [Baxter, Nowrasteh 2022]. В то же время в этот период появляются и некоторые ограничения, вводящие иммиграцию в определенные рамки.

⁵ Executive Order of the President of the USA 14199 of February 4, 2025: Withdrawing the United States from and ending funding to certain United Nations organizations and reviewing United States support to all international organizations. – *The White House*. February 4, 2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/02/withdrawing-the-united-states-from-and-ending-funding-to-certain-united-nations-organizations-and-reviewing-united-states-support-to-all-international-organizations/> (accessed date: 10.02.2025).

⁶ См.: Glossary on migration. – *International Organization for Migration*. 2019. P. 132-133. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/iml_34_glossary.pdf (accessed date: 10.02.2025).

⁷ Часто задаваемые вопросы на тему беженцев и мигрантов. – *УВКБ ООН*. 15 марта 2016 г. URL: <https://www.refworld.org/reference/tools/unhcr/2018/en/109484> (дата обращения: 10.02.2025).

В 1790 г. Конгресс США принял первый Закон о натурализации⁸, установивший единообразные правила предоставления гражданства Соединенных Штатов. Этот акт принято рассматривать как довольно лояльный по отношению к переселенцам, поскольку он предоставлял право получения гражданства США по истечении всего двух лет проживания на территории государства (впоследствии срок неоднократно пересматривался). В то же время под действие закона попадали только «свободные белые лица с хорошим характером», при этом «белизна» определялась не только цветом кожи, но и христианским вероисповеданием [Chin, Finkelman 2023:1047]. Уже в 1798 г. был принят новый Закон о натурализации⁹, в котором необходимый для приобретения гражданства срок проживания был увеличен до 14 лет, а также Закон о враждебных иностранцах¹⁰, предоставляющий право властям США задерживать и депортировать из страны мигрантов, представляющих «опасность для нации» [Donato, Amuedo-Dorantes 2020:1], независимо от причин, побудивших их к иммиграции. Таким образом, этот закон является первым в США и одним из первых в мире, законодательно регламентирующих задержание мигрантов, а также и беженцев.

Отмечается, что принятие этих законов было обусловлено обострением отношений с рядом европейских стран на фоне нарастания в последних революционных настроений, однако оно же считается «крупнейшей политической ошибкой президента Джона Адамса» [Halperin 2016:33]. В короткий срок после прихода к власти президента Т. Джефферсона Закон о натурализации 1798 г. был отменен, а действие Закона о враждебных иностранцах ограничено рамками военного времени (в этом качестве он сохраняет действие по настоящее время, а наиболее масштабное его применение имело место в 1942–1945 гг. при интернировании проживающих на территории США японцев. Президент Д. Трамп прибег к Закону о враждебных иностранцах

в день своего вступления в должность, 20 января 2025 г., применительно к ситуации на американо-мексиканской границе, активировав Закон впервые с окончания Второй мировой войны [Chishti, Bush-Joseph 2025b]).

В целом же, во второй половине XVIII – первой половине XIX в. миграционная политика США на продолжительное время вернулась в прежние либеральные рамки, когда внимание властей к въезжающим иностранцам было незначительным и носило преимущественно характер благоприятствования. Даже систематическая регистрация прибывающих в страну мигрантов началась только в 1820 г., зато был принят ряд законов о требованиях к судам, перевозящим мигрантов через Атлантику, в том числе к условиям размещения пассажиров и ответственности перевозчика за их жизнь и здоровье [Calavita 2020:88]. Однако прибытие все большего числа мигрантов все-таки вынудило власти США прибегнуть к более активному вмешательству в миграционные процессы, что ознаменовало начало очередного периода развития миграционной политики, получившего у исследователей наименование «*период регулирования*» (1861–1917 гг.) [Baxter, Nowrasteh 2022].

В этот период принимается, в частности, такой важный акт миграционного законодательства США, как Закон о поощрении миграции 1864 г.¹¹, который, несмотря на свое название, вводил меры не столько поощрения, сколько упорядочивания переселения в США [Calavita 2020:91]. Этим законом была установлена должность Уполномоченного по миграции при Государственном департаменте США, учреждено центральное Бюро иммиграции в г. Нью-Йорке и иммиграционные департаменты в штатах, имеющих порты, через которые прибывали переселенцы. В задачи Уполномоченного и должностных лиц указанных органов входило и обеспечение некоторых прав мигрантов, в том числе их «защита от обмана и мошенничества»

⁸ Naturalization Act of 1790. Pub. L. No. 1-3. 1 Stat. 103. – *U.S. Statutes at Large*. Vol. 1. Library of Congress. URL: https://www.loc.gov/resource/llsalvol.llsal_001/?st=gallery (accessed date: 10.07.2025).

⁹ Naturalization Act of 1798. Pub. L. 5–54. 1 Stat. 566, chap. 54. – *U.S. Statutes at Large*. Vol. 1. Library of Congress. URL: https://www.loc.gov/resource/llsalvol.llsal_001/?st=gallery (accessed date: 10.07.2025).

¹⁰ Alien Enemies Act of 1798. Pub. L. 5–65. 1 Stat. 577. – *U.S. Statutes at Large*. Vol. 1. Library of Congress. URL: https://www.loc.gov/resource/llsalvol.llsal_001/?st=gallery (accessed date: 10.07.2025).

¹¹ An Act to Encourage Immigration of 1864. Pub. L. 38–246. 13 Stat. 385. – *The New York Times*. August 3, 1864. URL: <https://www.nytimes.com/1864/08/03/archives/an-act-to-encourage-immigration.html> (accessed date: 12.08.2025).

и помощь с тем, чтобы «наиболее дешевым и быстрым способом» достигнуть конечного пункта назначения [Calavita 2020:92].

В то же время в указанный период появляется ряд законов как федеральных, так и уровня штатов, которые можно расценивать если не как антимиграционные, то как в значительной мере ограничивающие миграцию. Так, многими штатами в начале 60-х гг. XIX в. были приняты законы, обязывающие капитанов судов в пути следования составлять списки пассажиров-мигрантов, с указанием в том числе их места рождения, рода занятий, состояния здоровья, на основании чего выявлялись «нежелательные» мигранты, которые по прибытии в порт задерживались и, в дальнейшем, депортировались [Livi-Bacci 2018:90].

Впоследствии такие законы штатов были отменены как не соответствующие Конституции США, но наряду с этим на федеральном уровне в 1875 г. был принят Закон Пейджа¹², запретивший въезд в страну «китайцев» (фактически любых женщин из Восточной Азии), а в 1882 г. – Закон об исключении китайцев¹³, распространивший этот запрет и на мужчин [Johnson 2022:1455]. Эти законы стали первыми в истории американского законодательства актами об иммиграции, исключавшими определенные этнические группы, а также отчасти распространявшими свое действие и на их представителей, въехавших в страну ранее. Как вновь въезжающие в страну, так и проживающие в ней китайцы, подвергались риску быть задержанными, допрошенными, подвергнутыми насилию и депортации [Johnson 2022:1455].

В том же 1882 г. был принят Закон об иммиграции¹⁴, которым был введен налог для прибывающих в страну мигрантов, независимо от причин, побудивших их к переезду в США, а также установлены ограничения на въезд для

некоторых категорий людей, включая проституток, осужденных преступников, душевнобольных и других тяжело болеющих лиц, а также «неспособных позаботиться о себе» [Baynton 2017:85]. В 1885 г. появился также Закон Форана (Закон о трудовом договоре с иностранцами)¹⁵, запрещающий въезд в США низкоквалифицированных рабочих с предварительным заключением с ними контракта и оплатой проезда. С другой стороны, указанными законами был значительно упрощен въезд для высококвалифицированных рабочих, ученых, врачей, учителей и т.п. [Baynton 2017:85]

Ключевым для этого периода стал Закон об иммиграции 1891 г.¹⁶, которым вся ответственность за формирование и реализацию миграционной политики была передана на федеральный уровень, учреждена должность суперинтенданта по вопросам миграции при министерстве финансов США, введены новые категории лиц, которым был запрещен въезд в страну (включая многоженцев и лиц, которым другие мигранты помогали с оплатой проезда), а также установлен перечень требований к здоровью иммигрантов и процедуре их медицинского осмотра [Jacobson, Tichenor 2023:1]. Последним было положено начало практики «медицинской изоляции» мигрантов – их задержания с целью проведения медицинского обследования, при этом задержанные таким образом лица все еще не считались въехавшими в страну и могли быть депортированы. Элементы этой практики сохраняются в миграционной политике США и на сегодняшний день.

В 1917 г. был принят очередной Закон об иммиграции¹⁷, что ознаменовало начало нового периода эволюции миграционной политики США – **«периода жестких ограничений»** (1917–1952 гг.). Указанный закон установил требования к грамотности прибывающих в страну

¹² Page Act of 1875. Pub. L. 43–141. 18 Stat. 477. Chap. 141. – *U.S. Statutes at Large*. Vol. 18. Library of Congress. URL: <https://www.loc.gov/item/llsl-v18/> (accessed date: 12.08.2025).

¹³ Chinese Exclusion Act of 1882. Pub. L. 47–126. 22 Stat. 58. Chap. 126. – *U.S. Statutes at Large*. Vol. 22. Library of Congress. URL: <https://www.loc.gov/item/llsl-v22/> (accessed date: 12.08.2025).

¹⁴ Immigration Act of 1882. Pub. L. 47–376. 22 Stat. 214. – *U.S. Statutes at Large*. Vol. 22. Library of Congress. URL: <https://www.loc.gov/item/llsl-v22/> (accessed date: 12.08.2025).

¹⁵ Alien Contract Labor Law of 1885. 23 Stat. 332. – *U.S. Statutes at Large*. Vol. 23. Library of Congress. URL: <https://www.loc.gov/item/llsl-v23/> (accessed date: 12.08.2025).

¹⁶ Immigration Act of 1891. Pub. L. 51–551. 26 Stat. 1084a. – *U.S. Statutes at Large*. Vol. 26. Library of Congress. URL: <https://www.loc.gov/item/llsl-v26/> (accessed date: 12.08.2025).

¹⁷ Immigration Act of 1917. Pub. L. 64–301. 39 Stat. 874. – *U.S. Statutes at Large*. Vol. 39. Library of Congress. URL: <https://www.loc.gov/item/llsl-v39/> (accessed date: 12.08.2025).

мигрантов, консолидировал установленный предыдущими миграционными законами список категорий нежелательных лиц, которым был запрещен въезд в страну, а также расширил его, добавив политических радикалов, лиц, страдающих алкоголизмом и эпилепсией, «нищих», «лиц с психическими или физическими недостатками» и ряд других категорий [Calavita 2020:121]. Законом также впервые был установлен целый географический регион, мигранты из которого признавались нежелательными и подлежали задержанию и депортации, включавший большую часть Азии и островов Тихого океана (за исключением Японии и Филиппин) [Keely 1993:60].

Нельзя не отметить, что ужесточение миграционной политики США совпало по времени с чередой глобальных потрясений, включая Первую мировую войну, революцию в России, Синьхайскую революцию в Китае, подъем национально-освободительного движения в Индии и прочее, которые породили невиданные доселе миграционные потоки, имевшие также и иной качественный состав. Значительную часть лиц, пытавшихся въехать на территорию США в этот период, стали составлять не трудовые мигранты, а беженцы (хотя такого понятия в международном праве, законодательстве США, да и в правовых актах в целом на момент событий практически не сложилось).

Попытки остановить или умерить этот поток не увенчались значительным успехом – число мигрантов в США продолжало расти [Martin, Midgley 1999:1], в связи с чем Конгрессом США был принят очередной Закон об иммиграции 1921 г., известный также как Закон об ограничении иммиграции или Закон Джонсона¹⁸. Им впервые были введены квоты приема мигрантов – не более 3 % от числа уроженцев страны происхождения, проживающих в США на 1910 г. (исключение составляли мигранты из Азии, на которых по-прежнему распространялось действие Закона 1917 г., запрещавшего им въезд в страну). Этот закон также ввел принцип особых предпочтений, сохраняющийся в миграционном законодательстве США и по настоящее

время, которым предусматривается приоритет (в пределах отпущенных квот) на получение иммиграционного статуса и американского гражданства определенным категориям лиц – на момент принятия рассматриваемого закона таким правом пользовались ветераны Первой мировой войны, дети до 18 лет, родители, супруги и братья и сестры граждан США.

Последующим Законом об иммиграции 1924 г. (Закон Джонсона-Рида)¹⁹ годовая квота выходцев из отдельных стран была сокращена до 2 %, а общая квота установлена на уровне 165 тыс. человек в год [Marinari 2022:271].

Закон Джонсона-Рида действовал вплоть до 1952 г., хотя на миграционную политику США заметное влияние оказала Вторая мировая война и порожденные ей новые потоки беженцев и лиц, ищущих убежище. К этому моменту благодаря деятельности Лиги Наций начали складываться основы международного права беженцев и формироваться основы их международно-правового статуса и защиты их прав, что не могло не повлиять и на политику США в отношении этой категории въезжающих иностранцев. Однако на уровне законодательного регулирования это влияние отразилось лишь в раннее послевоенное время, на протяжении же предвоенного и военного периодов США, опираясь на вышеупомянутые законы, отказывались принимать беженцев сверх установленных квот и без учета требований, применяя к ним все установленные законодательно меры, включая задержание и депортацию. Это касалось и еврейских беженцев, которым в странах происхождения грозило прямое физическое уничтожение [Buggle, Mayer, Sakalli, Thoenig 2023:1273]. Только в 1945–1948 гг. был принят ряд поправок к Закону Джонсона-Рида, установивших для беженцев дополнительные иммиграционные квоты [Donato, Amuedo-Dorantes 2020].

Следует заметить, что в указанный период появились первые современные международные договоры о понятии и статусе беженцев, такие как Конвенция о международном статусе беженцев 1933 г.²⁰, Конвенция о статусе беженцев, при-

¹⁸ Emergency Immigration Act of 1921. Pub. L. 67–5. 42 Stat. 5. – *U.S. Statutes at Large*. Vol. 42. Library of Congress. URL: <https://www.loc.gov/item/lsl-v42/> (accessed date: 12.08.2025).

¹⁹ Immigration Act of 1924. Pub. L. 68–139. 43 Stat. 153. – *U.S. Statutes at Large*. Vol. 43. Library of Congress. URL: <https://www.loc.gov/item/lsl-v43/> (accessed date: 12.08.2025).

²⁰ Convention relating to the International Status of Refugees. October 28, 1933. – *League of Nations. Treaty Series*. Vol. 159. No. 3663. P. 199. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/LON/Volume%20159/v159.pdf> (accessed date: 11.01.2025).

бывающих из Германии 1938 г.²¹, хотя они и имели ограниченное значение [Smieszek 2021:95; Иванов 1998:142-143]. Вместе с тем при некоторой консервативности внутренней миграционной политики, деятельность США на международной арене оказала влияние на становление международного права беженцев. Так, предвоенная Эвианская конференция, посвященная проблеме беженцев из Германии, итогом которой стало принятие упомянутой Конвенции 1938 г., была созвана по инициативе президента США Ф.Д. Рузвельта, а в 1943 г. по инициативе США и Великобритании была организована Бермудская конференция, заложившая основы последующего развития международного права в сфере вынужденного перемещения [Musch, Heyen 2023:1].

Новое открытие миграционной системы (1952–1990 гг.). В послевоенное время международным сообществом был выработан ряд ключевых международно-правовых документов в сфере защиты прав человека и права беженцев. Это, прежде всего, Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Конвенция о статусе беженцев 1951 г., Протокол, касающийся статуса беженцев 1967 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. и др.

Происходящие изменения в международных отношениях имели определенное влияние на миграционную политику США, и в послевоенный период на их фоне система квот, основанных на национальном признаке, выглядела устаревшей, что подтолкнуло власти США к модернизации и очередной либерализации миграционной политики. Соответственно, Законами об иммиграции и гражданстве 1952 г.²² и 1965 г.²³ были введены преференции в отношении допуска иммигрантов в США, а также обеспечен «въезд

в страну тысяч беженцев, в основном из стран Восточной Европы» [Денисенко, Хараева, Чудиновских 2003:221].

Закон об иммиграции и гражданстве 1965 г. (Закон Харта-Селлера) также упразднил систему национальных квот, сохранив лишь общую годовую квоту приема мигрантов (до 1976 г. существовало также разделение по квотам мигрантов из Западного и Восточного полушарий без указания стран и регионов), значительно смягчил требования к мигрантам, сохранив имеющиеся преференции и внеквотные категории, снял запрет на въезд мигрантов из азиатско-тихоокеанского региона. В отношении беженцев закон Харта-Селлера полностью снял ограничения на въезд вне зависимости от страны происхождения и национальности, однако ввел дополнительные процедуры присвоения статуса беженца, в том числе связанные с ограничением свободы таких лиц [Milkman 2021:141]. Впрочем, впоследствии квоты на прием беженцев вновь были введены и окончательно закреплены в Законе США о беженцах 1980 г.²⁴ на уровне 50 тыс. человек в год, при этом президенту США предоставлено право изменять эту квоту в чрезвычайных обстоятельствах. Этот закон также ввел в законодательство США понятие «беженец», корреспондирующее таковому, принятому в Конвенции 1951 г., что было сделано для обеспечения соответствия американских законов международному праву [Wasem 2020:246].

3. Развитие миграционной политики США после 1990 г. (современный период)

Современное регулирование вопросов миграции и вынужденного перемещения в США связано с последним документом в ряду фиксирующих принципиальные изменения миграционной политики США. Таковым является Закон

²¹ Convention concerning the Status of Refugees coming from Germany, with Annex. February 10, 1938. – *League of Nations. Treaty Series*. Vol 192. № 4461. P. 59. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/LON/Volume%20192/v192.pdf> (accessed date: 11.01.2025).

²² Immigration and Nationality Act of 1952. Pub. L. 82-414. 66 Stat. 163. – *U.S. Statutes at Large*. Vol. 66. U.S. Government Publishing Office. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-66/pdf/STATUTE-66-Pg163.pdf> (accessed date: 12.08.2025).

²³ Immigration and Nationality Act of 1965. Pub. L. 89-236. 79 Stat. 911. – *U.S. Statutes at Large*. Vol. 79. U.S. Government Publishing Office. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-79/pdf/STATUTE-79.pdf> (accessed date: 12.08.2025).

²⁴ Refugee Act of 1980. Pub. L. 96-212. 94 Stat. 102. – *U.S. Statutes at Large*. Vol. 94. U.S. Government Publishing Office. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-94/pdf/STATUTE-94.pdf> (accessed date: 12.08.2025).

об иммиграции 1990 г.²⁵, который отчасти предвосхитил череду миграционных кризисов, которыми ознаменовалась текущая первая четверть XXI в., зафиксировав общую квоту для выходцев из других стран и вернув в некотором роде национально-территориальную квоту, привязав ее уже не к текущему числу проживающих на территории США выходцев из страны, а к общему количеству прибывших (число мигрантов из любой страны не может превышать 7 % от их общего числа), а также унифицировав преференциальную систему предоставления статуса иммигранта [Baxter, Nowrasteh 2022].

В эту систему преференций включены также беженцы и лица, ищущие убежище, в том числе для отдельных их категорий предусмотрены исключения из системы квот, установленных Законом о беженцах 1980 г. Так, система квот не распространяется на лиц, ищущих убежище по причине преследований по политическим или национальным мотивам в своей стране, а ряд категорий беженцев может получить, в случае исчерпания квот на текущий год, условное разрешение на въезд с возможностью получения искомого статуса беженца в будущем. Введена также категория лиц, которым может быть предоставлено временное убежище на срок от 6 до 18 месяцев. К ней относятся жители стран, в которых по причине вооруженных конфликтов, стихийных бедствий или иных обстоятельств наблюдается нестабильность, обуславливающая временное существенное ухудшение условий существования или угрозу жизни. Такие лица не могут быть депортированы, но не могут и претендовать на статус постоянного жителя или гражданство США [Diamon 1991:857].

С момента принятия Закона об иммиграции 1990 г. прошло уже более 30 лет, однако именно им определяются концептуальные основы миграционной политики США и на сегодняшний день. Конкретные формы и инструменты ее реализации определены рядом законодательных и подзаконных актов, принятых с 1990 г. по настоящее время. Среди них следует отметить Закон о нелегальной иммиграции и ответственности иммигрантов 1996 г.²⁶, ужесточивший ответственность за нелегальную миграцию; Закон о конкурентоспособности Америки в XXI в. 2000 г.²⁷, установивший новые категории лиц, имеющих преференции при получении рабочих виз, иммиграционного статуса и гражданства; Закон о реальном удостоверении личности 2005 г.²⁸, предъявляющий требования к документам мигрантов и беженцев, пересекающих границу США; Административный указ Президента США № 13769 о защите нации от въезда иностранных террористов в Соединенные Штаты 2017 г.²⁹, фактически запретивший въезд мигрантов и беженцев из мусульманских стран и легализовавший практику их задержания на границе с последующей депортацией; Административный указ Президента США № 14010 о прекращении дискриминационных запретов на въезд в Соединенные Штаты 2021 г.³⁰, формально отменивший предыдущий упомянутый административный указ, однако не до конца способствовавший устранению его последствий в виде длительных задержек в воссоединении семей, процедурных препятствий и значительного отставания в рассмотрении заявлений на получение виз, особенно затрагивающих тех, чьи заявления были отклонены во время действия

²⁵ Immigration Act of 1990. Pub. L. 101–649. 104 Stat. 4978. – *U.S. Statutes at Large*. Vol. 104. U.S. Government Publishing Office. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-104/pdf/STATUTE-104.pdf> (accessed date: 12.08.2025).

²⁶ Illegal Immigration Reform and Immigrant Responsibility Act of 1996. Pub. L. 104–208. 110 Stat. 3009–546. – *U.S. Statutes at Large*. Vol. 110. U.S. Government Publishing Office. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-110/pdf/STATUTE-110.pdf> (accessed date: 12.08.2025).

²⁷ American Competitiveness in the 21st Century Act of 2000. Pub. L. 106–313 (S. 2045). 114 Stat. 1251. – *U.S. Statutes at Large*. Vol. 114. U.S. Government Publishing Office. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-114/pdf/STATUTE-114-Pg1251.pdf> (accessed date: 12.08.2025).

²⁸ Real ID Act of 2005. Pub. L. 109–13. 119 Stat. 302. – *U.S. Statutes at Large*. Vol. 119. U.S. Government Publishing Office. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-119/pdf/STATUTE-119.pdf> (accessed date: 12.08.2025).

²⁹ Executive Order 13769 of January 27, 2017: Protecting the Nation From Foreign Terrorist Entry Into the United States. – *U.S. Federal Register*. February 01, 2017. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2017/02/01/2017-02281/protecting-the-nation-from-foreign-terrorist-entry-into-the-united-states> (accessed date: 21.01.2025).

³⁰ Executive Order 14010 of February 02, 2021: Creating a Comprehensive Regional Framework To Address the Causes of Migration, To Manage Migration Throughout North and Central America, and To Provide Safe and Orderly Processing of Asylum Seekers at the United States Border. – *U. S. Federal Register*. February 02, 2021. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2021/02/05/2021-02561/creating-a-comprehensive-regional-framework-to-address-the-causes-of-migration-to-manage-migration> (access date: 12.09.2025).

запрета, а также отсутствием эффективных мер по предотвращению дискриминационных запретов в будущем и некоторые другие акты.

Как пишет И.А. Ефремов, обобщая изыскания американских авторов Д. Мейсснер, Д.М. Кервина, М. Чишти, К. Бержерон, «[с]истема применения права в сфере миграции в США стала агрессивной как на границах, так и внутри страны, а составляющие ее государственные органы стали обладать небывало широкими полномочиями, что привело к смещению целей миграционной политики от обеспечения развития и благополучия страны к защите границ от потенциальных террористов» [Ефремов 2015:128].

В связи с этим показательны промежуточные итоги участия США в международных договорах по правам человека как вскрывающие конкретные проблемы в сфере правового регулирования миграции и вынужденного перемещения на национальном уровне в свете международных правовых обязательств, прямо и добровольно принятых на себя США.

4. Миграционная политика США в свете международного права

Регулирование вопросов въезда и пребывания иностранцев на территории государств традиционно относится к области суверенных прерогатив государства, что подчеркивается и самими государствами³¹. При этом со стороны различных тематических областей международного сотрудничества все больше и больше международных правовых обязательств, принятых по иным вопросам, распространяются на деятельность государств в сфере миграции и вынужденного перемещения. Наибольший эффект в этом контексте имеют обязательства по защите прав человека, развивающиеся как на универсальном, так и на региональном уровнях.

Одним из столпов правозащитной системы ООН являются десять договорных органов,

осуществляющих комплекс мер по наблюдению за реализацией государствами международных правовых обязательств в сфере защиты прав человека на основании соответствующих международных договоров³². Договоры, по которым работают эти органы, принято обозначать как основные [Абашидзе, Конева 2015:224].

Соединенные Штаты, поддержав Всеобщую декларацию прав человека 1948 г., не присоединились к Конвенции о статусе беженцев 1951 г., а в число участников Протокола к ней 1967 г. вошли в 1968 г. Международные пакты о правах человека подписаны США в 1977 г., при этом Международный пакт о гражданских и политических правах был ратифицирован Конгрессом только в 1992 г., а Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах остался нератифицированным и на 17 июля 2025 г.

К участию в иных международных договорах глобального уровня, имеющих важное значение в сфере прав человека и прав беженцев, США проявили столь же амбивалентное отношение. Так, Конвенция против пыток 1984 г. подписана США в 1988 г., ратифицирована в 1994 г., а в Факультативном протоколе 2002 г. к ней США не участвуют. Конвенцию о правах ребенка 1989 г. США подписали в 1995 г., но не ратифицировали ее на 17 июля 2025 г. К Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов 1990 г. США не присоединились несмотря на неоднократное обсуждение данного вопроса в Конгрессе и т.д.

Также двусмысленной является и позиция США в отношении международных соглашений регионального уровня, затрагивающих вопросы прав человека и прав беженцев. Так, США входят в Организацию американских государств (далее – ОАГ) и подписали Американскую конвенцию о правах человека 1969 г.³³, однако не ратифицировали ее³⁴, а Сан-Сальвадорский протокол к Американской конвенции о правах человека в области экономических, социальных

³¹ См., напр.: Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 19 декабря 2018 г. Док. ООН A/RES/73/195 от 11 января 2019 г. П. 15с.

³² Договорные органы. – Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. URL: <https://www.ohchr.org/ru/treaty-bodies> (дата обращения: 18.02.2025).

³³ American Convention on Human Rights “Pact of San Jose, Costa Rica” (B-32). Adopted at San Jose, Costa Rica. 22 November 1969. UN registration: 08/27/79 No. 17955. – OAS. *Treaty Series*. No. 36. URL: http://www.oas.org/dil/treaties_B-32_American_Convention_on_Human_Rights.pdf (access date: 12/08/2025).

³⁴ American Convention on Human Rights Signatories and Ratifications. – *Organization of American States*. URL: http://www.oas.org/dil/treaties_B-32_American_Convention_on_Human_Rights_sign.htm (accessed date: 12.08.2025).

и культурных прав 1988 г.³⁵ США не подписали. Как член ОАГ, США сотрудничают с Межамериканской комиссией по правам человека, но без обязательств по указанным договорам. Соединенные Штаты не являются участником и каких-либо иных международных договоров регионального уровня по правам человека и правам беженцев, поэтому изложение материала ниже ограничено лишь универсальным уровнем – уровнем ООН.

Другими словами, перечень международно-правовых обязательств в сфере соблюдения прав беженцев, взятых на себя США, значительно менее обширен, чем во многих других государствах, в особенности по сравнению со странами Европы, где в дополнение к международно-правовым обязательствам универсального уровня на региональном сформирована развитая международно-правовая база обеспечения прав человека и прав беженцев, детальнее и по более высокому стандарту регламентирующая вопросы этой сферы. Это обстоятельство позволяет США считать свои руки более развязанными в части миграционной политики.

Этому в значительной мере способствуют и особенности имплементации международных обязательств на уровень национального законодательства США. Согласно положениям Конституции США³⁶, ратифицированные Конгрессом международные договоры являются «верховным правом» страны (ст. VI), в иерархии правовых норм стоят на одном уровне с федеральными законами и могут служить нормами права для суда (ст. III). Однако в соответствии с прецедентным решением Верховного суда США по делу *Whitney v. Robertson*³⁷ при наличии противоречий между нормами федерального закона и международного договора преимущество имеет

более поздняя норма. Таким образом, несмотря на то что в соответствии с прецедентом *Marbury v. Madison*³⁸ судебная власть и, в частности, Верховный суд США, наделены компетенцией судебного надзора (judicial review) за решениями других ветвей власти и правом приостанавливать действие или отменять акты последних, они не могут аннулировать вновь принятый законодательный акт Конгресса на основании действующего международного договора. Помимо этого, согласно решению Верховного суда по делу *Foster & Elam v. Neilson*³⁹, указанные положения Конституции касаются только так называемых самоисполнимых договоров (self-executing treaties), т.е. имеющих непосредственное действие и не нуждающихся в имплементации их норм национальным законодательством посредством издания соответствующих законодательных актов. При этом вопрос о самоисполнимом или несамоисполнимом характере того или иного договора является в праве США дискуссионным, но в общем случае суды опираются на положения самого документа (наличие в нем явных указаний на самоисполнимость или необходимость принятия имплементационного законодательства) или на решение Президента, под руководством которого проходили переговоры и подписание договора, а также Сената, одобрявшего его ратификацию, придать такому соглашению внутригосударственное действие [Stewart, Fox, Roth, Dubinsky 2017:179].

Вместе с тем судебные инстанции США нередко апеллируют к международным правовым обязательствам государства при вынесении решений. Так, в деле *Nasrallah v. Barr*⁴⁰ Верховный суд отменил решение Апелляционного суда США по 11-му округу о задержании и последующем выдворении совершившего кражу на террито-

³⁵ Additional Protocol to the American Convention on Human Rights in the Area of Economic, Social and Cultural Rights "Protocol of San Salvador" (A-52). Adopted at: San Salvador, El Salvador, 17 November 1988. – OAS. *Treaty Series*. No. 69. URL: <http://www.oas.org/juridico/english/treaties/a-52.html> (accessed date: 12.08.2025).

³⁶ The Constitution of the United States of America as Amended, House Doc. 110–50. July 25, 2007. – Washington: U.S. Government Printing Office. 2007. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CDOC-110hdoc50/pdf/CDOC-110hdoc50.pdf> (accessed date: 12.08.2025).

³⁷ *Whitney v. Robertson*. 124 U.S. 190 (1888). – U.S. Supreme Court. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/124/190/> (accessed date: 12.08.2025).

³⁸ *Marbury v. Madison*, 5 U.S. 1 Cranch 137 (1803). – U.S. Supreme Court. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/5/137/> (accessed date: 12.08.2025).

³⁹ *Foster & Elam v. Neilson*, 27 U.S. 2 Pet. 253 (1829). – U.S. Supreme Court. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/27/253/> (accessed date: 12.08.2025).

⁴⁰ *Nasrallah v. Barr*. 590 U.S. (2020). Docket No. 18-1432. – U.S. Supreme Court. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/590/18-1432/> (accessed date: 12.08.2025).

рии США гражданина Ливана, ссылаясь на обязательство США по Конвенции против пыток 1984 г., а в деле *INS v. Cardoza-Fonseca*⁴¹ Верховный суд постановил, что «возможность преследования» достаточна для предоставления убежища в соответствии с Протоколом 1967 г., даже если его вероятность невелика. Более того, мотивируя свои решения, судебные инстанции США также могут ссылаться на положения международных договоров, участниками которых США не являются. Так, в случае *Matter of Fauziya Kasinga*⁴² гражданка Того ходатайствовала об убежище в США на основании того, что на родине ей угрожала калечащая операция на половых органах («женское обрезание»). Суд отклонил ее ходатайство и вынес решение о задержании, помещении под стражу и последующей депортации в связи с тем, что такого рода угроза не является «преследованием» по смыслу соответствующих международных договоров, ратифицированных США. Однако Апелляционный совет по иммиграционным делам (BIA) вынес решение о предоставлении ей убежища, признав «женское обрезание» формой преследования и ссылаясь при этом в том числе на положения Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., не подписанной и не ратифицированной США. Сходным образом в деле *Roper v. Simmons*⁴³ Верховный суд США сослался на положения Конвенции о правах ребенка 1989 г., участником которой США также не являются.

Таким образом, США являются участниками всего трех из девяти основных договоров по защите прав человека: Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. (в силе для США с 1994 г.), Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство

видов обращения и наказания 1984 г. (в силе для США с 1994 г.) и Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. (в силе для США с 1992 г.)⁴⁴. Все договорные обязательства приняты на современном этапе развития миграционной политики государства. Отчитываются США своевременно⁴⁵.

За последние десять лет были представлены к рассмотрению по одному периодическому докладу по каждому из трех названных международных договоров, в каждом из которых защите прав человека мигрантов и беженцев уделено значительное внимание, однако заключительные замечания были вынесены только Комитетом по правам человека и Комитетом по ликвидации расовой дискриминации. Обозначим круг проблем, которые были выявлены комитетами, поскольку они весьма показательны.

Комитет по правам человека в своих Заключительных замечаниях по пятому периодическому докладу США касательно выполнения обязательств, предусмотренных Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 г.⁴⁶, выделил следующие основные проблемы, вызывающие обеспокоенность: преступления на почве ненависти, включая массовые расстрелы и ненавистнические высказывания в отношении, среди прочего, мигрантов и лиц, ищущих убежище (п. 10); расовое профилирование (п. 12–13); дискриминация по признаку гражданства (п. 16–17); насилие в отношении женщин, включая женщин-иммигранток (п. 20); чрезмерное применение силы сотрудниками правоохранительных органов, в том числе по отношению к мигрантам и лицам, ищущим убежище (п. 36–37); рабство, торговля людьми и принудительный труд (п. 50–51); дети в условиях миграции (п. 52–53); обращение с иностранцами, включая беженцев (п. 54–55).

⁴¹ *INS v. Cardoza-Fonseca*. 480 U.S. 421 (1987). – *U.S. Supreme Court*. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/480/421/> (accessed date: 12.08.2025).

⁴² *Matter of Fauziya Kasinga*. A73 475-695 (1996). – *U.S. Department of Justice: Executive Office for Immigration Review*. URL: <https://www.justice.gov/eoir/foia-records-proceedings-matter-kasinga> (accessed date: 12.08.2025).

⁴³ *Roper v. Simmons*. 543 U.S. 551 (2005). – *U.S. Supreme Court*. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/543/551/> (accessed date: 12.08.2025).

⁴⁴ Status of Ratification. Interactive Dashboard. – *Office of the High Commissioner for Human Rights*. URL: <https://indicators.ohchr.org/> (accessed date: 18.02.2025).

⁴⁵ Список государств-участников, представивших все доклады своевременно. – *Управление Верховного комиссара ООН по правам человека*. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/TreatyBodyExternal/LateReporting.aspx?Lang=ru (дата обращения: 18.02.2025).

⁴⁶ Док. ООН CCPR/C/USA/CO/5 от 7 декабря 2023 г.

В общей сложности порядка четверти пунктов рассматриваемых заключительных замечаний комитета, если не целиком посвящены проблемам выполнения США своих правозащитных обязательств в отношении мигрантов и беженцев, то прямо упоминают об этих категориях лиц.

Комитет по ликвидации расовой дискриминации в Заключительных замечаниях по объединенным десятому-двенадцатому периодическим докладам США по Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г.⁴⁷ остановил свое внимание как на аналогичных отмеченным Комитетом по правам человека аспектах, так и на иных. Среди проблемных областей были выделены следующие: преступления на почве расовой ненависти и расистские ненавистнические высказывания (п. 14); расовое профилирование (п. 19–20); чрезмерное применение силы сотрудниками правоохранительных органов «в отношении представителей расовых и этнических меньшинств, в том числе безоружных людей, что в непропорциональной степени затрагивает... неимеющих документов мигрантов» (п. 20); воздействие пандемии COVID-19 (п. 29) (неграждане упомянуты среди особо пострадавших); право на здоровье (п. 33–34): обеспокоенность «исключением мигрантов, не имеющих документов, из сферы применения Закона о доступном медицинском обслуживании и ограниченном обслуживании в рамках программы „Медикэйд“ для мигрантов, проживающих в стране менее пяти лет»; дискриминация и сегрегация в жилищном секторе на основе, в том числе национального происхождения (п. 37); насилие в отношении женщин, включая мигранток (п. 47–48); целый раздел под заголовком «Мигранты, беженцы, лица в поисках убежища и лица без гражданства» (п. 51–52).

Бросается в глаза сходство тематических перечней замечаний двух комитетов, а также наличие как общего дискриминационного фона отмеченных проблем, так и квалификации договорными органами в качестве нарушающих правозащитные обязательства именно мер реализации миграционной политики США. При этом

созвучность замечаний позволяет обратить внимание и на развитие права и практики США по анализируемым аспектам. Так, касательно расового профилирования в 2022 г. прозвучали рекомендации «b) оперативно пересмотреть меры политики в том плане, в котором они допускают или делают возможным расовое профилирование, незаконную слежку, наблюдение и сбор разведывательной информации, в том числе пересмотреть инструкцию 2014 года об использовании федеральными правоохранительными органами данных о расовой и этнической принадлежности, о национальном происхождении, вероисповедании...; c) отменить программы и меры политики в отношении соблюдения иммиграционного законодательства, которые косвенно поощряют расовое профилирование, например программу, осуществляемую согласно разделу 287; g) Закона об иммиграции и гражданстве» (п. 20). Уже в следующем году Комитет по правам человека приветствовал «принятие в мае 2023 года Руководства для федеральных правоохранительных органов по использованию данных о расе, этнической принадлежности, поле, национальном происхождении, религии... Однако он по-прежнему обеспокоен сохранением практики расового профилирования» (п. 13).

Задержание мигрантов и лиц, ищущих убежище, прямо упоминается в разделах с подзаголовками о мигрантах и беженцах обоих анализируемых документов в качестве нарушающего международные правовые обязательства США как по факту неоправданного прибегания к этой мере, так и по условиям содержания и проч.

Обратим внимание еще лишь на то, что к пунктам рекомендаций, имеющим особое значение, Комитетом по ликвидации расовой дискриминации (п. 67) были отнесены три, один из которых прямо затрагивает мигрантов и беженцев. Это п. 52 (мигранты, беженцы, лица в поисках убежища и лица без гражданства).

При этом в рамках прохождения третьего цикла Универсального периодического обзора США поддержали все без исключения рекомендации (более десяти), прямо упоминающие задержание мигрантов и лиц, ищущих убежище⁴⁸.

⁴⁷ Док. ООН CERD/C/USA/CO/10-12 от 21 сентября 2022 г.

⁴⁸ См.: Док. ООН A/HRC/46/15 от 15 декабря 2020 г. П. 26.274, 26.333–26.335 и др. Ср.: в рамках второго и первого циклов УПО подобные замечания были приняты лишь в своем большинстве, но не полностью. См.: Док. ООН A/HRC/30/12 от 20 июля 2015 г., п. 176.338; док. ООН A/HRC/16/11 от 4 января 2011 г., п. 92.182.

В этом свете объявление Д. Трампом «вторжения» и чрезвычайного положения на американо-мексиканской границе, расширение полномочий государственных органов силового блока в части миграции, замораживание программ переселения беженцев и поиск путей прекращения предоставления гражданства США по рождению детям, рожденным в США от родителей, не являющихся ни гражданами США, ни законно проживающими в США лицами, хотя и является подтверждением курса на еще более селективную и жесткую миграционную политику, но всё же не столь радикально меняет положение дел и вектор развития, сложившиеся в последние десятилетия.

5. Заключение

Таким образом, миграционная политика США и выражающее ее законодательство прошли в своем развитии ряд периодов, в ходе которых отношение к иммигрантам изменялось в диапазоне от поощрения и стимулирования миграции до введения квот на въезд и жестких ограничений по признакам национальности, страны (или региона) происхождения, образования, здоровья, благонадежности, дееспособности и проч., включая признаки, не определяемые количественно и носящие субъективный характер. При этом инструментарий реализации

миграционной политики также характеризовался значительным разнообразием и включал в себя как допустимые с точки зрения современного международного права методы, такие как введение системы квот и преференций в отношении добровольно въезжающих иностранцев, так и противоправные, в том числе отказ от предоставления статуса иммигранта или беженца по некоторым из перечисленных выше признаков, а также задержание и последующую депортацию, в том числе беженцев и лиц, ищущих убежище. В связи с этим правозащитной системой ООН не раз указывалось на недостатки реализации международно-правовых обязательств в праве и практике США по вопросам миграции и вынужденного перемещения.

С приходом к власти в 2025 г. президента Д. Трампа положено начало очередному витку ограничений в миграционной политике США. Отдельные меры в этом направлении уже приняты, о планах на другие заявлено. В то же время с учетом генезиса политики США в сфере миграции, происходящее нельзя назвать сколько-нибудь радикально меняющим направление развития миграционной политики, права и практики США, все еще притягательных для беженцев и мигрантов со всего мира, но давно отошедших от подходов, поощряющих въезд на свою территорию и пребывание на ней мигрантов и беженцев.

Список литературы

1. Абашидзе А.Х., Конева А.Е. 2015. *Договорные органы по правам человека*. Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: РУДН. 437 с.
2. Бубнова Н.И. 2019. Стратегия США в зеркале иммиграционной политики Трампа. – *Россия и современный мир*. № 3 (104). С. 64-88.
3. Денисенко М.Б., Хараева О.А., Чудиновских О.С. 2003. *Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада*. Москва: Ин-т экономики переход. периода. 314 с.
4. Ефремов И.А. 2015. Иммиграционная политика в США. – *Демографическое обозрение*. Т. 2. № 2. С. 128.
5. Иванов Д.В. 1998. Международная система защиты беженцев. *Московский журнал международного права*. № 4. С. 141-159. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-1998-4-141-159>.
6. Baxter A.M., Nowrasteh A. 2022. *Brief History of US Immigration Policy from the Colonial Period to the Present Day*. Cato Institute. URL: <https://www.cato.org/policy-analysis/brief-history-us-immigration-policycolonial-period-present-day#> (accessed date: 01.05.2025).
7. Baynton D.C. 2017. Defectives in the land: Disability and American immigration policy, 1882–1924. – *Beginning with Disability*. Routledge. P. 85-98.
8. Buggle J., Mayer T., Sakalli S. O., Thoenig M. 2023. The refugee's dilemma: evidence from Jewish migration out of Nazi Germany. – *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 138. No. 2. P. 1273-1345.
9. Calavita K. 2020. *US immigration law and the control of labor: 1820–1924*. New Orleans, Louisiana: Quid Pro Books. Vol. 31. 248 p.
10. Chin G.J., Finkelman P. 2023. The “free white person” clause of the Naturalization Act of 1790 as super-statute. – *William & Mary Law Review*. Vol. 65. P. 1047-1115.
11. Chishti M., Bush-Joseph K. 2025a. In First 100 Days, Trump 2.0 Has Dramatically Reshaped the U.S. Immigration System, but Is Not Meeting Mass Deportation Aims. – *Migration Information Source*. Migration Policy Institute. April 24, 2025. URL: <https://www.migration-policy.org/article/trump-2-immigration-first-100-days> (accessed date: 10.06.2025).
12. Chishti M., Bush-Joseph K. 2025b. With “Shock and Awe”, the Second Trump Term Opens with a Bid to Strongly Reshape Immigration. – *Migration Information Source*. Migration Policy Institute. January 23, 2025. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/trumpsecond-term-begins-immigration> (accessed date: 24.01.2025).
13. Chishti M., Putzel-Kavanaugh K. 2025a. Can the Trump Administration’s “Self-Deportation” Campaign Succeed? – *Migration Information Source*. Migration Policy

- Institute. June 18, 2025. URL: <https://www.migration-policy.org/article/trump-self-deportation> (accessed date: 01.07.2025).
14. Chishti M., Putzel-Kavanaugh C. 2025b. Trump Administration Bends U.S. Government in Extraordinary Ways towards Aim of Mass Deportations. – *Migration Information Source*. Migration Policy Institute. February 27, 2025. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/trump-mass-deportation-priority> (accessed date: 10.05.2025).
 15. Diamon P.C. 1991. Temporary protected status under the Immigration Act of 1990. – *Willamette Law Review*. Vol. 28. P. 857-863.
 16. Donato K.M., Amuedo-Dorantes C. 2020. The legal landscape of US immigration: an introduction. – *RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences*. Vol. 6. № 3. P. 1-16.
 17. Halperin T.D. 2016. *The Alien and Sedition Acts of 1798: testing the Constitution*. JHU Press. 168 p.
 18. Iber P., Jadwat O., Lind D. 2025. Trump's Deportation Machine: An Interview With Omar Jadwat and Dara Lind. – *Dissent*. Vol. 72. No. 2. P. 19-28.
 19. Jacobson R.D., Tichenor D. 2023. States of immigration: making immigration policy from above and below, 1875–1924. – *Journal of policy history*. Vol. 35. No. 1. P. 1-32.
 20. Johnson K.R. 2022. Systemic racism in the US immigration laws. – *Indiana Law Journal*. Vol. 97. P. 1455-1478.
 21. Keely C.B. 1993. The United States of America: Retaining a Fair Immigration Policy. – *International Migration Review*. Vol. 27. No. 1 (suppl). P. 60-84.
 22. Livi-Bacci M. 2018. *A short history of migration*. – Cambridge: Polity Press, John Wiley & Sons. 160 p.
 23. Marinari M. 2022. The 1921 and 1924 immigration acts a century later: Roots and long shadows. – *Journal of American History*. Vol. 109. No. 2. P. 271-283.
 24. Martin Ph., Midgley E. 1999. Immigration to the United States. – *Population Bulletin*. Vol. 54. No. 2. P. 1-44.
 25. Milkman R. 2021. How the Hart-Celler Act Changed America. – *Dissent Magazine*. Fall 2021. URL: <https://www.dissentmagazine.org/article/how-the-hart-celler-act-changed-america/> (accessed date: 16.09.2025).
 26. Musch S., Heyen A. 2023. The Bermuda conference in April 1943: allied politics, Jewish organizations, and the emergence of the international migration regime. – *Holocaust Studies*. P. 1-18.
 27. Nagel C. 2025. Immigration policy in the second Trump administration: Restriction, removal, and the limits of MAGA nativism. – *The Geographical Journal*. 00. e70015. URL: <https://doi.org/10.1111/geoj.70015> (accessed date: 16.09.2025).
 28. Ruiz Soto A.G., Meissner D., Selee A. 2025. Facing New Migration Realities: U.S.-Mexico Relations and Shared Interests. – *Policy briefs*. Migration Policy Institute. May, 2025. URL: <https://www.migrationpolicy.org/research/us-mexico-relations-interests> (accessed date: 10.06.2025).
 29. Smieszek M. 2021. The Conflicted Making of International Refugee Law. – *The Evolving Psyche of Law in Europe: The Psychology of Human Rights and Asylum Frameworks*. Cham: Springer International Publishing. P. 95-123.
 30. Stewart D.P., Fox G., Roth B., Dubinsky P. 2017. Recent Trends in U.S. Treaty Implementation. – *Supreme Law of the Land? Debating the Contemporary Effects of Treaties within the United States Legal System*. Cambridge University Press. P. 179-227.
 31. Wasem R.E. 2020. More than a wall: The rise and fall of US asylum and refugee policy. – *Journal on Migration and Human Security*. Vol. 8. No. 3. P. 246-265.
 32. Wright R.O. 2008. *Chronology of immigration in the United States*. Jefferson: McFarland. 211 p.

References

1. Abashidze A.Kh., Koneva A.E. *Dogovornye organy po pravam cheloveka [Human rights treaty bodies]*. Manual. 2nd ed. Moscow: RUDN. 2015. 437 p. (In Russ.)
2. Baxter A.M., Nowrasteh A. *Brief History of US Immigration Policy from the Colonial Period to the Present Day*. Cato Institute. 2022. URL: <https://www.cato.org/policy-analysis/brief-history-us-immigration-policycolonial-period-present-day#> (accessed date: 01.05.2025).
3. Baynton D.C. Defectives in the land: Disability and American immigration policy, 1882–1924. – *Beginning with Disability*. Routledge. 2017. P. 85-98.
4. Bubnova N.I. Strategiya SShA v zerkale immigratsionnoy politiki Trampa [The US strategy in the mirror of Trump's immigration policy]. – *Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the modern world]*. 2019. No. 3 (104). P. 64-88. (In Russ.)
5. Buggle J., Mayer T., Sakalli S.O., Thoenig M. The refugee's dilemma: evidence from Jewish migration out of Nazi Germany. – *The Quarterly Journal of Economics*. 2023. Vol. 138. No. 2. P. 1273-1345.
6. Calavita K. *US immigration law and the control of labor: 1820–1924*. New Orleans, Louisiana: Quid Pro Books. 2020. Vol. 31. 248 p.
7. Chin G.J., Finkelman P. The “free white person” clause of the Naturalization Act of 1790 as super-statute. – *William & Mary Law Review*. 2023. Vol. 65. P. 1047-1115.
8. Chishti M., Bush-Joseph K. In First 100 Days, Trump 2.0 Has Dramatically Reshaped the U.S. Immigration System, but Is Not Meeting Mass Deportation Aims. – *Migration Information Source*. Migration Policy Institute. April 24, 2025a. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/trump-2-immigration-first-100-days> (accessed date: 10.06.2025).
9. Chishti M., Bush-Joseph K. With “Shock and Awe”, the Second Trump Term Opens with a Bid to Strongly Reshape Immigration. – *Migration Information Source*. Migration Policy Institute. January 23, 2025b. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/trumpsecond-term-begins-immigration> (accessed date: 24.01.2025).
10. Chishti M., Putzel-Kavanaugh K. Can the Trump Administration's “Self-Deportation” Campaign Succeed? – *Migration Information Source*. Migration Policy Institute. June 18, 2025a. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/trump-self-deportation> (accessed date: 01.07.2025).
11. Chishti M., Putzel-Kavanaugh C. Trump Administration Bends U.S. Government in Extraordinary Ways towards Aim of Mass Deportations. – *Migration Information Source*. Migration Policy Institute. February 27, 2025b. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/trump-mass-deportation-priority> (accessed date: 10.05.2025).
12. Denisenko M.B., Kharaeva O.A., Chudinovskikh O.S. *Immigratsionnaya politika v Rossiyskoy Federatsii i stranakh Zapada [Immigration policy in the Russian Federation and Western countries]*. Moscow. 2003. 314 p. (In Russ.)

13. Diamon P.C. Temporary protected status under the Immigration Act of 1990. – *Willamette Law Review*. 1991. Vol. 28. P. 857-863.
14. Donato K.M., Amuedo-Dorantes C. The legal landscape of US immigration: an introduction. – *RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences*. 2020. Vol. 6. No. 3. P. 1-16.
15. Efremov I.A. Immigratsionnaya politika v SShA [Immigration policy in the USA]. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic overview]*. 2015. Vol. 2. No. 2. P. 121-129. (In Russ.)
16. Halperin T.D. *The Alien and Sedition Acts of 1798: testing the Constitution*. JHU Press. 2016. 168 p.
17. Iber P., Jadwat O., Lind D. Trump's Deportation Machine: An Interview With Omar Jadwat and Dara Lind. – *Dissent*. 2025. Vol. 72. No. 2. P. 19-28.
18. Ivanov D.V. Mezhdunarodnaja sistema zashhity bezhencev [International system of refugee protection]. – *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow journal of international law]*. 1998. No. 4. P. 141-159. DOI: 10.24833/0869-0049-1998-4-141-159.
19. Jacobson R.D., Tichenor D. States of immigration: making immigration policy from above and below, 1875-1924. – *Journal of policy history*. 2023. Vol. 35. No. 1. P. 1-32.
20. Johnson K.R. Systemic racism in the US immigration laws. – *Indiana Law Journal*. 2022. Vol. 97. P. 1455-1478.
21. Keely C.B. The United States of America: Retaining a Fair Immigration Policy. – *International Migration Review*. 1993. Vol. 27. No. 1 (suppl). P. 60-84.
22. Livi-Bacci M. *A short history of migration*. Cambridge: Polity Press, John Wiley & Sons. 2018. 160 p.
23. Marinari M. The 1921 and 1924 immigration acts a century later: Roots and long shadows. – *Journal of American History*. 2022. Vol. 109. № 2. P. 271-283.
24. Martin Ph., Midgley E. Immigration to the United States. – *Population Bulletin*. 1999. Vol. 54. №. 2. P. 1-44.
25. Milkman R. How the Hart-Celler Act Changed America. – *Dissent Magazine*. Fall 2021. URL: <https://www.dissentmagazine.org/article/how-the-hart-celler-act-changed-america/> (accessed date: 16.09.2025).
26. Musch S., Heyen A. The Bermuda conference in April 1943: allied politics, Jewish organizations, and the emergence of the international migration regime. – *Holocaust Studies*. 2023. P. 1-18.
27. Nagel C. Immigration policy in the second Trump administration: Restriction, removal, and the limits of MAGA nativism. – *The Geographical Journal*. 2025. 00. e70015. URL: <https://doi.org/10.1111/geoj.70015> (accessed date: 16.09.2025).
28. Ruiz Soto A.G., Meissner D., Selee A. Facing New Migration Realities: U.S.-Mexico Relations and Shared Interests. – *Policy briefs*. Migration Policy Institute. May, 2025. URL: <https://www.migrationpolicy.org/research/us-mexico-relations-interests> (accessed date: 10.06.2025).
29. Smieszek M. The Conflicted Making of International Refugee Law. – *The Evolving Psyche of Law in Europe: The Psychology of Human Rights and Asylum Frameworks*. Cham: Springer International Publishing. 2021. P. 95-123.
30. Stewart D.P., Fox G., Roth B., Dubinsky P. Recent Trends in U.S. Treaty Implementation. – *Supreme Law of the Land? Debating the Contemporary Effects of Treaties within the United States Legal System*. Cambridge University Press. 2017. P. 179-227.
31. Wasem R.E. More than a wall: The rise and fall of US asylum and refugee policy. – *Journal on Migration and Human Security*. 2020. Vol. 8. No. 3. P. 246-265.
32. Wright R.O. *Chronology of immigration in the United States*. Jefferson: McFarland. 2008. 211 p.

Информация об авторах

Екатерина Вячеславовна КИСЕЛЕВА

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права юридического института, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Миклухо-Маклая ул., 6, Москва, 117198, Российская Федерация

kiseleva-ev@rudn.ru

ORCID: 0000-0003-4092-1608

Антон Владимирович ШПАКОВСКИЙ

аспирант кафедры международного права юридического института, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Миклухо-Маклая ул., 6, Москва, 117198, Российская Федерация

work_s@list.ru

ORCID: 0009-0000-5119-2696

About the Authors

Ekaterina V. KISELEVA

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Law, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Miklukho-Maklaya Str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198

kiseleva-ev@rudn.ru

ORCID: 0000-0003-4092-1608

Anton V. SHPAKOVSKII

Postgraduate Student, Department of International Law, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Miklukho-Maklaya Str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198

work_s@list.ru

ORCID: 0009-0000-5119-2696

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-92-101>

Исследовательская статья

УДК: 341

Поступила в редакцию: 15.04.2025

Принята к публикации: 28.08.2025

Джаваншир Мамед оглы АЛИЕВ

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел России

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

aliyevjavanshir@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7582-8318

КОНЦЕПЦИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ ЛИЧНОСТИ И НЕЙРОПРАВА: ОБЗОР ДИСКУССИОННЫХ ВОПРОСОВ¹

ВВЕДЕНИЕ. В статье рассматривается эволюция концепции целостности личности в международном праве. Анализ международно-правовых актов универсального и регионального характера, а также дел, рассмотренных в международных судебных и квазисудебных инстанциях, подтверждает двуединую природу этой концепции, которая состоит из права на физическую целостность и права на психическую целостность личности. Особое внимание в статье уделяется вызовам, создаваемым стремительным развитием нейротехнологий, которые требуют переосмысления содержания концепции целостности личности, в частности ее психической составляющей. В доктрине рассматриваются подходы, предлагающие либо сформировать новые, так называемые «нейроправа», либо включить их в уже существующее право на психическую целостность личности и защищать по аналогии с опытом защиты права на физическую целостность личности.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Исследование основано на комплексном анализе международно-правовых актов и прецедентной практики международных судебных органов. Методологическую основу составили общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный подход) и специальные юридические методы (формально-логический, структурно-

юридический, сравнительно-правовой). Акцент сделан на сочетании сравнительно-правового метода и системного подхода при изучении и проведении анализа особенностей закрепления права на целостность личности среди фундаментальных прав человека на международном универсальном и региональном уровнях. Также дополнительно автор использует метод «лестничного исследования» при рассмотрении практики международных судебных органов в исследуемой сфере.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Установлено, что концепция целостности личности, закрепленная в международном праве, носит двуединый характер, охватывая физическую и психическую целостность. Показано, что если физический аспект разработан достаточно детально, то психическая составляющая долгое время оставалась в тени и лишь недавно стала предметом активных дискуссий. Выявлено, что развитие нейротехнологий (нейростимуляция, нейрохакинг, манипуляции с памятью) создает угрозы психической автономии и когнитивной свободе человека, что актуализирует вопрос о необходимости новой системы гарантий.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В статье обсуждаются различные доктринальные подходы к защите психической целостности: от расширения толкования существующих прав (права

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00856, <https://rscf.ru/project/25-28-00856/>

на уважение частной жизни, достоинство человека, свободы мысли) до создания новых специальных прав (право на психическую неприкосновенность, право на когнитивную свободу, право на психическое самоопределение). Автор присоединяется к преобладающей точке зрения, согласно которой «нейроправа» целесообразно рассматривать не как абсолютно новые права, а как логическое развитие существующих прав, в частности права на психическую целостность личности. Делается вывод о необходимости нормативного закрепления и конкретизации содержания психической целостности по аналогии с физической, с учетом современных нейротехнологических рисков, для обеспечения эффективной защиты фундаментальных прав и достоинства человека.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: права человека, целостность личности, право на психическую целостность личности, нейроправа

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Алиев Д.М. 2025. Концепция целостности личности и нейроправа: обзор дискуссионных вопросов. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 92–101. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-92-101>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00856, <https://rscf.ru/project/25-28-00856/>

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-92-101>

Research article

UDC: 341

Received: 15 April 2025

Approved: 28 August 2025

Javanshir M. ALIYEV

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
aliyevjavanshir@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7582-8318

THE CONCEPT OF THE INTEGRITY OF THE PERSON AND NEURORIGHTS: A REVIEW OF CONTROVERSIAL ISSUES

INTRODUCTION. *The article examines the evolution of the concept of the integrity of the person in international law. An analysis of universal and regional international legal acts, as well as cases considered by international judicial and quasi-judicial bodies, confirms the dual nature of this concept, which consists of the right to physical integrity and the right to mental integrity of the person. The article pays particular attention to the challenges posed by the rapid development of neurotechnology, which require a rethinking of the concept of the integrity of the person, particularly its mental component. The doctrine considers approaches that propose either the creation of new, so-called neurorights, or their inclusion within the existing right to mental integ-*

ity of the person, protected by analogy with the experience of safeguarding the right to physical integrity.

MATERIALS AND METHODS. *The study is based on a comprehensive analysis of international legal acts and the case law of international judicial bodies. Its methodological basis comprises general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction, systematic approach) and specific legal methods (formal-logical, structural-legal, comparative-legal). Particular emphasis is placed on the combined use of the comparative-legal method and the systematic approach in analysing the protection of the right to the integrity of the person among fundamental human rights at the universal and regional international lev-*

els. In addition, the author applies the 'stairs study' method when examining the practice of international judicial bodies in this field.

THE RESEARCH RESULTS. It has been established that the concept of the integrity of the person enshrined in international law is dual in nature, covering physical and mental integrity. It is shown that while the physical aspect has been developed in sufficient detail, the mental component has long remained in the shadows and has only recently become the subject of active discussions. It has been revealed that the development of neurotechnologies (neurostimulation, neurohacking, memory manipulation) poses threats to mental autonomy and cognitive freedom of a person, which actualizes the issue of the need for a new system of guarantees.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. The article discusses various doctrinal approaches to protecting mental integrity: from broadening the interpretation of existing rights (the right to respect for private life, human dignity, freedom of thought) to creating new special rights (the right to mental privacy, the right to cognitive freedom, the right to mental self-determination). The author agrees with the prevailing view that

neurorights should be considered not as entirely new rights, but as a logical development of the right to mental integrity of the person. It is concluded that mental integrity should be legally defined and specified, by analogy with physical integrity, while considering modern neurotechnological risks, in order to ensure the effective protection of fundamental human rights and dignity.

KEYWORDS: human rights, integrity of the person, right to mental integrity of the person, neurorights

FOR CITATION: Aliyev J.M. The Concept of the Integrity of the Person and Neurorights: a Review of Controversial Issues. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 3. P. 92–101. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-92-101>

The author declares the absence of conflict of interest.

The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-28-00856, <https://rscf.ru/project/25-28-00856/>

1. Вступительные замечания

Концепция целостности личности нашла свое закрепление в ряде международно-правовых актов универсального и регионального характера, а ее содержание детализировалось и конкретизировалось в практике международных судебных и квазисудебных органов. В научной литературе эта концепция традиционно рассматривается в связи с такими категориями прав, как человеческое достоинство, право на уважение частной и семейной жизни, свобода мысли, запрет пыток и др.

Рассматриваемая концепция охватывает два взаимодополняющих аспекта: право на физическую и право на психическую целостность личности. Она возлагает на государства позитивное обязательство гарантировать эффективную защиту обеих составляющих целостности личности. Если физический аспект целостности личности уже получил достаточно полное

освещение в теории и практике, то психическая составляющая лишь недавно стала объектом оживленных научных дискуссий. Это напрямую связано с развитием нейротехнологий.

Быстрое развитие нейротехнологий создает новые угрозы в области защиты прав человека. Научное сообщество предлагает различные подходы, в том числе создание новых прав, предусматривающих защиту перед лицом таких угроз. Эти права в доктрине принято называть «нейроправами». Они призваны защищать психическое состояние человека, «данные его мозга» от несогласованного вмешательства как путем психических манипуляций, так и через технологические устройства (встроенные чипы, протезы, звуки и т.д.).

Настоящая статья концентрирует внимание на двуединстве права на целостность личности и его новом наполнении, связанном с быстрым развитием современных нейротехнологий, требующих новых гарантий психической целостности индивида.

2. Понятие «целостности личности» в международном праве

Отправным пунктом анализа права на целостность личности в международном праве является прецедент по делу *X and Y v. the Netherlands*², в котором Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) подтвердил позитивную обязанность государства гарантировать право на частную жизнь, рассматриваемое в качестве концепции, охватывающей «физическую и моральную целостность человека, включая его или ее сексуальную жизнь»³.

Следует отметить, что в прецедентной практике ЕСПЧ право на целостность личности рассматривается в рамках права на уважение частной и семейной жизни, гарантированного ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Однако в Хартии Европейского союза об основных правах 2000 г. (далее — Хартия) право на целостность личности было закреплено как отдельное право (ст. 3)⁴ наравне с правом на уважение частной и семейной жизни (ст. 7–8).

Выделение права на целостность личности в качестве отдельного права в Хартии было обусловлено развитием биологии и медицины, которое породило принципиально новые биоэтические и правовые вызовы, требующие эффективных механизмов защиты прав человека⁵.

В Хартии, которая делится на главы, ст. 3 была отнесена к Главе I под названием «Достоинство». В соответствии со ст. 1 Хартии достоинство человека обладает неприкосновенностью и подлежит уважению и защите. Данная формулировка акцентирует фундаментальный характер человеческого достоинства как основы всей системы прав человека, при этом его защита включает в себя, в частности гарантии целостности

личности [Кудрявцев 2014:91-98]. А. Адено отмечает, что для того, чтобы лучше понять природу достоинства человека, нужно рассматривать его в связи с другими фундаментальными концепциями и принципами. Так, он указывает, что идея человеческого достоинства часто используется в контексте защиты целостности личности. Речь идет о личности в ее различных измерениях: физическом, психологическом и социальном [Addis 2019:326-328]. Концепция целостности личности также рассматривается во взаимосвязи с запрещением пыток [Ligthart 2019:83-99] и свободой мысли [Alegre 2017:232-233; Hertz 2023:407].

Несмотря на отсутствие единого подхода к определению сферы защиты права на целостность личности, это право и связанные с ним дефиниции нашли отражение в различных международно-правовых актах:

Устав Организации Объединенных Наций (далее – ООН) 1945 г., Преамбула которого закрепляет: «Мы, народы объединенных наций, преисполненные решимости... вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности...».

Всеобщая декларация прав человека 1948 г., ст. 1 которой гласит, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг к другу в духе братства», а ст. 3 закрепляет, что «каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность».

Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (далее – МПГПП). Статья 7 МПГПП провозглашает запрет пыток и любых форм жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания. Кроме того, она закрепляет обязательное

² Case of *X and Y v. the Netherlands*. Judgment of 26 March 1985. – HUDOC. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57603> (дата обращения: 17.06.2025).

³ Подробнее об этом см.: Руководство по применению статьи 8 Европейской конвенции по правам человека. Право на уважение частной и семейной жизни. 1-е издание. С. 17-18. URL: https://ks.echr.coe.int/documents/d/echr-ks/guide_art_8_rus (дата обращения: 12.04.2025).

⁴ Пункт 1 данной статьи устанавливает, что «каждое лицо имеет право на уважение своей физической и психической целостности». Пункт 2 закрепляет: (1) обязательность получения свободного и осознанного согласия; (2) запрет евгенических практик; (3) использования человеческого тела и его частей в качестве источника финансовой выгоды и (4) репродуктивного клонирования. Подробнее см.: [Торкунова 2024:48-49; Абашидзе, Солнцев 2009:75-77].

⁵ Подробнее об этом см.: Commentary of the Charter of Fundamental Rights of the European Union. – *EU Network of Independent Experts on Fundamental Rights*. June 2006. P. 36-42. URL: <https://sites.uclouvain.be/cridho/documents/Download.Rep/NetworkCommentaryFinal.pdf> (дата обращения: 17.06.2025).

требование получения свободного и информированного согласия до проведения любых медицинских или научных экспериментов над лицом.

Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. Как видно из ее названия и содержания ст. 16, она устанавливает запрет пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. В Преамбуле Конвенции указывается, что все права вытекают из достоинства, присущего личности.

Конвенция о правах инвалидов 2006 г., ст. 17 «Защита личной целостности» которой закрепляет, что «каждый инвалид имеет право на уважение его физической и психической целостности наравне с другими».

Африканская Хартия прав человека и народов 1981 г., ст. 4 которой закрепляет, что личность неприкосновенна, и каждый человек имеет право на уважение его жизни и целостности личности. Никто не может быть произвольно лишен этого права.

Американская конвенция о правах человека 1969 г., ст. 5 которой устанавливает, что каждый человек имеет право на уважение его физической, духовной и моральной целостности, и что никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство наказаниям или обращению. Все лица, лишенные свободы, имеют право на уважение достоинства, присущего личности.

Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине 1997 года (далее – Конвенция Овьедо). В ст. 1 закрепляется, что стороны Конвенции защищают достоинство человека и гарантируют каждому без исключения соблюдение целостности личности и других прав и основных свобод в связи с применением достижений биологии и медицины.

Этот перечень международно-правовых актов, в которых прямо или косвенно затрагивается концепция целостности личности, не является исчерпывающим. Несмотря на отсутствие единого подхода к закреплению рассматриваемой концепции, можно сделать вывод, что под ней следует понимать как физическую, так и психическую целостность, которая должна гарантироваться правом.

3. Двуединство целостности личности и его защита в международном праве

Указанный подход относительно двуединства права на целостность личности нашел прямое закрепление не только в ряде международных правовых актов⁶, но и получил последующее развитие в практике международных судебных и квазисудебных инстанций. В частности, Комитет ООН по правам человека в общих замечаниях затрагивал концепцию целостности личности. Например, в Общем замечании № 20-1992⁷ Комитет подчеркивает, что цель ст. 7 МПГПП заключается в «защите достоинства и физической и психической целостности лица», а также расширяет понятие пыток на деяния, причиняющие психические страдания, включая длительное одиночное заключение и насильственные эксперименты без согласия (п. 2, 5). Дальнейшее развитие эта концепция получила в Общем замечании № 35-2014 к ст. 9⁸, где Комитет прямо включает «телесную и психическую целостность» в содержание гарантии «неприкосновенности личности» (п. 3).

В практике международных региональных судебных учреждений, в деле *Velasquez Rodriguez v. Honduras*⁹, Межамериканский суд по правам человека также отметил, что длительная изоляция и лишение возможности общения подрывают не только физическую, но и психологическую целостность личности, что тоже рассматривается как нарушение достоинства человека (п. 187). В деле *Bensaid v. United Kingdom*¹⁰

⁶ Американская конвенция о правах человека 1969 г. (ст. 5), Хартия (ст. 3), Конвенция о правах инвалидов 2006 г. (ст. 17) и др.

⁷ UN Human Rights Committee (HRC). CCPR General Comment No. 20: Article 7 (Prohibition of Torture, or Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment). 10 March 1992. URL: <https://www.refworld.org/legal/general/hrc/1992/en/11086> (дата обращения: 7.05.2025).

⁸ UN Human Rights Committee (HRC). General comment no. 35, Article 9 (Liberty and security of person). CCPR/C/GC/35. 16 December 2014. URL: <https://www.refworld.org/legal/general/hrc/2014/en/104763> (дата обращения: 7.05.2025).

⁹ Inter-American Court of Human Rights. Case of Velásquez-Rodríguez v. Honduras, Judgment of July 29, 1988 (Merits). URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_04_ing.pdf (дата обращения: 1.03.2025).

¹⁰ Case of Bensaid v. The United Kingdom. No. 44599/98. Judgment of 6 February 2001. – HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-59206> (дата обращения: 07.06.2025).

ЕСПЧ впервые указал, что «психическое здоровье и «психическая стабильность» являются элементами права на частную жизнь.

Все вышеуказанное подтверждает тезис о том, что понятие целостности личности имеет двуединую природу. Нарушение как физического, так и психического состояния воспринимается в качестве ущемления основного статуса человека как носителя достоинства [Кравец 2023:89].

Уже было отмечено, что целостность личности стала рассматриваться как отдельное право в связи с развитием науки, в частности, биологии и медицины, что отражается, например, в ст. 3 Хартии или в ст. 1 Конвенции Овьедо. Здесь в первую очередь рассматривается физическая целостность личности. Если физический аспект права на целостность личности получил достаточно широкое освещение в трудах как отечественных, так и зарубежных исследователей¹¹, то того же нельзя сказать о его психической составляющей. Некоторые ученые отмечают, что самостоятельное право на психическую целостность, отдельное от права на физическую целостность, не получило достаточного развития [Tesink, Douglas, Forsberg 2024:657-658]. В качестве редкого примера международно-правового закрепления психического аспекта целостности личности К. Баблиц ссылается на понятие «умственное расстройство» (mental harm), включенное в Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. [Bublitz 2024:787-789]. Также практика Межамериканского суда по правам человека разработала подход, согласно которому ближайшие родственники лица, чьи права были нарушены, также могут рассматриваться в качестве жертв на основании статьи о защите целостности личности. Например, в деле R.P., V.P.C. et al. v. Nicaragua¹² Суд посчитал, что право на психическую и моральную целостность членов семьи или других лиц, имеющих тесные связи с жертвами, было нарушено «...по причине дополнительных страданий, которые они претерпели в результате особых обстоятельств нарушений, совершенных в отношении их близких...» (п. 327) [Bublitz 2024:787].

Анализируя соотношение психической и физической целостности личности, Дж.Н. Крейт исходит из идеи их взаимозависимости: психика формируется и поддерживается мозгом как одним из органов тела. При этом исследователь отмечает отличие психических свойств (когнитивных, аффективных, волевых процессов) от физических характеристик тела. Именно эти свойства, по его мнению, лежат в основе рациональной и моральной деятельности, отражающей ценности и интересы, мотивирующие поступки человека [Craig 2016:111].

4. Право на целостность личности и нейрорights

Научный прорыв в сфере медицины и биотехнологий привел к появлению новых вызовов в области защиты прав человека в основном в части физической целостности личности. Вместе с тем развитие технологий, которые могут влиять на когнитивные способности человека и корректировать их, породило необходимость переосмысления подходов к защите психической целостности человека. Значительный прогресс в этой области обеспечивает более глубокое понимание нейробиологических процессов. Специалисты считают, что есть основания полагать, что наряду с растущим пониманием этих процессов возникает все большая способность манипулировать и даже контролировать обоснование и принятие человеком тех или иных решений [Craig 2016; Cowell, Decety 2015:93-97]. Фактически несогласованное вмешательство и изменение нейронных процессов человека представляет собой угрозу психической целостности личности. Также ученые отмечают, что быстрое развитие нейротехнологий указывает на возникновение новых возможностей для вмешательства в разум людей с помощью технологических устройств (встроенные чипы, протезы, звуки и т.д.), в связи с чем среди ученых возникли дискуссии по вопросу о том, насколько разум находится под полным контролем человека в современном мире?¹³ По этой причине возникли идеи о переосмыслении действующих прав человека

¹¹ Подробнее об этом см.: [Торкунова 2025:102; Семешко, Суханова 2021:169; Торкунова, Щербакова 2020:51-80; Калининченко, Пономарева 2019:69-70; Косилкин 2023:34-52; Hawkins 2016:83-91].

¹² Inter-American Court of Human Rights. Case of V.R.P., V.P.C. et al. v. Nicaragua. Judgment of 8 Mar. 2018. URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_350_ing.pdf (дата обращения: 17.06.2025).

¹³ UNESCO. The Risks and Challenges of Neurotechnologies for Human Rights. 2022. P. 20-22. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000384185> (дата обращения: 17.06.2025).

или даже создании новых прав для защиты психической целостности личности [Ienca, Andorno 2017:1-27]. Комплекс прав, которые призваны защищать от новых вызовов в связи с развитием нейротехнологий, в научной литературе часто обозначаются «нейроправами».

Некоторые ученые предлагают рассматривать «нейроправа» как новые права, а большинство придерживаются позиции, что это составная часть психической целостности человека и обеспечить их защиту необходимо по аналогии и на основе опыта, накопленного в области обеспечения защиты физической целостности человека.

В своих исследованиях М. Йенка и Р. Андорно обосновывают необходимость нормативного закрепления нового блока «нейроправ», способных адекватно реагировать на риски, порождаемые развитием нейротехнологий. Вектор аргументации авторов строится вокруг расширения уже известного в международном праве права на психическую целостность, понимание которого предлагается дополнить защитой от таких угроз, как нежелательная нейростимуляция (unwanted neurostimulation), вредоносный нейрохакинг (malicious neurohacking) и манипуляции с памятью (harmful memory manipulation), потенциально подрывающие автономию личности и ее когнитивную стабильность. Также исследователи особо подчеркивают риски того, что вмешательства в «нейровычислительные» процессы личности могут обосновываться публичными интересами [Ienca, Andorno 2017:17-20].

Помимо права на психическую целостность (the right to mental integrity) М. Йенка и Р. Андорно предлагают установить такие права, как право на психическую неприкосновенность (the right to mental privacy), обеспечивающее конфиденциальность «данных мозга»; право на психологическую непрерывность (the right to psychological continuity), предотвращающее разрывы в восприятии личной идентичности вследствие внешних вмешательств; право на когнитивную свободу (the right to cognitive liberty), закрепляющее автономию в выборе и изменении собственных психических состояний [Ienca, Andorno 2017:9].

К. Баблиц в свою очередь предлагает закрепить одно новое право – право на психическое самоопределение (mental self-determination), которое должно охватывать четыре принципа: никто не имеет претензий на разум правообладателя; защита от вмешательства в разум

(психическая целостность); защита от наказания за мысли, убеждения и мнения; свободу не раскрывать свои мысли или чувства – психическая неприкосновенность (mental privacy) [Bublitz 2020:398-400]. Таким образом, сфера действия этого права очень широка и по большей части повторяет предложенные М. Йенкой и Р. Андорно права. К. Баблиц утверждает, что новое право на психическое самоопределение будет представлять собой производную комбинацию отдельных, ранее закрепленных прав человека, а именно: права на уважение частной жизни и права на свободу мысли. Однако он настаивает на необходимости отдельного закрепления нового права, поскольку оно обеспечит лучшую защиту, чем существующие права.

По мнению же Н. Герц, именно право на свободу мысли можно последовательно интерпретировать как право, предоставляющее всеобъемлющую защиту психических процессов и «данных мозга» [Hertz 2023:4].

А. Лавацца, развивая концепцию «нейроправ», выступает за признание и нормативное закрепление права на психическую целостность, которое он определяет как «владения индивидом своим психическим состоянием и данными своего мозга, чтобы без его согласия никто не мог читать, распространять или изменять такие состояния и данные с целью воздействовать на индивида каким-либо образом» [Lavazza 2018:4].

Как видно из вышеуказанного, развитие нейротехнологий создает необходимость более детального раскрытия содержания права на психическую целостность личности. Если границы тела в целом можно определить, а выявление и предотвращение посягательств на него не вызывает существенных разногласий, то с разумом дела обстоят иначе: сложно определить, что подлежит защите [Istace 2023:214-217].

Из приведенных выше примеров следует, что в научной доктрине предлагаются различные подходы к формулировке и правовому закреплению права на психическую целостность личности. Несмотря на различия в деталях и акцентах, все исследователи сходятся в одном: стремительное развитие нейротехнологий уже породило качественно новые вызовы в сфере защиты прав человека. В настоящее время концепция целостности личности может служить основой для защиты от угроз, связанных с развитием нейротехнологий. Представляется обоснованным рассматривать психическую целостность

как неотъемлемую часть общего понятия целостности личности, аналогично уже сложившемуся в праве подходу к физической целостности. В связи с этим целесообразно уточнение и нормативное закрепление содержания психической целостности с опорой на существующие правовые принципы, применимые к физической целостности личности.

5. Выводы

Сложившееся в международном праве понимание целостности личности как концепции, состоящей из права на физическую и права на психическую целостность личности, сегодня подвержено новым вызовам, связанным с развитием и внедрением нейротехнологий. Нейротехнологии и связанная с их применением защита прав человека дают новое наполнение содержанию права на психическую целостность личности в контексте единства физических и психических процессов человеческого организма.

Отдельные ученые предлагают рассматривать «нейроправа» как новые права, а большинство

придерживается позиции, что это составная часть психической целостности человека и обеспечить их защиту необходимо по аналогии и на основе опыта, накопленного в сфере обеспечения защиты физической целостности человека. Придерживаясь указанной преобладающей точки зрения, мы полагаем, что концепцию «нейроправ» целесообразно рассматривать как составную часть концепции целостности личности, в частности ее психической составляющей».

Общее мнение заключается в том, что «нейроправа» должны защищать лиц от всех видов несогласованного психического вмешательства, которые могут повлиять на принятие решений и их моральное обоснование, и которые направлены на обход рациональной защиты людей от психических манипуляций.

Эффективная система защиты психической целостности личности требует изучения не только действующих правовых норм и судебных прецедентов, но и принятия во внимание исследования об уязвимости когнитивных процессов, что позволит более точно определить необходимую сферу защиты «нейроправ».

Список литературы

1. Абашидзе А.А., Солнцев А.М. 2009. Новое поколение прав человека: соматические права. – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 69-82.
2. Калинин П.А., Пономарева Д.В. 2019. Этические аспекты регулирования геномных исследований в международной и российской практике. – *Медицинская радиология и радиационная безопасность*. Т. 64. № 5. С. 69-70.
3. Косилкин С.В. 2023. Принципы международно-правового регулирования генетических исследований и законодательство Российской Федерации. – *Lex Genetica*. № 2 (2). С. 34-52.
4. Кравец И.А. 2023. *Право на целостность личности. – Права человека: основные понятия, категории, институты: учебный словарь*. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т. 240 с.
5. Кудрявцев М.А. 2014. Достоинство человека и право на целостность личности как нравственный императив научно-технического прогресса. – *Взаимодействие права и морали*. Материалы Междунар. науч. конф. Москва. 20 мая 2014 г. Москва: Моск. гуманит. ун-т. С. 91-98.
6. Семешко А.И., Суханова М.Г. 2021. Право на психическую целостность человека: определение понятия в контексте международно-правового регулирования. – *Пермский юридический альманах*. № 4. С. 162-174. URL: <https://sciup.org/pravo-na-psihicheskuyu-celostnost-chelovekaopredelenie-ponjatija-v-kontekste-147236850> (дата обращения: 08.09.2025).
7. Торкунова Е.А. 2024. Запрет евгенических практик в Европе: политико-правовые причины. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 46-56.
8. Торкунова Е.А. 2025. Применение вспомогательных репродуктивных технологий в контексте права на целостность личности: международный и российский опыт. – *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. № 3. С. 93-103.
9. Торкунова Е.А. Щербакова А.И. 2020. Правовое оформление евгеники и современные правовые тенденции в свете новейших биотехнологий. – *История государства и права*. № 11. С. 51-80.
10. Addis A. 2019. Dignity, integrity, and the concept of a person. – *ICL Journal*. Vol. 13. No. 4. P. 323-372.
11. Alegre S. 2017. Rethinking freedom of thought for the 21st century. – *European Human Rights Law Review*. T. 3. No. 13. P. 221-233.
12. Bubltz C. 2024. Neurotechnologies and human rights: restating and reaffirming the multi-layered protection of the person. – *The International Journal of Human Rights*. Vol. 28. No. 5. P. 782-807.
13. Bubltz C. 2020. The nascent right to psychological integrity and mental self-determination. – *The Cambridge Handbook of New Human Rights: Recognition, Novelty, Rhetoric*. Eds. by A. von Arnould, K. von der Decken, M. Susi. Cambridge: Cambridge Univ. Press. P. 387-403.
14. Cowell J.M., Decety J. 2015. The neuroscience of implicit moral evaluation and its relation to generosity in early childhood. – *Current Biology*. Vol. 25. No. 1. P. 93-97.
15. Craig J.N. 2016. Incarceration, direct brain intervention, and the right to mental integrity: a reply to Thomas Douglas. – *Neuroethics*. Vol. 9. No. 2. P. 107-118.

16. Hawkins N. 2016. A red herring: invalidity of human gene sequence patents. – *European Intellectual Property Law Review*. Vol. 38. No. 2. P. 83-91.
17. Hertz N. 2023. Neurorights – do we need new human rights? A reconsideration of the right to freedom of thought. – *Neuroethics*. Vol. 16. Art. 5. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12152-022-09511-0> (дата обращения: 17.06.2025).
18. Ienca M., Andorno R. 2017. Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology. – *Life Sciences, Society and Policy*. Vol. 13. Art. 5. P. 1-27.
19. Istace T. 2023. Protecting the mental realm: what does human rights law bring to the table? – *Netherlands Quarterly of Human Rights*. Vol. 41. No. 4. P. 214-234.
20. Lavazza A. 2018. Freedom of thought and mental integrity: the moral requirements for any neural prosthesis. – *Frontiers in Neuroscience*. Vol. 12. Art. 82. P. 1-10.
21. Lighthart S.L.T.J. 2019. Coercive Neuroimaging Technologies in Criminal Law in Europe: Exploring the Legal Implications for the Prohibition of Ill-Treatment (Article 3 ECHR). – *Regulating new technologies in uncertain times*. The Hague: TMC Asser Press. P. 83-102.
22. Tesink V., Douglas T., Forsberg L. et al. 2024. Right to mental integrity and neurotechnologies: implications of the extended mind thesis. – *Journal of Medical Ethics*. Vol. 50. No. 10. P. 656-663.
10. Ienca M., Andorno R. Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology. – *Life Sciences, Society and Policy*. 2017. Vol. 13. Art. 5. P. 1-27.
11. Istace T. Protecting the mental realm: what does human rights law bring to the table? – *Netherlands Quarterly of Human Rights*. 2023. Vol. 41. No. 4. P. 214-234.
12. Kalinichenko P.A., Ponomareva D.V. Jetiko-pravovye aspekty regulirovaniya genomnyh issledovanij v mezhdunarodnoj i rossijskoj praktike [Ethical and legal aspects of genomic research regulation in international and Russian practice]. – *Medicinskaja radiologija i radiacionnaja bezopasnost' [Medical radiology and radiation safety]*. 2019. T. 64. № 5. S. 69-70. (In Russ.)
13. Kosilkin S.V. Principy mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya geneticheskikh issledovanij i zakonodatel'stvo Rossijskoj Federacii [Principles of international legal regulation of genetic research and legislation of the Russian Federation]. – *Lex Genetica*. 2023. № 2 (2). S. 34-52. (In Russ.)
14. Kravec I.A. Pravo na celostnost' lichnosti [The right to the integrity of the person]. – *Prava cheloveka: osnovnye ponjatija, kategorii, instituty: uchebnyj slovar' [Human rights: basic concepts, categories, institutions: an educational dictionary]*. Ekaterinburg: Gumanitarnyj un-t. 2023. 240 s. (In Russ.)
15. Kudrjavcev M.A. Dostoinstvo cheloveka i pravo na celostnost' lichnosti kak нравstvennyj imperativ nauchno-tehnicheskogo progressa [Human dignity and the right to the integrity of the person as a moral imperative of scientific and technological progress]. – *Vzaimodejstvie prava i morali. Materialy Mezhdunar. nauch. konf. [The interaction of law and morality. Materials of the International Scientific Conference]*. Moscow. 20 maja 2014 g. Moscow: Mosk. gumanit. un-t. 2014. S. 91-98. (In Russ.)
16. Lavazza A. Freedom of thought and mental integrity: the moral requirements for any neural prosthesis. – *Frontiers in Neuroscience*. 2018. Vol. 12. Art. 82. P. 1-10.
17. Lighthart S.L.T.J. Coercive Neuroimaging Technologies in Criminal Law in Europe: Exploring the Legal Implications for the Prohibition of Ill-Treatment (Article 3 ECHR). – *Regulating new technologies in uncertain times*. The Hague: TMC Asser Press. 2019. P. 83-102.
18. Semeshko A.I., Suhanova M.G. Pravo na psihicheskiju celostnost' cheloveka: opredelenie ponjatija v kontekste mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya [The right to human mental integrity: definition of the concept in the context of international legal regulation]. – *Permskij juridicheskij al'manah [Perm Law Almanac]*. 2021. № 4. S. 162-174. URL: <https://sciup.org/pravo-na-psihicheskiju-celostnost-chelovekaopredelenie-ponjatija-v-kontekste-147236850> (data obrashhenija: 08.09.2025). (In Russ.)
19. Tesink V., Douglas T., Forsberg L. et al. Right to mental integrity and neurotechnologies: implications of the extended mind thesis. – *Journal of Medical Ethics*. 2024. Vol. 50. No. 10. P. 656-663.
20. Torkunova E.A. Primenenie vspomogatel'nyh reproduktivnyh tehnologij v kontekste prava na celostnost' lichnosti: mezhdunarodnyj i rossijskij opyt [The use of assisted reproductive technologies in the context of the right to the integrity of the person: international and Russian experience]. – *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGJuA) [Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA)]*. 2025. № 3. S. 93-103. (In Russ.)

References

1. Abashidze A.A., Solncev A.M. Novoe pokolenie prav cheloveka: somaticheskie prava [A new generation of human rights: somatic rights]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2009. № 1. S. 69-82. (In Russ.)
2. Addis A. Dignity, integrity, and the concept of a person. – *ICL Journal*. 2019. Vol. 13. No. 4. P. 323-372.
3. Alegre S. Rethinking freedom of thought for the 21st century. – *European Human Rights Law Review*. 2017. T. 3. No. 13. P. 221-233.
4. Bublitz C. Neurotechnologies and human rights: restating and reaffirming the multi-layered protection of the person. – *The International Journal of Human Rights*. 2024. Vol. 28. No. 5. P. 782-807.
5. Bublitz C. The nascent right to psychological integrity and mental self-determination. – *The Cambridge Handbook of New Human Rights: Recognition, Novelty, Rhetoric*. Eds. by A. von Arnault, K. von der Decken, M. Susi. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 2020. P. 387-403.
6. Cowell J.M., Decety J. The neuroscience of implicit moral evaluation and its relation to generosity in early childhood. – *Current Biology*. 2015. Vol. 25. No. 1. P. 93-97.
7. Craig J.N. Incarceration, direct brain intervention, and the right to mental integrity: a reply to Thomas Douglas. – *Neuroethics*. 2016. Vol. 9. No. 2. P. 107-118.
8. Hawkins N. A red herring: invalidity of human gene sequence patents. – *European Intellectual Property Law Review*. 2016. Vol. 38. No. 2. P. 83-91.
9. Hertz N. Neurorights – do we need new human rights? A reconsideration of the right to freedom of thought. – *Neuroethics*. 2023. Vol. 16. Art. 5. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12152-022-09511-0> (data obrashhenija: 17.06.2025).

21. Torkunova E.A. Shherbakova A.I. Pravovoe оформlenie evgeniki i sovremennye pravovye tendencii v svete novejshih biotehnologij [The legal formalization of eugenics and current legal trends in the light of the latest biotechnologies]. – *Istorija gosudarstva i prava [History of the state and law]*. 2020. № 11. S. 51-80. (In Russ.)

22. Torkunova E.A. Zapret evgenicheskikh praktik v Evrope: politiko-pravovye prichiny [Prohibition of eugenic practices in Europe: political and legal reasons]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2024. № 4. С. 46-56. (In Russ.)

Информация об авторе

Джаваншир Мамед оглы АЛИЕВ

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры интеграционного права и прав человека, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

aliyevjavanshir@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7582-8318

About the Author

Javanshir M. ALIYEV

Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer at the Department of Integration and Human Rights Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

aliyevjavanshir@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7582-8318

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-102-118>

Research article
UDC: 341
Received 20 April 2025
Approved 21 August 2025

Antony S. ZHILKIN

National Research University Higher School of Economics
20, Myasnitskaya St., Moscow, Russian Federation, 101000
antony_zhilkin@icloud.com
ORCID: 0000-0003-1159-9111

HUMAN RIGHTS MONITORING UNDER EUROPEAN UNION GENERALISED SCHEME OF PREFERENCES

INTRODUCTION. *This article examines the monitoring of human rights compliance in the European Union's Generalised Scheme of Preferences (hereinafter GSP) programmes. It aims to analyse how the European Union (hereinafter EU) uses trade preferences as leverage to promote human rights in developing countries, with a particular focus on the effectiveness of monitoring mechanisms and withdrawal procedures. The research objectives include tracing the evolution of the EU GSP programmes, examining the current monitoring system, evaluating the recent case of Cambodia's partial withdrawal, and identifying both strengths and limitations of the system along with potential improvements.*

MATERIALS AND METHODS. *The research employs multiple methodological approaches, including comprehensive document analysis of EU regulations, particularly Regulation (EU) No 978/2012 governing the current GSP programmes, and Commission Delegated Regulation (EU) No 1083/2013 detailing the withdrawal procedure. This article utilises case study analysis focusing on the recent partial withdrawal of trade preferences from Cambodia due to systematic human rights violations, particularly the dissolution of the Cambodia National Rescue Party and the arrest of its leader, Kem Sokha. Additionally, reports from the United Nations (hereinafter UN) and International Labour Organisation (hereinafter ILO) monitoring bodies, as well as EU institutions, were examined to evaluate the effectiveness of monitoring mechanisms. This methodological framework allows for a systematic*

assessment of both formal procedures and the practical implementation of the EU's human rights conditionality in external trade relations.

RESEARCH RESULTS. *The study reveals that the EU monitoring system operates through a multi-tiered approach, ranging from enhanced engagement to initiating formal withdrawal procedures. The Cambodia case demonstrates both the merits and constraints of this system. Despite years of engagement with the European Commission, Cambodia's human rights situation did not improve sufficiently, resulting in a partial withdrawal of the Everything But Arms (hereinafter EBA) programme preferences, which affected approximately 20 % of Cambodia's exports to the EU. The study identifies key merits of the monitoring system: the step-by-step approach allows beneficiary countries time to address violations; evidence-based assessments from multiple sources promote objectivity; and the potential for leverage creates economic incentives for compliance. However, significant weaknesses include insufficient transparency, centralised decision-making, disproportionate impacts on vulnerable populations, and limited leverage when beneficiaries have alternative markets.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The analysis suggests that while the EU's GSP monitoring system provides a framework for promoting human rights through trade, substantial refinements are needed to enhance its greater effectiveness. Recommendations include establishing more defined expectations for beneficiaries based on their specific circumstances, increasing transparency through public hearings and*

disclosure of “issue lists”, conducting social impact assessments before implementing withdrawals, and coordinating with other developed countries to create a unified approach. The EU system stands out for its progressive GSP+ programme that employs a carrot and stick approach, but it must balance leverage with avoiding disproportionate impacts on vulnerable populations in beneficiary countries.

KEYWORDS: European Union, EU, Generalised Scheme of Preferences, GSP, human rights, labour rights, human rights conditionality, human rights monitoring, international trade, trade policy, trade preferences, developing countries, sustainable development

FOR CITATION: Zhilkin A.S. Human Rights Monitoring under European Union Generalised Scheme of Preferences. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 3. P. 102–118. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-102-118>

The author expresses gratitude to Associate Professor Elena Sychenko, PhD, of the Department of Labour Law, Saint Petersburg State University, for academic inspiration and thoughtful recommendations that contributed to a deeper understanding of the research topic.

The author declares the absence of conflict of interest.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-102-118>

Исследовательская статья

УДК: 341

Поступила в редакцию: 20.04.2025

Принята к публикации: 21.08.2025

Антоний Сергеевич ЖИЛКИН

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Мясницкая ул., д. 20, Москва, 101000, Российская Федерация

antony_zhilkin@icloud.com

ORCID: 0000-0003-1159-9111

МОНИТОРИНГ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РАМКАХ ВСЕОБЩЕЙ СИСТЕМЫ ПРЕФЕРЕНЦИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

ВВЕДЕНИЕ. Статья исследует мониторинг соблюдения прав человека в рамках Всеобщей системы преференций (далее – ВСП) Европейского союза (далее – ЕС). Цель работы – проанализировать, как ЕС использует торговые преференции для продвижения прав человека в развивающихся странах, уделяя особое внимание эффективности механизмов мониторинга и процедур отмены преференций. Задачи исследования включают: изучение этапов развития программ ВСП ЕС; анализ нынешней системы мониторинга; оценку недавнего случая частичного отзыва преференций у Камбоджи; а также выявление сильных и слабых сторон системы с предложениями по ее улучшению.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Исследование основано на комбинации методов, включая анализ документов ЕС, таких как Регламент (ЕС) № 978/2012 (основа текущих программ ВСП) и Делегированный регламент Комиссии (ЕС) № 1083/2013 (детализация процедуры отмены преференций). В рамках кейс-стади был изучен недавний отзыв части торговых преференций у Камбоджи в связи с массовыми нарушениями прав человека в стране, в частности, роспуском Партии национального спасения и арестом ее лидера Кем Сокха. Дополнительно изучены доклады мониторинговых органов Организации Объединенных Наций (далее – ООН), Международной Организации Труда (далее – МОТ)

и институтов ЕС в целях оценки эффективности мониторинга. Такой подход позволяет системно оценить как формальные процедуры, так и практическую реализацию обусловленности (кондициональности) прав человека в торговой политике ЕС.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Исследование показало, что система мониторинга ЕС использует многоуровневый подход: от усиленного политического диалога до формальной процедуры отмены преференций. Случай Камбоджи продемонстрировал как сильные стороны, так и ограничения системы мониторинга. Несмотря на многолетние усилия Европейской комиссии, ситуация с правами человека в стране не улучшилась, что привело к частичной отмене преференций в рамках программы «Все, кроме оружия» (далее – ЕВА), затронувшей около 20% экспорта Камбоджи в ЕС. Сильные стороны системы: поэтапный подход дает странам время на исправление нарушений; оценка на основе данных из широкого круга источников повышает объективность; экономические стимулы способствуют соблюдению прав человека. Однако выявлены и ключевые недостатки: неполная прозрачность, централизованное принятие решений, непропорциональное воздействие на уязвимые группы и ограниченное влияние при наличии у стран-бенефициаров доступа к альтернативным рынкам.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Проведенный анализ позволяет утверждать, что, хотя система мониторинга ВСП ЕС создает основу для продвижения прав человека через торговую политику, для большей эффективности необходимы существенные улучшения. Рекомендации включают: установление четких ожиданий по проведению реформ, направленных на улучшение ситуации с правами человека, для стран

с учетом их экономической и социальной ситуации, повышение прозрачности через проведение публичных слушаний и раскрытие «списков проблем»; проведение оценок социальных последствий до отмены преференций; координацию с другими развитыми странами для выработки единого подхода. Программа ВСП+ выделяется использованием подхода кнута и пряника, однако ЕС необходимо балансировать между чрезмерным давлением и минимизацией негативных последствий для уязвимых групп в странах-бенефициарах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Европейский союз, ЕС, Всеобщая система преференций, ВСП, права человека, трудовые права, обусловленность прав человека, мониторинг соблюдения прав человека, международная торговля, торговая политика, торговые преференции, развивающиеся страны, устойчивое развитие

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Жилкин А.С. 2025. Мониторинг соблюдения прав человека в рамках Всеобщей системы преференций Европейского союза. – Московский журнал международного права. № 3. С. 102–118. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-102-118>

Автор выражает признательность доценту кафедры трудового и социального права Санкт-Петербургского государственного университета, кандидату юридических наук Елене Вячеславовне Сыченко за оказанное научное вдохновение и внимательные рекомендации, которые способствовали более глубокому осмыслению темы исследования.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

1. Introduction

An intersection between trade and human rights (especially, labour rights) has become a hot topic in academic and professional discourse in recent decades [Cottier 2002:111; Ibrahim 2013:321; Delgado 2019:455; Cline 2023]. In our highly globalised and interconnected world, liberalised international trade is a steam engine for economic development. At

the same time, the liberalisation of trade may lead not only to positive outcomes in terms of economic growth but also to social injustices, trade imbalances, and unequal exchange [Parikh 2004:11; Rojas-Vallejos, Turnovsky 2017:623-624]. It has to be ensured that, in the course of economic interactions between nations, fundamental human rights are not neglected or undermined. Contemporary trade policy has a range of tools at its disposal regarding advancing human rights through trade in developing countries.

The Generalised Scheme of Preferences (GSP) programmes are examples of human rights conditionality in trade¹. The GSP allows developed countries to decrease or fully eliminate trade barriers, like tariffs and quotas, in favour of developing countries. This instrument has a unilateral and non-reciprocal nature. The GSP has the potential to stimulate economic growth and reduce poverty in the beneficiary developing countries. Despite being primarily an economic tool, it may also contribute to better protection of human rights (a non-trade objective). This non-trade objective can be achieved via the conditionality mechanism in the GSP programmes. It sets compliance with international human rights standards as a condition for receiving preferential access to developed countries' markets.

Under the EU's GSP programmes, participating countries are required to ratify and effectively implement relevant UN/ILO conventions (*positive conditionality*), or at least not to systematically violate human and labour rights (*negative conditionality*), and in return receive preferential access for their goods and services to the EU Single Market. The effectiveness of such conditions relies on the ability to properly monitor and effectively address the issues of human rights arising in participating states.

2. Evolution of the EU GSP programmes

The European Union (then the European Communities) was the first jurisdiction in the world to introduce GSP in 1971². This happened shortly after the GATT signatories approved a waiver from the "Most-Favoured-Nation" principle in favour of de-

veloping countries. The EU's GSP is derived from the Union's obligation to promote and protect human rights in all aspects of its external relations, including trade policy (modern-day Article 21 of the Treaty on European Union (TEU))³. More than half a century has passed since those times, and both the EU and its GSP programmes have evolved and changed significantly.

The Common Commercial Policy (CCP), also known as the EU Trade Policy, was fully introduced in 1968 [Sapir 1992:1491]. As part of the CCP, the Member States delegated their trade policy powers to the Union's exclusive competence (modern-day Articles 3 and 207 of the Treaty on the Functioning of the European Union (TFEU))⁴. Nowadays, the European Commission and its Directorate-General for Trade are responsible for coordinating EU trade policy. For these reasons, the EU's GSP is centrally managed by the Union rather than by individual EU Member States.

The EU's first GSP programme began in 1971 and lasted ten years, until 1981⁵. The programme was extended for an additional ten years, from 1981 to 1991⁶. These two first cycles did not include any form of human rights or sustainability conditionality⁷. *Positive conditionality* was introduced only in 1991, when the EU decided to provide incentives to several Latin American countries to stimulate combating drug trafficking [Beke, Hachez 2015:188].

In January 1995, the Union adopted Council Regulation (EC) No 3281/94 for industrial products and Council Regulation (EC) No 1256/96 for agricultural products⁸. The possibility of suspending benefits under GSP programmes due to forced

¹ European Commission: Generalised Scheme of Preferences. URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/development-and-sustainability/generalised-scheme-preferences_en (accessed date: 30.12.2024).

² Generalised System of Preferences (GSP). EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/glossary/generalised-system-of-preferences-gsp.html> (accessed date: 03.01.2025).

³ Consolidated version of the Treaty on European Union. EUR-Lex. 2024. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:02016M/TXT-20240901> (accessed date: 03.01.2025).

⁴ Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union. EUR-Lex. 2024. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:02016E/TXT-20240901> (accessed date: 03.01.2025).

⁵ Generalised System of Preferences: Handbook on the Scheme of the European Union. Fifth Edition. Geneva: United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). 2022. P. 6. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/itcdtsbmisc25rev5_en.pdf (accessed date: 03.01.2025).

⁶ Ibid.

⁷ Council Regulation (EEC) No 3835/90 of 20 December 1990 amending Regulations (EEC) No 3831/90. (EEC) No 3832/90 and (EEC) No 3833/90 in respect of the system of generalised tariff preferences applied to certain products originating in Bolivia, Colombia, Ecuador and Peru. EUR-Lex. 1990. URL: <http://data.europa.eu/eli/reg/1990/3835/oj> (accessed date: 03.01.2025).

⁸ Council Regulation (EC) No 3281/94 of 19 December 1994 applying a four-year scheme of generalized tariff preferences (1995 to 1998) in respect of certain industrial products originating in developing countries. EUR-Lex. 1994. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/1994/3281/oj> (accessed date: 03.01.2025); Council Regulation (EC) No 1256/96 of 20 June 1996

labour was introduced for the first time (ILO Conventions 29 and 105) [Zamfir 2018:2]⁹. This addition marked the debut of *negative conditionality*. The GSP programmes were extended from July 1999 to December 2001 by Council Regulation (EC) No 2820/98¹⁰.

Starting January 1, 2002, the updated Council Regulation (EC) No 2501/2001 stated that tariff preferences could be temporarily withdrawn if any of the standards outlined in the ILO Declaration on Fundamental Principles and Rights at Work (1998) were seriously and consistently violated¹¹. In other words, the *negative conditionality* was expanded to include not only compliance with the abolition of forced labour, but also other core labour standards.

Furthermore, special incentive arrangements for the protection of labour rights and the environment, as well as separate terms for LDCs, were implemented. Unlike general arrangements, the former required developing countries to file an application to claim benefits and provide evidence that their national legislation complies with the labour standards or/and standards for tropical forest management. The latter was a specially designed GSP programme for LDCs that eliminated all tariffs except for weapons and ammunition (now known as Everything But Arms).

In 2005, the EU's GSP programmes were revised¹² following the WTO Appellate Body report (EC – Tariff Preferences, 2004), in which the special arrangements to combat drug production and trafficking were found to be non-compliant with Article I of the GATT¹³. The report argued that differentiation between developing countries can only be justified when there are legitimate development needs, the preferences are appropriate, and available to all countries [Bartels 2005:482]. Moreover, a new programme was introduced known as GSP+. This programme provides beneficiary countries with additional bonuses under the condition that they ratify and effectively implement an extended number of conventions on human rights, environmental protection, and good governance¹⁴.

As for the first half of 2025, the current EU's GSP programmes are governed by Regulation (EU) No 978/2012 of 25 October 2012, which has been in force since 2014¹⁵. As a result of the reform, the total number of beneficiary countries was reduced from 177 to 99 due to new stricter eligibility requirements (as of 2014) [Van Der Loo 2022:3]. For instance, neither GSP beneficiaries that concluded free trade agreements (FTAs) with the EU nor nations that the World Bank designated as high-income or upper-middle-income for three years in a row remained eligible.

applying multiannual schemes of generalized tariff preferences from 1 July 1996 to 30 June 1999 in respect of certain agricultural products originating in developing countries. EUR-Lex. 1996. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/1996/1256/oj> (accessed date: 03.01.2025).

⁹ C029 – Forced Labour Convention, 1930 (No. 29). NORMLEX. 1930. URL: https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:C029 (accessed date: 03.01.2025); C105 – Abolition of Forced Labour Convention, 1957 (No. 105). NORMLEX. 1957. URL: https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_en/f?p=1000:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:C105 (accessed date: 03.01.2025).

¹⁰ Council Regulation (EC) No 2820/98 of 21 December 1998 applying a multiannual scheme of generalised tariff preferences for the period 1 July 1999 to 31 December 2001. EUR-Lex. 1998. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/1998/2820/oj> (accessed date: 03.01.2025).

¹¹ Council Regulation (EC) No 2501/2001 of 10 December 2001 applying a scheme of generalised tariff preferences for the period from 1 January 2002 to 31 December 2004. EUR-Lex. 2001. URL: <http://data.europa.eu/eli/reg/2001/2501/oj> (accessed date: 02.01.2025); ILO Declaration on Fundamental Principles and Rights at Work (1998), as amended in 2022. NORMLEX. 1998. URL: https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_en/f?p=1000:62::NO:62:P62_LIST_ENTRIE_ID:2453911:NO (accessed date: 03.01.2025).

¹² Council Regulation (EC) No 980/2005 of 27 June 2005 applying a scheme of generalised tariff preferences. EUR-Lex. 2005. URL: <http://data.europa.eu/eli/reg/2005/980/oj> (accessed date: 03.01.2025).

¹³ European Commission: WT/DS246 – European Communities – Conditions for the granting of tariff preferences to developing countries. URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/enforcement-and-protection/dispute-settlement/wto-dispute-settlement/wto-disputes-cases-involving-eu/wtds246-european-communities-conditions-granting-tariff-preferences-developing-countries_en (accessed date: 02.01.2025).

¹⁴ European Commission: The EC Special Incentive Arrangement for Sustainable Development and Good Governance (GSP+) 2009-2011. 2008. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/MEMO_08_777 (accessed date: 02.01.2025).

¹⁵ Regulation (EU) No 978/2012 of the European Parliament and of the Council of 25 October 2012 applying a scheme of generalised tariff preferences and repealing Council Regulation (EC) No 732/2008 (as amended 01.01.2025). EUR-Lex. 2012. URL: <http://data.europa.eu/eli/reg/2012/978/2025-01-01> (accessed date: 03.01.2025).

Current Regulation (EU) No 978/2012 offers three GSP programmes: Everything But Arms (EBA), which is designed to help the least developed countries (LDCs); Standard GSP, which is automatically given to low- and middle-income developing countries; and GSP+, which is an incentive for Standard GSP countries that showed even more commitment to sustainable development by ratifying and effectively implementing additional conventions.

Moreover, the 2012 GSP Regulation once again expanded *negative conditionality*, allowing temporary withdrawal of benefits for serious human rights violations, prison labour exports, lapses in international agreements on terrorism and money laundering, persistent unfair trade practices, and infringement of fisheries agreements¹⁶.

The procedural dimension of granting the GSP+ status is further clarified by Commission Delegated Regulation (EU) No 155/2013¹⁷, which supplements Regulation 978/2012. This delegated act details the formal requirements for applications, including documentation of ratification of the relevant UN/ILO conventions, binding undertakings by the requesting country, and acceptance of transparency and monitoring obligations. It also establishes deadlines, most notably a six-month period for the Commission to assess an application, as well as defines procedural guarantees such as access to the constituted file, disclosure of essential facts, and the possibility of hearings (including the involvement of the Hearing Officer). In this way, Regulation 155/2013 provides the necessary procedural framework com-

plementing the substantive conditionalities of the GSP Regulation and the practice developed under the Commission's monitoring.

The European Commission proposed an updated GSP Regulation in September 2021 to improve current programmes and monitoring processes.¹⁸ The proposal added four human/labour rights conventions, one targeting organised crime, and updated one climate change convention. It expanded *negative conditionality* for EBA and Standard GSP beneficiaries to all 32 conventions, including good governance and the environment.

The Council adopted its negotiating mandate on the revised GSP regulation, allowing negotiations with the European Parliament¹⁹. The Council supported the Commission's migration and readmission clause, but negotiations were not concluded due to polarised positions between the Council and the European Parliament on this issue²⁰. For this reason, the Parliament agreed to extend the existing GSP Regulation until December 31, 2027²¹. Amnesty International and other civil society organisations are urging the Council to reconsider tying trade preferences for GSP beneficiaries to cooperation with the EU on immigration and readmission²². The currently-in-force and proposed GSP programmes are the results of a long evolution since the programmes have been revised multiple times to reflect progress in trade policy, as outlined above.

In sum, the legal basis that links the GSP programmes to the EU's normative framework is two-tiered. At primary-law level, the Treaties set the Union's external-action objectives (including the

¹⁶ Regulation (EU) No 978/2012 of the European Parliament and of the Council of 25 October 2012 applying a scheme of generalised tariff preferences and repealing Council Regulation (EC) No 732/2008 (as amended 01.01.2025).

¹⁷ Commission Delegated Regulation (EU) No 155/2013 of 18 December 2012 establishing rules related to the procedure for granting the special incentive arrangement for sustainable development and good governance under Regulation (EU) No 978/2012 of the European Parliament and of the Council applying a scheme of generalised tariff preferences. EUR-Lex. 2013. URL: http://data.europa.eu/eli/reg_del/2013/155/oj (accessed date: 03.01.2025).

¹⁸ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on applying a generalised scheme of tariff preferences and repealing Regulation (EU) No 978/2012 of the European Parliament and of the Council. EUR-Lex. 2021. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM:2021:0579:FIN> (accessed date: 04.01.2025).

¹⁹ European Council: Council approves reinforced rules on granting trade preferences to developing countries. 2022. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/12/20/council-approves-reinforced-rules-on-granting-trade-preferences-to-developing-countries/> (accessed date: 04.01.2025).

²⁰ European Parliament: Review of the Generalised Scheme of Preferences (GSP) Regulation | Legislative Train Schedule. 2024. URL: <https://www.europarl.europa.eu/legislative-train/theme-an-economy-that-works-for-people/file-new-gsp-regulation?sid=9001> (accessed date: 04.01.2025).

²¹ European Parliament: GSP rollover is good news, but negotiations must continue. 2023. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20231120IPR12406/gsp-rollover-is-good-news-but-negotiations-must-continue-meps-say> (accessed date: 04.01.2025).

²² Joint Letter from the NGOs to the Members of the Council of the European Union. 27 February 2023. Amnesty International et al. URL: https://www.amnesty.eu/wp-content/uploads/2023/03/Joint-letter_GSP-reform_readmission-conditionality_updated-28.02.23.pdf (accessed date: 04.01.2025).

promotion of human rights and the rule of law) and allocate the Common Commercial Policy as an exclusive EU competence. At secondary-law level, the basic GSP Regulation defines the architecture of the schemes (EBA/Standard/GSP+), sets human-rights and labour conditionality, and provides for monitoring and temporary withdrawal. These rules are further operationalised by delegated/implementing acts that lay down procedural guarantees (information-gathering, right to be heard, assessment steps) and by an allocation of institutional roles (Commission as monitor and initiator of measures, EEAS as co-lead for dialogues and missions, Member States within the GSP Committee for scrutiny, and the European Parliament for oversight).

3. EU monitoring system

The EU GSP Regulation currently in force (2012), as well as the Commission's Proposal, includes three GSP programmes: Everything But Arms (EBA), Standard GSP, and GSP+. As previously explained, while Standard GSP and EBA are based on *negative conditionality*, GSP+ also includes *positive conditionality*, binding beneficiaries to 1) ratify and effectively implement the twenty-seven conventions; 2) comply with the reporting requirements; and 3) cooperate with the Commission in its monitoring efforts (Article 9)²³.

Compliance with these obligations is strictly monitored by the European Commission and the European External Action Service (EEAS), considering the reports of ILO/UN bodies and insights from civil society and other stakeholders (Article 14).

The preferential access to the European single market under all the EU GSP programmes, among other reasons, may be suspended for all or a particular group of products in case of persisting and systematic violations of principles stipulated in the core human and labour rights UN/ILO Conventions

listed in Annex VIII of the Regulation (Article 19). Nevertheless, such suspensions are only executed after warnings and opportunities to address the human rights issues. The Regulation of 2012, as well as the diplomatic practice of the European Commission and the EEAS, contains a step-by-step procedure that aims to efficiently restore human rights conditions in the countries under concern. Such a multi-staged procedure reserves the trade preference withdrawal as the "last resort" measure in case of severe violations. This section follows the stages (*enhanced engagement* → *procedure for temporary withdrawal of preferences*), exemplifying them based on the Cambodia case.

3.1. Enhanced engagement

The European Commission has developed a comprehensive system of interaction with the GSP+ beneficiaries regarding the monitoring and reporting on human rights concerns. In 2015, as was introduced in *Trade for All* Communication, the Commission expanded this system to the Standard GSP and EBA countries²⁴. The system is informally known as enhanced engagement, as it is not directly mentioned in the Regulation of 2012. This stems from established diplomatic practice (GSP+) and an aspiration to intensify the dialogue with specific Standard GSP/EBA recipients in areas where the EU can play a pivotal role in preventing and combating human rights atrocities²⁵. This is particularly relevant for the Standard GSP/EBA countries with a high volume of trade, like Cambodia (exports to the EU)²⁶.

Enhanced engagement serves as the first step, aiming to avoid the activation of the formal temporary withdrawal procedure as indicated in Article 19. By means of enhanced engagement, the European Commission requests that government officials introduce solutions and take concrete measures to address systemic issues in upholding fundamental human rights. It is expected that the participating

²³ Hereinafter, the articles of this Regulation shall be cited throughout the text unless otherwise specified: Regulation (EU) No 978/2012 of the European Parliament and of the Council of 25 October 2012 applying a scheme of generalised tariff preferences and repealing Council Regulation (EC) No 732/2008 (as amended 01.01.2025).

²⁴ Communication from the Commission to European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. *Trade for All: Towards a more responsible trade and investment policy*. 14 October 2015. COM(2015) 497 final. P. 19. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52015DC0497&from=en> (accessed date: 05.01.2025).

²⁵ Ibid.

²⁶ European Commission: *Trade-Human Rights – withdrawal of Cambodia's preferential access to the EU market – Factsheet*. 2020. P. 1. URL: <https://circabc.europa.eu/rest/download/02ab82d2-6152-46f4-9b00-a95c950d386d> (accessed date: 05.01.2025).

states will take action that results in noticeable advancements in the near future or, if the concerns are more delicate and complex, over the foreseeable future²⁷.

According to the Commission, enhanced engagement expands upon the suggestions and findings of the UN and ILO monitoring bodies tasked with supervising the application of the fifteen human rights agreements listed in the Regulation²⁸. Information from other stakeholders is also taken into consideration, including civil society organisations²⁹. The contribution of these actors makes it easier for the Commission to evaluate the adherence to the international agreements' tenets in an unbiased and open manner. Nevertheless, such information from the stakeholders does not legally bind the Commission or any other EU bodies while deciding on preference withdrawal. This fact reminds us that the contemporary model of GSP human rights conditionality is unilateral in nature and under the full discretion of a granting state.

During the enhanced engagement, a "list of issues" is presented to the countries, and they are requested to respond³⁰. This is supplemented by formal and informal consultations with governmental officials and other stakeholders in the concerned state³¹. Correspondence and discussions on progress made and to be made are the driving force behind the process. Furthermore, on-ground monitoring missions may be dispatched³². Enhanced engagement may result in the creation of approved action plans (with goals and deadlines) with regard to particular concerns [Zerk, Beacock 2021:32]. The Commission, together with the EEAS, publishes biennial reports addressed to the European Parliament and

the Council on GSP (Article 14). A report explains the current issues in all GSP+ countries, as well as Standard GSP/EBA under the enhanced engagement.

In 2020, the Commission introduced a new complaint system for reporting breaches of Trade and Sustainable Development commitments under trade agreements and GSP requirements (Single Entry Point (SEP)). The Commission implemented this system to enhance the ease of obtaining crucial information about these violations³³. For human rights issues, the complainant must give details of the impact and seriousness of the alleged breach (for more details, see the recommendation on the SEP below). If the Single Entry Point team finds that there may have been a violation of the GSP Regulation that may have led to the withdrawal of GSP preferences (Articles 15 or 19), information about the violation will be published on the Commission's website³⁴. The content will include the most important information on the topic raised, but it will not disclose how the violation was discovered³⁵.

In order to better analyse the monitoring and withdrawal processes under the Regulation of 2012, the method of case studies is applied. The case of Cambodia is quite prominent in this regard, taking into consideration that it is the most recent case of benefit withdrawal as of 2025. Moreover, it was the first time when the European Commission decided to withdraw preferences partially, in contrast to its previous practice of full withdrawal. Since Cambodia is one of the Least Developed Countries (LDCs) classified by the United Nations³⁶, it was granted the most advantageous scope of trade preferences under the EBA programme.

²⁷ European Commission and EEAS: Report on EU enhanced engagement with three Everything But Arms beneficiary countries: Bangladesh, Cambodia and Myanmar. SWD(2020) 19 final. 2020. P. 1. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020SC0019&qid=1675788126097&from=EN> (accessed date: 05.01.2025).

²⁸ Ibid. P. 2.

²⁹ Ibid.

³⁰ GSP Platform: Everything But Arms. URL: <https://gspplatform.eu/everything-but-arms> (accessed date: 05.01.2025).

³¹ Ibid.

³² European Commission and EEAS: Report on EU enhanced engagement with three Everything But Arms beneficiary countries: Bangladesh, Cambodia and Myanmar. SWD(2020) 19 final. 2020. P. 2.

³³ European Commission: Commission launches new complaints system to fight trade barriers and violations of sustainable trade commitments. 2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/api/files/document/print/en/ip_20_2134/IP_20_2134_EN.pdf (accessed date: 05.01.2025).

³⁴ European Commission: Operating guidelines for the Single Entry Point and complaints mechanism for the enforcement of EU trade agreements and arrangements. 2023. P. 4. URL: https://trade.ec.europa.eu/access-to-markets/en/form-assets/operational_guidelines.pdf (accessed date: 05.01.2025).

³⁵ Ibid.

³⁶ UNCTAD: UN List of Least Developed Countries. URL: <https://unctad.org/topic/least-developed-countries/list> (accessed date: 05.01.2025).

The Council voiced serious concern about the decline of democracy, respect for human rights, and the rule of law in its Conclusions on February 26, 2018, noting the growing persecution of the opposition, the media, and trade unions³⁷. The Council condemned the actions taken by the Cambodian government against the members of the dissolved Cambodian National Rescue Party (CNRP), especially the detention of CNRP leader Kem Sokha. The Council demanded the reinstatement of the elected CNRP officials, the release of Kem Sokha, and the reversal of the CNRP's dissolution³⁸. In light of the GSP Regulation's provisions, the Council encouraged the Commission to intensify its engagement with Cambodia and to augment its monitoring of the situation³⁹.

The European Parliament raised similar concerns in its Resolution dated September 13, 2018, reminding the government of Cambodia that it has a duty to uphold democratic values and social rights, which are a crucial part of the EU–Cambodia Cooperation Agreement and the requirements under the EBA⁴⁰. The Parliament also urged the Commission to examine potential consequences in light of the trade advantages enjoyed by Cambodia⁴¹.

These calls from major EU bodies, accompanied by various official reports from the UN Human Rights Council⁴², persuaded the Commission to initiate the enhanced engagement with Cambodia.

Additionally, this involved heightened communication and oversight, with a fact-finding visit to the country undertaken in July 2018⁴³. On October 10, 2018, a “camera” style hearing of the European Parliament's International Trade (INTA) Committee featured a thorough discussion of the conclusions of the fact-finding mission⁴⁴. Under Rule 210a of the Rules of Procedure of the European Parliament, this format of consultation is designed for considering confidential information⁴⁵. Thus, the recording is not publicly available, and unauthorised visitors were asked to leave the room by the chairperson⁴⁶.

3.2. Procedure for the temporary withdrawal of preferences

The procedure for the temporary withdrawal of tariff preferences is detailed in another source of EU law: Commission Delegated Regulation (EU) No 1083/2013 of 28 August 2013⁴⁷. Under the provisions of the Commission Delegated Regulation, the Commission must consider any kind of information it finds essential. Third parties may also submit written comments. The Commission considers those third parties' positions if there is sufficient evidence to support them (Article 1). At the same time, the right to a hearing before the Commission is granted to the relevant beneficiary countries as well as other parties who have correctly filed information backed by adequate proof (Article 4).

³⁷ European Council: Council conclusions on Cambodia. 6416/18. 2018. P. 2. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-6416-2018-INIT/en/pdf> (accessed date: 05.01.2025).

³⁸ Ibid. P. 3.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ European Parliament: Resolution of 13 September 2018 on Cambodia, notably the case of Kem Sokha. 2018/2842(RSP). 2018. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2018-0346_EN.html (accessed date: 05.01.2025).

⁴¹ Ibid.

⁴² UN Human Rights Council: Role and achievements of the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights in assisting the Government and people of Cambodia in the promotion and protection of human rights. A/HRC/36/32. 2017. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=G1724105&t=pdf> (accessed date: 05.01.2025); UN Human Rights Council: Report of the Special Rapporteur on the situation of human rights in Cambodia. A/HRC/39/7. 2018. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=G1824954&t=pdf> (accessed date: 05.01.2025).

⁴³ European Commission: Cambodia: EU mission assesses human rights and labour situation. 2018. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_18_4467 (accessed date: 05.01.2025).

⁴⁴ A letter from Ramon Tremosa i Balcells (ALDE) to the Commission. 22 August 2018. E-004308/18. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/questions/reponses_qe/2018/004308/P8_RE\(2018\)004308_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/questions/reponses_qe/2018/004308/P8_RE(2018)004308_EN.pdf) (accessed: 05.01.2025).

⁴⁵ Rule 210a: Procedure for the consultation by a committee of confidential information in a committee meeting in camera. Rules of Procedure of the European Parliament. 2019. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/RULES-8-2019-03-25-RULE-210-1_EN.html (accessed: 05.01.2025).

⁴⁶ European Parliament: INTA Committee Meeting – Multimedia Centre. 2018. URL: https://multimedia.europarl.europa.eu/en/webstreaming/event_20181010-0900-COMMITTEE-INTA?start=181010083818&end=181010083849&audio=en (accessed: 05.01.2025).

⁴⁷ Commission Delegated Regulation (EU) No 1083/2013 of 28 August 2013 establishing rules related to the procedure for temporary withdrawal of tariff preferences and adoption of general safeguard measures under Regulation (EU) No 978/2012 of the European Parliament and the Council applying a scheme of generalised tariff preferences. EUR-Lex, 2013. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg_del/2013/1083/oj (accessed date: 05.01.2025).

With regard to Cambodia, the Commission concluded after consulting the Generalised Preferences Committee that there was enough proof to initiate the process of temporarily removing the country's EBA tariff privileges on February 11, 2019⁴⁸. The evidence suggested grave and persistent violations of the core provisions of UN/ILO Conventions⁴⁹.

The withdrawal procedure began with the publication of the Notice of Initiation on February 12, 2019, which launched a six-month monitoring and evaluation period⁵⁰. On March 19–20, 2019, a high-level Commission/EEAS delegation travelled to Cambodia as part of political dialogue with the Cambodian government⁵¹. Another Commission/EEAS fact-finding expedition to evaluate the situation with human rights was held on June 3–10, 2019⁵². The Commission collected all relevant data throughout the monitoring and evaluation period, including observations from industry, civil society groups, UN and ILO monitoring bodies, and Cambodian governmental institutions⁵³.

On August 12, 2019, the monitoring and evaluation period elapsed. The Commission sent Cambodia its report of findings and conclusions on November 12, 2019. Commentary from Cambodia was received on December 12, 2019⁵⁴.

On February 12, 2020, the Commission enacted a Delegated Regulation on the temporary and partial removal⁵⁵ of tariff benefits given to Cambodia under the EBA⁵⁶. The Regulation is in effect starting on August 12, 2020⁵⁷. Even though the procedure for temporary withdrawal of preferences has been concluded, the stage of enhanced engagement continues

to apply to Cambodia. As indicated in Commission Delegated Regulation (EU) 2020/550 of 12 February 2020, which enacted the partial benefit suspension, the Commission will keep monitoring the situation in Cambodia, particularly concerning labour rights⁵⁸. It may restore the tariff privileges if Cambodia completely addresses the concerns brought up in the Delegated Regulation⁵⁹.

3.3. Lessons to learn from the Cambodia case

The EU monitoring and withdrawal system employed in the case of Cambodia demonstrates certain positive sides as well as serious limitations. Permit us to begin with the former.

Tiered Approach: *the monitoring system operates with a step-by-step approach, beginning with enhanced engagement to promote remedial action prior to initiating withdrawal.*

To advance human rights in beneficiary nations, the EU's GSP monitoring mechanism applies a tiered approach. Before enacting the measure of "last resort", which is the suspension of trade preferences, this approach entails a number of overlapping phases. The system encourages the beneficiaries to address human rights issues by beginning with negotiations as part of enhanced engagement. In this informal phase, the EU identifies issues and encourages the country to address them through diplomatic negotiations and drafting action plans.

Thanks to this approach, engaging in negotiations beforehand protects recipient nations' economies from sudden trade benefit withdrawals and, in the event of such withdrawals, facilitates quick rein-

⁴⁸ Commission Implementing Decision of 11 February 2019 on the initiation of the procedure for temporary withdrawal of the tariff preferences provided to the Kingdom of Cambodia under Article 19 of Regulation (EU) No 978/2012. EUR-Lex, 2019. P. 3. URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32019D0212\(02\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32019D0212(02)) (accessed date: 05.01.2025).

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Ibid. P. 4.

⁵¹ European Commission and EEAS: Report on EU enhanced engagement with three Everything But Arms beneficiary countries: Bangladesh, Cambodia and Myanmar. SWD(2020) 19 final. 2020. P. 20.

⁵² Ibid.

⁵³ Commission Implementing Decision of 11 February 2019 on the initiation of the procedure for temporary withdrawal of the tariff preferences provided to the Kingdom of Cambodia under Article 19 of Regulation (EU) No 978/2012. P. 3.

⁵⁴ European Commission and EEAS: Report on EU enhanced engagement with three Everything But Arms beneficiary countries: Bangladesh, Cambodia and Myanmar. SWD(2020) 19 final. 2020. P. 20.

⁵⁵ Sugar, travel supplies, selected garment products, and particular footwear products.

⁵⁶ European Commission: Cambodia loses duty-free access to the EU market over human rights concerns. 2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_1469 (accessed date: 05.01.2025).

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Commission Delegated Regulation (EU) 2020/550 of 12 February 2020 amending Annexes II and IV to Regulation (EU) No 978/2012 of the European Parliament and of the Council as regards the temporary withdrawal of the arrangements referred to in Article 1(2) of Regulation (EU) No 978/2012 in respect of certain products originating in the Kingdom of Cambodia. EUR-Lex. 2020. URL: http://data.europa.eu/eli/reg_del/2020/550/oj (accessed date: 05.01.2025).

⁵⁹ Ibid.

statement of the benefits in cases of normalisation. Moreover, cooperation pushes recipient nations to assume responsibility for reforms, which might result in greater long-lasting results in the sphere of human rights and other aspects of sustainable development. Furthermore, the tiered approach may be modified to fit the unique circumstances of any country under suspicion, raising the chances of positive feedback and reforms.

The evidence for that can be observed in the process of enhanced engagement with other Standard GSP/EBA countries, like Bangladesh. In order to improve the labour rights situation, particularly to guarantee that the Export Processing Zone Labour Act and the Bangladesh Labour Act comply with the ILO fundamental Conventions, the Bangladeshi authorities decided in October 2019 to create the National Action Plan on the Labour Sector of Bangladesh (NAP), which includes timelines for reforms⁶⁰. In September 2021, Bangladesh released its final NAP to the public. This extensive paper also addressed EU concerns about child labour, labour inspections, and closing factories that cannot be made compliant with health and safety regulations⁶¹. Furthermore, Bangladesh adopted ILO Convention No 138 on the minimum age in 2022⁶².

While there are certain improvements in Bangladesh, positive progress in Burma (Myanmar), another Standard GSP/EBA country under enhanced engagement, is dramatically limited. However, it would be quite irrational to assess the effectiveness of enhanced engagement based on the Burma case, as a *coup d'état* led by the military junta was executed in February 2021. The European Union has remained committed to addressing the worsening situation with human rights in Burma through targeted sanctions and interaction with stakeholders.⁶³ At the same time, no legal steps were taken by the European Commission to initiate the formal withdrawal of trade preferences.

Evidence-Based: *the system is based on evidence from a number of sources, including UN/ILO monitoring bodies, stakeholders, and fact-finding missions, leading to a more objective assessment.*

Utilising data from several sources helps reduce prejudice and promotes a more impartial evaluation of human rights situations in a particular country under review. This includes an assessment of current national legislation as well as law enforcement. The legitimacy of the monitoring procedure and the EU's position when interacting with governmental officials are strengthened by the use of reliable evidence. Moreover, data analysis based on a diverse range of sources enables the EU to more precisely formulate a "list of issues".

Relative Transparency: *publicly available joint Commission/EEAS reports contribute to the openness of the system.*

As has been mentioned earlier, the Regulation of 2012 obliges the Commission and the EEAS to present joint reports for a period of two years to the Parliament and the Council. The EU's interactions with beneficiary countries, including dialogue with authorities, monitoring missions, and economic statistics, are documented in the biennial reports. They list the accomplishments to date along with the problems that still need to be addressed.

Potential for Leverage: *the monitoring system constitutes an instrument that may persuade a beneficiary nation to improve its human rights standards, especially with the prospect of trade preference removal.*

A team of analysts from the European Centre for Development Policy Management (ECDPM) compared the effectiveness of achieving non-trade objectives by EU trade policy tools and concluded that the "carrot-and-stick" system embodied in the GSP conditionality provides more potential for leverage in terms of advancing human rights than Free Trade Agreements [Borchert, Conconi, Di Ubaldo, Herghelegiu 2021:640]. "Carrot" is attributed to trade benefits provided in return for compliance with international human rights standards, while "stick" means a sanctioning measure in the form of full or partial trade benefits withdrawal [Hepple 2005:102].

The possibility of losing trade advantages might provide beneficiary nations with a strong financial incentive to resolve human rights issues. The moni-

⁶⁰ European Commission and EEAS: Report on EU enhanced engagement with three Everything But Arms beneficiary countries: Bangladesh, Cambodia and Myanmar. SWD(2023) 360 final. 2023. P. 4. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15996-2023-ADD-2/en/pdf> (accessed date: 06.01.2025).

⁶¹ Ibidem.

⁶² Ibid. P. 3.

⁶³ Ibid. P. 13.

toring mechanism ensures that concerned nations fulfil their obligations under internationally recognised norms and/or principles. In addition, the EU's activities may draw attention to human rights abuses in recipient nations in a global arena.

Although the long-term effects are still unknown, Cambodia's partial loss of EBA advantages demonstrates the EU's willingness to use trade preferences as leverage to force changes in national practices.

Finding a middle ground or determining whether the EU should give incentives a higher priority than penalties has been a major topic of discussion in both political and scholarly circles. Nevertheless, the fundamental objective of the EU to use its economic influence as a means to exert pressure on third countries to promote human rights remains undisputed [Orbie, Alcazar III, Sioen 2022:69].

A number of the above-mentioned positive aspects of the EU GSP monitoring system have a double-edged nature. There are certain limitations to them, as well as other issues to be overcome. Each drawback is supplemented with a corresponding recommendation, which is addressed to EU institutions responsible for the operation of the GSP, chiefly the European Commission (DG Trade), the European External Action Service (EEAS), and the European Parliament (EP) regarding oversight. They are further directed at Member States acting within the GSP Committee and the human rights dialogue frameworks:

Insufficiency of the Tiered Approach: *the situation in Cambodia highlights the shortcomings of the tiered approach.*

Years of enhanced engagement and the formal procedure of withdrawal did not improve Cambodia's human rights status at the required level to maintain full access to trade preferences under the EBA programme. As a result, certain products were excluded from preferential treatment (approximately 20% of all exports to the EU⁶⁴).

Corresponding recommendations:

Establish more defined expectations for beneficiary nations based on their economic and social situation: this would allow for resource pooling and increased accountability, guaranteeing not only the

presence of legislation compliant with international standards but also the ability to carry them out⁶⁵. For instance, the European Union and the beneficiary could negotiate to develop publicly available roadmaps that outline precise deadlines for reforms.

Consider cumulative and more targeted consequences: investigate an opportunity to apply targeted economic sanctions⁶⁶ in combination with partial GSP withdrawal.

The GSP partial withdrawals and the EU's Common Foreign and Security Policy (CFSP) sanctions may work in concert to encourage beneficiary nations to adhere to international human rights standards, as it was in the cases of Myanmar and Belarus [Portela, Orbie 2014:71–72]. On one hand, the EU can apply pressure by imposing CFSP sanctions on certain individuals and entities within a suspected country. On the other hand, GSP partial withdrawals may provide a focused reaction to non-compliance by concentrating on particular goods or industries. By harmonising the application of both tools, the EU can establish a comprehensive external action system for addressing human rights violations in beneficiary countries. A coherent strategy like this would send a clear message that the EU is dedicated to maintaining these standards and would take a diverse range of appropriate measures in the event of severe violations.

Enhanced oversight: empowering the Generalised Preferences Committee could improve the system's legitimacy and impartiality.

The European Commission is the central player in comparison with other EU core bodies, as it may adopt implementing regulations (neither the Parliament nor the Council perform an active role in GSP decision-making). Being a body of general specialisation, the Commission evaluates beneficiary nations' adherence to human rights standards. There are concerns about possible biases and a lack of openness, as it also executes all other aspects of EU policy. Thus, other aspects of the Commission's activities may influence its objectivity.

Currently, the Commission's decision to initiate a procedure for temporary withdrawal of benefits does not require the consent of the Generalised

⁶⁴ Leang U. 20 % of EBA withdrawal effect. – *Khmer Times*. 24 August 2020. URL: <https://www.khmertimeskh.com/50756228/20-of-eba-withdrawal-effect> (accessed date: 06.01.2025).

⁶⁵ Reijn R. How EU Trade Policy Can Better Promote Sustainability Standards in Supply Chains. – *Institute for Human Rights & Business (IHRB)*. 30 March 2021. URL: <https://www.ihrb.org/latest/eu-trade-policy-sustainability-standards-supply-chains> (accessed date: 06.01.2025).

⁶⁶ Under the framework of the EU Global Human Rights Sanctions Regime.

Preferences Committee following the comitology advisory procedure (Article 19(3) of the 2012 GSP Regulation), which is made up of representatives from the Commission, EEAS, the EP's INTA committee, and individual Member States. It meets on a regular basis to discuss the scheme's economic, social, and political implications [Beke, D'Hollander, Hachez, Pérez de las Heras 2014:34]. Comitology applies when a law provides the Commission with implementation powers. The same law requires a committee to assist the Commission in defining the implementing act's measures⁶⁷. Comitology encompasses two different forms: the advisory procedure and the examination procedure. In both procedures, a committee comprising representatives from all EU member states must provide a formal opinion on the proposed measures by the Commission⁶⁸.

In the examination procedure, the Commission must adopt the proposed implementing act if a qualified majority (55 % of EU countries, or at least 65 % of the total EU population) votes in favour of it; the Commission may not adopt the proposed act if a qualified majority votes against it; in the event that no qualified majority votes in favour of the proposed act, the Commission may submit a new, amended version or adopt the proposed act. In contrast, in the advisory procedure, the Commission is not bound by the committee's position while deciding whether to enact the proposed act⁶⁹.

So, changing the advisory procedure to an examination procedure and assigning prominent experts in human rights to the Committee could increase the legitimacy and impartiality of the monitoring system [Tsogas 2000:365]. Furthermore, focusing solely on GSP monitoring would prevent other considerations, such as pure geopolitical implications, from clouding their decisions.

Lack of Transparency: the "list of issues" as well as oral hearings on the matter are not publicly available.

The EU may conceal some material, such as details from stakeholder submissions or fact-finding missions, claiming confidentiality issues to protect

sources or ongoing discussions (e.g., "in camera" sessions of the Parliament). Moreover, the "lists of issues" submitted to national governments are not publicly available⁷⁰. Furthermore, unlike the US GSP review system, oral hearings under Commission Delegated Regulation (EU) No 1083/2013 are not open to the public. So, the lack of detailed information in publicly available reports hinders public scrutiny of the monitoring process and decision-making by the Commission. The concern has also been raised by the NGOs while preparing their official positions with regard to the Commission's Proposal for a new GSP Regulation [Zamfir 2022:8].

Corresponding recommendations are as follows.

Publish summaries of confidential information: the Commission might consider sharing anonymised summaries of confidential information to help the public and NGOs better understand the evidence used in the monitoring process.

Make the "list of issues" publicly available, notwithstanding the first point: the data indicated in the "list of issues" should be available to a wider range of stakeholders. It is conceivable that collaboration among NGOs, corporations, EU bodies, and the beneficiary government might have a greater effect on resolving concerns noted in the list (see public hearings recommendation below) [Zamfir 2022:8].

Organise frequent press briefings: to inform the public and non-governmental organisations on the progress of the monitoring procedure and ongoing discussions with beneficiary nations, the European Commission may arrange frequent press briefings. Regular briefings could take place in conjunction with the release of biennial⁷¹ reports and whenever new issues emerge.

Raise awareness of the Single Entry Point (SEP) complaint mechanism: this would guarantee the receiving of vital information concerning the alleged violations and non-compliance of beneficiary states with international standards in an organised and reliable manner.

⁶⁷ Regulation (EU) No 182/2011 of the European Parliament and of the Council of 16 February 2011 laying down the rules and general principles concerning mechanisms for control by Member States of the Commission's exercise of implementing powers. EUR-Lex. 2011. URL: <http://data.europa.eu/eli/reg/2011/182/oj> (accessed date: 06.01.2025).

⁶⁸ European Commission: Comitology. URL: https://commission.europa.eu/law/law-making-process/adopting-eu-law/implementing-and-delegated-acts/comitology_en#:~:text=examination%20procedure%20-%20used%20particularly%20for,for%20all%20other%20implementing%20acts (accessed date: 06.01.2025).

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ Reijn R. How EU Trade Policy Can Better Promote Sustainability Standards in Supply Chains. 2021.

⁷¹ Or triennial if the Commission's Proposal is adopted with no amendment in this regard.

As there are no known complaints with regard to the GSP eligibility so far, the Commission can conduct targeted outreach campaigns to inform civil society organisations and stakeholders in the EU, as well as GSP beneficiary countries, about the SEP and how to utilise it effectively. However, the current guidelines only allow EU-based organisations to file a complaint⁷². At the same time, EU-based NGOs may act on behalf of their partner organisations in GSP recipient countries. For example, *CNV Internationaal* has done so on behalf of trade unions in Colombia and Peru in relation to precarious working conditions for miners under the provisions of the Free Trade Agreement⁷³.

Allow public oral hearings as a part of enhanced engagement and the withdrawal procedure: such a step might contribute to an open dialogue between the Commission, beneficiary's government, enterprises, and NGOs, with the opportunity to address questions between each other.

Public hearings would allow stakeholders, including civil society organisations and human rights experts, to present evidence and perspectives on the human rights situation in beneficiary countries. This would increase public oversight and accountability for the EU's decisions. Hearings could provide a platform for sharing information about the monitoring process and the specific concerns identified with beneficiary countries. Besides that, the public nature of hearings could put pressure on beneficiary countries to address identified human rights violations to avoid negative publicity.

Public hearings may be prioritised for high-risk countries or instances involving serious continuing human rights breaches. Furthermore, using video conferencing technology might enable greater stakeholder engagement in hearings, bypassing geographical barriers. Public hearings can help create a more responsible and successful system for advancing rights via trade by drawing on the US GSP review process and adapting it to the EU setting.

Limitations of Leverage: *EU preferences may not be the primary trading partner for beneficiary countries; exiting to alternative markets; authoritarian regimes neglect their nations' sustainable development.*

For some beneficiary countries, the EU may not be their primary trading partner. In another scenario, if these countries lose EU trade preferences, they may look for other markets for their products. Besides that, some authoritarian regimes may overlook their national interests (e.g., sustainable development) for inadequate geopolitical considerations. These governments disregard the danger of benefit withdrawal or the imposition of economic sanctions. All these cases and scenarios limit the leverage of the EU GSP monitoring and withdrawal system.

Corresponding recommendations are as follows.

Targeted leverage: concentrate on using leverage in industries or goods that are most dependent on EU markets in beneficiary nations. This can concentrate pressure on areas where economic impact is most likely while minimising disruption to the overall national economy.

EU-US cooperation⁷⁴: the asymmetry of requirements between EU and US GSP programmes enables beneficiary countries to redirect export flows towards less stringent regimes. In the long term, this undermines the effectiveness of the EU's human rights conditionality. One possible hypothetical scenario for enhancing efficiency could be institutional convergence or harmonisation of the EU and US criteria, potentially including the establishment of a joint consultative body. Such coordination, although politically challenging, would reduce the risk of circumventing human rights conditionality through alternative developed-country markets.

Encourage other developed countries to introduce sustainability conditionality in their GSP programmes: a more comprehensive approach could be created for pressing beneficiary nations to enhance their human rights records by developed nations working together.

Such a global coalition is likely to make it more difficult for the national governments of beneficiary countries to just shift commerce elsewhere in response to calls for reform. For example, the very first country in such a coalition can become Norway, considering its economic ties with the EU through the European Economic Area (EEA).

⁷² European Commission: Operating guidelines for the Single Entry Point and complaints mechanism for the enforcement of EU trade agreements and arrangements. 2023. P. 2.

⁷³ CNV Internationaal: On non-compliance by the Colombian and Peruvian Governments of Chapter IX, on Sustainable Development, of the Trade Agreement with the European Union. 2022. URL: https://www.cnvinternationaal.nl/_Resources/Persistent/7/e/a/d/7eaded188057bc7dd0e1b6bf1569d3a5883b119/CNVI-0334%20Complaint%20Colombia%20Peru%20SEP%20EU%20Trade%20Agreement.pdf (accessed date: 06.01.2025).

⁷⁴ NB! This can be achieved only if the US re-authorises its GSP programme.

Uniform standards (e.g., a common list of UN/ILO treaties) across developed countries' GSP programmes would prevent beneficiary countries from "playing off" different systems with weaker or no human rights requirements [Kryvoi 2008:242–243]. This may not only increase the effectiveness of EU GSP leverage but also reinforce human rights across the globe.

A platform for creating a global coalition might become the International Labour Organisation (ILO) or the United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD), as this particular conference gave birth to the GSP as a functioning system. Alternatively, this can be done by setting up bilateral agreements.

Provide successful recipients with additional benefits beyond trade preferences: link trade preferences with extra bonuses that are conditional on advancements in human rights. This might entail more access to EU research programmes, technological transfer, or development assistance.

Disproportionate Impact of GSP Withdrawal: *disproportionate trade preference withdrawals may have unforeseen repercussions that hurt disadvantaged communities and prevent the intended aims from being met.*

A disproportionate preference withdrawal is likely to harm the vulnerable population of a beneficiary country, while the main goal of the GSP is completely the opposite. In the case of Cambodia, poor female workers from rural areas were particularly affected by the partial withdrawal, as they make up a sizable portion of the workforce in the garment and footwear industry [Tanaka 2022:3416]. In the meantime, the Cambodian government's recent attempts to allay EU concerns about legal and political problems in Cambodia have not demonstrated any discernible progress, as indicated in the Joint Report for the period 2020–2022⁷⁵. This means that the Commission's decision mainly had a disproportionately detrimental effect on workers and enterprises engaged in export-oriented industries.

Corresponding recommendations are as follows.

Social impact assessments: before enforcing withdrawal measures, a comprehensive social impact evaluation shall be conducted. This assessment would identify potential negative consequences

for vulnerable populations and develop mitigation strategies.

Increased support for local NGOs: reinforce aid to civil society groups in beneficiary nations. A strong and resilient civil society can hold governments responsible and advocate for the rights of vulnerable social groups.

Technical assistance: beneficiary countries with systematic violations, if their governments agree, may get advice from EU experts on how to implement reforms and strengthen institutions as well as law enforcement. This may also include providing training and capacity-building programmes to empower civil society organisations and independent trade unions in those countries.

Overall, a proposed toolbox of effective monitoring instruments may include: (i) country-specific, time-bound and measurable benchmarks with public action plans that specify responsible authorities, legal steps, enforcement milestones and metrics; (ii) regular Commission/EEAS dialogues using follow-up matrices with clear deadlines and published summaries of commitments; (iii) systematic uptake of UN/ILO supervisory findings through a transparent mapping that links each external finding to a concrete benchmark and government action; (iv) structured civil-society inputs via standardised calls for evidence, safe-reporting channels and published summaries; (v) targeted fact-finding missions with *aide-mémoire*, stakeholder lists and verification notes; and (vi) a graduated conditionality ladder (warning, enhanced monitoring, and, where persistent non-compliance is established, reasoned proposals for partial/temporary withdrawal, with reinstatement upon verified compliance).

Correspondingly, an optimal procedural pathway may be as follows: screening of UN/ILO outputs and substantiated civil-society inputs as the trigger; opening of enhanced monitoring with a public roadmap of measurable and time-bound benchmarks; structured dialogue and on-site verification; interim public reporting on progress against each benchmark; agreement of a corrective, time-bound action plan where gaps persist; a reasoned final assessment with, if necessary, proportionate measures under the GSP legal framework; and follow-up leading to possible reinstatement once compliance is verified.

⁷⁵ European Commission and EEAS: Report on EU enhanced engagement with three Everything But Arms beneficiary countries: Bangladesh, Cambodia and Myanmar. SWD(2023) 360 final. 2023. P. 16–24.

4. Conclusion

The impact of international trade on human rights in developing and least-developed countries has become one of the priorities for trade policy to address. The European Union's Generalised Scheme of Preferences (GSP) is a bright example of how trade policy tools may be utilised for achieving sustainable development, and respect for human rights in particular. In the course of its gradual evolution, the EU's GSP programmes developed the complex system of *negative* and *positive conditionalities*.

The EU system stands out with its progressive incentive GSP+ programme, employing a "carrot and stick approach". Additional trade preferences under this programme motivate developing countries to ratify and effectively implement UN/ILO Conventions on human rights, as well as those related to other aspects of sustainable development, including environmental protection and good governance. This is supplemented by the EU's reliance on the conclusions and recommendations of the UN/ILO monitoring bodies, leading to an increased degree of impartiality within its system. Another distinctive feature is dispatching fact-finding missions to

the territories of concerned countries to assess the situation regarding human and labour rights.

The case of Cambodia demonstrates both strengths and weaknesses of the EU's GSP monitoring system. The EU's multi-tiered approach and reliance on evidence-based monitoring confirm the GSP's status as a decent tool for achieving non-trade objectives. However, challenges remain. Insufficient transparency, limited leverage, disproportionate impact on vulnerable groups and mixed results of enhanced engagement highlight areas for further study and improvement.

To maximise the GSP's potential, the EU needs to address these shortcomings by increasing transparency, strengthening monitoring mechanisms, conducting social impact assessments and developing international cooperation to create a unified approach for advancing human rights through trade globally. In addition, technical assistance and support to civil society in affected countries could mitigate unintended consequences and ensure the protection of vulnerable communities.

Ultimately, while trade preferences alone cannot address systemic human rights violations, they remain a powerful tool in the context of the EU's external action for promoting economic growth and human rights around the world.

References

1. Bartels L. The Appellate Body Report in *European Communities – Conditions for the Granting of Tariff Preferences to Developing Countries* and its Implications for Conditionality in GSP Programmes. – *Human Rights and International Trade*. Oxford: Oxford University Press. 2005. P. 464-487. URL: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199285822.003.0024> (accessed date: 03.01.2025).
2. Beke L., D'Hollander D., Hachez N., Pérez de las Heras B. *The integration of human rights in EU development and trade policies*. Leuven: Leuven Centre for Global Governance Studies. 2014. 181 p. URL: <https://repository.gchumanrights.org/server/api/core/bitstreams/25d51d5c-9cb9-4a4c-bdaf-86963c23987c/content> (accessed date: 05.01.2025).
3. Beke L., Hachez N. The EU GSP: a preference for human rights and good governance? The case of Myanmar. – *Global Governance through Trade*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited. 2015. P. 185-213. URL: <https://doi.org/10.4337/9781783477760.00015> (accessed date: 03.01.2025).
4. Borchert I., Conconi P., Di Ubaldo M., Herghelegiu C. The Pursuit of Non-Trade Policy Objectives in EU Trade Policy. – *World Trade Review*. 2021. Vol. 20. Issue 5. P. 623-647. URL: <https://doi.org/10.1017/S1474745621000070> (accessed date: 06.01.2025).
5. Cline M. The Link Between Trade & Human Rights. – *Minnesota Journal of International Law*. 2023. URL: <https://minnjl.org/2023/02/09/the-link-between-trade-human-rights/> (accessed date: 30.12.2024).
6. Cottier T. Trade and Human Rights: A Relationship to Discover. – *Journal of International Economic Law*. 2002. Vol. 5. Issue 1. P. 111-132. URL: <https://doi.org/10.1093/jiel/5.1.111> (accessed date: 30.12.2024).
7. Delgado N. Towards Work Liberalization: The WTO Discourse on Labour Standards and Policy. – *International Journal of Comparative Labour Law and Industrial Relations*. 2019. Vol. 35. Issue 4. P. 455-482. URL: <https://doi.org/10.54648/ijcl2019021> (accessed date: 30.12.2024).
8. Hepple B. *Labour Laws and Global Trade*. London: Hart Publishing. 2005. 302 p. URL: <http://dx.doi.org/10.5040/9781472563286> (accessed date: 06.01.2025).
9. Ibrahim A.M. International Trade and Human Rights: An Unfinished Debate. – *German Law Journal*. 2013. Vol. 14. Issue 1. P. 321-337. URL: <https://doi.org/10.1017/S2071832200001814> (accessed date: 30.12.2024).
10. Kryvoi Y. Why European Union Trade Sanctions Do Not Work. – *Minnesota Journal of International Law*. 2008. Vol. 17. P. 209-246. URL: <https://scholarship.law.umn.edu/mjil/242> (accessed date: 06.01.2025).
11. Orbie J., Alcazar III A., Sioen T. A Post-Development Perspective on the EU's Generalized Scheme of Preferences. – *Politics and Governance*. 2022. Vol. 10. Issue 1.

- P. 68-78. URL: <https://doi.org/10.17645/pag.v10i1.4693> (accessed date: 06.01.2025).
12. Parikh A. *Relationship between Trade Liberalisation, Growth and Balance of Payments in Developing Countries: An Econometric Study*. Hamburg: Hamburg Institute of International Economics (HWWA). 2004. 24 p. URL: <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.575963> (accessed date: 30.12.2024).
 13. Portela C., Orbie J. Sanctions under the EU Generalised System of Preferences and foreign policy: coherence by accident? – *Contemporary Politics*. 2014. Vol. 20. Issue 1. P. 63-76. URL: <https://doi.org/10.1080/13569775.2014.81605> (accessed date: 06.01.2025).
 14. Rojas-Vallejos J., Turnovsky S.J. Tariff Reduction and Income Inequality: Some Empirical Evidence. – *Open Economies Review*. 2017. Vol. 28. P. 603-631. URL: <https://doi.org/10.1007/s11079-017-9439-y> (accessed date: 30.12.2024).
 15. Sapir A. Regional Integration in Europe. – *The Economic Journal*. 1992. Vol. 102. Issue 415. P. 1491-1506. URL: <https://doi.org/10.2307/2234805> (accessed date: 03.01.2025).
 16. Tanaka K. The European Union's withdrawal of trade preferences for Cambodia. – *The World Economy*. 2022. Vol. 45. Issue 11. P. 3313-3649. URL: <https://doi.org/10.1111/twec.13329> (accessed date: 06.01.2025).
 17. Tsogas G. Labour Standards in the Generalized Systems of Preferences of the European Union and the United States. – *European Journal of Industrial Relations*. 2000. Vol. 6. Issue 3. P. 349-370. URL: <https://doi.org/10.1177/095968010063006> (accessed date: 06.01.2025).
 18. Van Der Loo G. *The Commission proposal on reforming the Generalised Scheme of Tariff Preferences: analysis of human rights incentives and conditionalities*. Brussels: Directorate-General for External Policies. 2022. 41 p. URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EXPO_IDA\(2022\)653661](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EXPO_IDA(2022)653661) (accessed date: 02.01.2025).
 19. Zamfir I. *Human rights in EU trade policy: Unilateral measures applied by the EU*. Brussels: European Parliamentary Research Service (EPRS). 2018. 12 p. URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI\(2018\)621905](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2018)621905) (accessed date: 03.01.2025).
 20. Zamfir I. *New EU scheme of generalised preferences*. Brussels: European Parliamentary Research Service (EPRS). 2022. 11 p. URL: [https://www.europarl.europa.eu/think-tank/en/document/EPRS_BRI\(2022\)698857](https://www.europarl.europa.eu/think-tank/en/document/EPRS_BRI(2022)698857) (accessed date: 06.01.2025).
 21. Zerk J., Beacock R. *Advancing human rights through trade*. London: The Royal Institute of International Affairs. 2021. 64 p. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/2021-05/2021-05-26-human-rights-trade-zerk-beacock.pdf> (accessed date: 05.01.2025).

About the Author

Antony S. ZHILKIN

Postgraduate Student, Research Assistant at the School of International Law, National Research University Higher School of Economics

20, Myasnienskaya St., Moscow, Russian Federation, 101000

antony_zhilkin@icloud.com
ORCID: 0000-0003-1159-9111

Информация об авторе

Антоний Сергеевич ЖИЛКИН

аспирант, стажер-исследователь департамента международного права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Мясницкая ул., д. 20, Москва, 101000, Российская Федерация

antony_zhilkin@icloud.com
ORCID: 0000-0003-1159-9111

Ихлас Мурадович ЯЗБЕРДИЕВ

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

ООО «Иванов, Макаров и Партнеры»

Даев пер., 20, Москва, 107045, Российская Федерация

ihlas.yazberdiev@gmail.com

ORCID: 0009-0005-3504-8252

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ РАССМОТРЕНИЯ СПОРОВ ПО ЕВРАЗИЙСКИМ ПАТЕНТАМ: ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

ВВЕДЕНИЕ. В 2023 г. Евразийская патентная организация (далее – ЕАПО) подготовила и опубликовала Программу развития ЕАПО до 2028 г. (далее – Программа развития ЕАПО), согласно которой одним из направлений деятельности этой региональной международной организации является развитие евразийской системы разрешения споров. Кроме этого, практика Суда по интеллектуальным правам (далее – СИП) – специализированного суда в системе арбитражных судов Российской Федерации – свидетельствует о постепенно растущем количестве споров по евразийским патентам, что неминуемо приводит к прецедентным решениям в силу особенностей правового регулирования отношений по поводу евразийских патентов. В связи с этим представляется актуальным исследование и оценка перспектив развития механизмов рассмотрения споров по евразийским патентам.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Исследование рассматриваемого вопроса основано на работах российских и зарубежных ученых в области патентного и международного права, правового регулирования разрешения патентных споров,

нормативных правовых актов евразийского патентного законодательства, судебной практики. Методологическую основу составили общенаучные и специально-юридические методы (в том числе сравнительно-правовой и историко-правовой методы).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В ходе исследования обозначены проблемы и аспекты, связанные с применением норм Евразийской патентной конвенции (далее – ЕАПК) и Патентной инструкции (далее – ПИ) в процессе разрешения споров по евразийским патентам, такие как: разноуровневый характер правового регулирования евразийских патентов, отсутствие среди государств – участников ЕАПК механизмов, обеспечивающих единообразное применение норм евразийского патентного законодательства, особенности соотношения норм евразийского патентного законодательства и национального патентного права.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В целях обеспечения единообразия в применении евразийского патентного права предлагается развивать механизмы межсудейского взаимодействия,

а также создать единую базу судебных решений по патентным спорам. В настоящее время создание Евразийского патентного суда представляется преждевременным из-за недостаточного количества споров, однако этот вопрос сохраняет актуальность в долгосрочной перспективе, особенно с учетом возможного расширения перечня охраняемых объектов промышленной собственности. В любом случае это потребует формирования судейского корпуса с технической экспертизой или привлечения специалистов для консультаций по сложным вопросам. В качестве альтернативного решения предлагается учреждение квазисудебного консультативного органа, который будет обеспечивать единообразное толкование норм евразийского патентного законодательства и способствовать правильному разрешению споров.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: евразийский патент, споры по евразийским патентам, нарушение евразийских патентов, аннулирование евразийских патентов, Евразийский патентный суд, Евразийский суд по интеллектуальным правам

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Язбердиев И.М. 2025. Правовые механизмы рассмотрения споров по евразийским патентам: особенности регулирования и перспективы развития. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 119–132. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-119-132>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

INTERNATIONAL ECONOMIC LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-119-132>

Research article

UDC: 341

Received 18 April 2025

Approved 9 September 2025

Ihlas M. YAZBERDIEV

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
Ivanov, Makarov & Partners
20, Daev Lane, Moscow, Russian Federation, 107045
ihlas.yazberdiev@gmail.com
ORCID: 0009-0005-3504-8252

LEGAL MECHANISMS OF RESOLUTION OF DISPUTES ON EURASIAN PATENTS: REGULATORY FEATURES AND PROSPECTS OF DEVELOPMENTS

INTRODUCTION. In 2023, the Eurasian Patent Organization prepared and published a Program for the development of the Eurasian Patent Organization until 2028, according to which one of the activities of this regional international organization is the development of the Eurasian dispute resolution system. In addition, the practice of the Intellectual Property

Rights Court, a specialized court in the system of arbitration courts of the Russian Federation, indicates a gradually growing number of disputes over Eurasian patents, which inevitably leads to precedent decisions due to the specifics of the legal regulation of relations regarding Eurasian patents. In this regard, it seems relevant to study and evaluate the prospects for the de-

velopment of dispute resolution mechanisms for Eurasian patents.

MATERIALS AND METHODS. The study of the issue under consideration is based on the work of Russian and foreign scientists in the field of patent and international law, the legal regulation of patent dispute resolution, regulatory legal acts of the Eurasian patent legislation, and judicial practice. The methodological basis is based on general scientific and special legal methods (including comparative legal and historical legal methods).

THE RESEARCH RESULTS. The study identifies the problems and aspects related to the application of the norms of the Eurasian Patent Convention (EAPC) and Patent Regulations in the process of dispute resolution on Eurasian patents, such as: the multilevel nature of the legal regulation of Eurasian patents, the lack of mechanisms among the EAPC member states to ensure uniform application of the norms of Eurasian patent legislation, the relationship between the norms of Eurasian patent legislation and national patent law.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. With the view to ensure uniformity in the application of Eurasian patent law, it is proposed to develop mechanisms for inter-judicial cooperation, as well as to create a unified database of court decisions on patent disputes.

Currently, the creation of the Eurasian Patent Court seems premature due to the insufficient number of disputes, but this issue remains relevant in the long term, especially given the possible expansion of the list of protected industrial property objects. In any case, this will require the formation of a judicial pool with technical expertise or the involvement of specialists to consult on complex issues. As an alternative solution, it is proposed to establish a quasi-judicial advisory body that will ensure a uniform interpretation of the norms of Eurasian patent legislation and facilitate the proper resolution of disputes.

KEYWORDS: Eurasian patent, disputes over Eurasian patents, infringement of Eurasian patents, revocation of Eurasian patents, Eurasian Patent Court, Eurasian Court of Intellectual Property Rights

FOR CITATION: Yazberdiev I.M. Legal Mechanisms of Resolution of Disputes on Eurasian Patents: Regulatory Features and Prospects of Developments. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 3. P. 119–132. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-119-132>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

В рамках Евразийской патентной системы (далее – ЕАПС), которая была учреждена ЕАПК, намечаются тенденции формирования предпосылок развития системы разрешения споров в отношении объектов промышленной собственности. Евразийским патентным ведомством (далее – ЕАПВ) была подготовлена Программа развития ЕАПО¹ до 2028 г., согласно которой одним из направлений деятельности этой региональной международной организации является развитие евразийской системы разрешения споров². Кроме этого, практика СИП – специализированного

суда в системе арбитражных судов Российской Федерации – свидетельствует о постепенно растущем количестве споров по евразийским патентам, что неминуемо приводит к прецедентным решениям в силу особенностей правового регулирования отношений по поводу евразийских патентов. Соответственно, актуальным представляется исследование и оценка перспектив развития механизмов рассмотрения споров по евразийским патентам, что обуславливается как увеличивающимся количеством споров по евразийским патентам, так и намеченными планами ЕАПО по развитию системы охраны региональных объектов промышленной собственности.

¹ Программа развития Евразийской патентной организации, утв. на сорок втором (тринадцатом внеочередном) заседании Административного совета ЕАПО 18 мая 2023 г. URL: https://new.eapo.org/wp-content/uploads/2023/06/pr_2023_2028.pdf (дата обращения: 25.06.2025).

² Там же. С. 9-11.

2. Правовые основы разрешения споров по евразийским патентам

Евразийская патентная конвенция принята в 1994 г. и предусматривает выдачу евразийского патента, действующего на территории всех ее государств-участников. Она была разработана в рамках Межгосударственного совета по вопросам охраны промышленной собственности и в соответствии с принципами, на которых основаны Мюнхенская и Люксембургская конвенции³. Мюнхенская конвенция, которая более известна как Европейская патентная конвенция, определяет условия и процедуру выдачи европейского патента, осуществление прав по которому регулируется национальным законодательством ее государств-участников⁴. В соответствии с Люксембургской конвенцией⁵, которая была принята в 1975 г., но так и не вступила в силу, европейский патент, выданный в рамках процедуры, предусмотренной Мюнхенской конвенцией, имеет единый характер среди государств – членов общего рынка Европейского экономического сообщества (ныне Европейского союза).

Таким образом, ЕАПК основана на принципах, в соответствии с которыми были разработаны Мюнхенская и Люксембургская конвенции. Однако в отличие от них ЕАПК имеет рамочный характер и предусматривает основополагающие нормы евразийского патентного права, содержание которых конкретизируются в других нормативных актах, принятых Административным советом ЕАПО, прежде всего в ПИ. Рамочная форма ЕАПК была предложена А. Богшем – генеральным директором Всемирной организации интеллектуальной собственности [Ивлиев 2024а:2-3]. Отмечается, что преимущество

рамочного характера ЕАПК в том, что с момента подписания текст этого международного договора, содержащего основные положения евразийского патентного законодательства, не претерпел каких-либо изменений или дополнений, которые потребовали бы соблюдения ратификационных процедур на национальном уровне; все необходимые уточнения норм ЕАПК и ПИ осуществлялись Административным советом ЕАПО⁶.

Как следует из ст. 13(1) ЕАПК споры, касающиеся действительности евразийского патента в конкретном государстве – участнике ЕАПК или нарушения евразийского патента в конкретном государстве – участнике ЕАПК, разрешаются национальными судами или другими компетентными органами этого государства на основании ЕАПК и ПИ. При этом отмечается важное значение нормы ст. 13(1) ЕАПК как предусматривающей «применение единых материальных норм права на всей территории действия евразийского патента» [Еременко 2009:2]. В связи с этим отмечается, что преамбулой ЕАПК предусматривается концепция единого евразийского патента [Еременко 2009:2]⁷, которая подкрепляется единством материально-правовых норм, применяемых при рассмотрении споров о нарушении евразийского патента [Еременко 2009:2]. С учетом ст. 14 ЕАПК такими материально-правовыми нормами определяются содержание исключительного права по евразийскому патенту (правило 16 ПИ), действия, которые признаются нарушением евразийского патента (правило 17 ПИ), и, напротив, те действия, которые не представляют собой нарушение евразийского патента (правило 19 ПИ), перечисляются способы защиты в случае нарушения евразийского патента и лица, обладающие правом на обращение с иском о нарушении евразийского патента (правило 18 ПИ) и др.

³ См. Протокол Первого заседания Межгосударственного совета по вопросам охраны промышленной собственности (Москва, 18–19 мая 1993 г.). URL: eapo.org/wp-content/uploads/2023/04/1993_prot_018-1.pdf. (дата обращения: 25.06.2025).

⁴ Convention on the Grant of European Patents (European Patent Convention) of 5 October 1973 as revised by the Act revising Article 63 EPC of 17 December 1991 and the Act revising the EPC of 29 November 2000. URL: https://www.epo.org/en/legal/epc/2020/EPC_conv_20250401_en_20250401.pdf (дата обращения: 25.06.2025).

⁵ 76/76/EEC: Convention for the European patent for the common market (done at Luxembourg on 15 December 1975). – O.J.L. 17 26.01.1976. P. 1-28. CELEX 41975A3490. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:41975A3490> (дата обращения: 25.06.2025).

⁶ История Евразийской патентной организации. См. подробнее на сайте ЕАПО: <https://www.eapo.org/o-eapo/istoriya-evrazijskoj-patentnoj-organizaczii/1-istoriya-sozdaniya-evrazijskoj-patentnoj-organizaczii/#ref1> (дата обращения: 25.06.2025).

⁷ В преамбуле ЕАПК зафиксировано стремление создать межгосударственную систему получения правовой охраны изобретения на основе единого патента, действующего на территории всех государств – участников ЕАПК. Однако на практике какие-либо инициативы в этом направлении не предлагались до сих пор.

Вместе с тем нет оснований считать, что евразийский патент в полной мере обладает единым характером на всей территории государств – участников ЕАПК. Хотя действие евразийского патента в большей степени опирается на унифицированные нормы евразийского патентного права, нежели классический европейский патент, национальные нормы патентного права применяются в субсидиарном порядке [Григорьев, Еременко 2012:71]. Так, в ЕАПК закреплено, что за нарушение евразийского патента предусматривается такая же гражданско-правовая и иная ответственность, как и за нарушение национального патента (ст. 13(2) ЕАПК). Иными словами, меры ответственности за нарушение евразийского патента в странах ЕАПК могут отличаться. Кроме этого, подчеркивается, что, если «неправомерное использование изобретения, охраняемого евразийским патентом, затрагивает интересы правообладателя в каждом государстве – участнике ЕАПК, заинтересованное лицо должно испрашивать защиту в отношении каждого государства отдельно, как если бы был нарушен национальный патент» [Крупко 2018:206]. Таким образом, в рамках ЕАПС отсутствует единый механизм защиты нарушенного права по евразийскому патенту.

Оспаривание евразийского патента возможно в централизованном и децентрализованном порядках по основаниям, предусмотренным правилом 54(1) ПИ. В первом случае евразийский патент может быть оспорен путем подачи возражения в ЕАПВ в рамках процедуры административного аннулирования. Такое возражение может быть подано в течение трех лет с момента выдачи евразийского патента. Для рассмотрения поступившего против выдачи евразийского патента возражения формируется *ad hoc* коллегия, состоящая из трех экспертов ЕАПВ. Принятое решение по возражению может быть обжаловано путем подачи апелляции Президенту ЕАПВ, который назначает новый состав коллегии. Евразийский патент, признанный недействительным в порядке процедуры административного аннулирования, считается не вступившим в силу во всех странах ЕАПК

с даты подачи евразийской патентной заявки.

В децентрализованном порядке евразийский патент может быть признан недействительным на территории государства-участника в течение всего срока его действия в силу ст. 13(1) ЕАПК. В случае одновременного оспаривания евразийского патента как в централизованном, так и в децентрализованном порядках, решение о признании евразийского патента недействительным может быть принято национальным судебным или иным компетентным органом государства – участника ЕАПК только после завершения процедуры административного аннулирования [Разрешение споров в сфере ... 2024:124-150]. В странах ЕАПК, за исключением Казахстана, предусмотрена квазисудебная (административная) процедура рассмотрения споров об аннулировании евразийского патента национальным административным органом, решение которого может быть обжаловано в судебном порядке [Разрешение споров в сфере ... 2024:124-150].

3. Особенности соотношения норм ЕАПК и национального права при разрешении споров по евразийским патентам

Прежде всего необходимо обратиться к статистическим данным ЕАПВ, согласно которым за период с 2010 г. было подано всего 40 возражений против выдачи евразийского патента в рамках централизованной процедуры административного аннулирования, а за период с 2018 г. было подано чуть более 80 возражений и исков против действия евразийского патента на территории государств – участников ЕАПК, причем 68 из них зафиксированы в России⁸. Иными словами, значительная доля споров по евразийским патентам на национальном уровне рассматривается именно на территории России. Для сравнения за аналогичный период против действия евразийского патента в Казахстане было подано восемь таких возражений или исков, в Беларуси – шесть, а в остальных странах – не более одного, либо евразийский патент на территории этих стран вообще не оспаривался⁹.

⁸ См. подробнее вебинар ЕАПВ: Маханькова Е.Н., Гутман А.В. Практика рассмотрения споров. Евразийская интеграция в сфере интеллектуальной собственности. URL: <https://www.eapo.org/wp-content/uploads/2024/01/praktika-rassmotreniya-sporov-evrazijskaya-integraciya.pdf> (дата обращения: 25.06.2025). См. также: Разработка проекта евразийской стратегии развития интеллектуальной собственности до 2035 года. Отчет о научно-исследовательской работе. 2023. URL: nir-razrabotka-proekta-evrazijskoj-strategii-razvitiya-intellektualnoj-sobstvennosti-do-2035-goda.pdf (дата обращения: 25.06.2025).

⁹ См.: Там же.

Следует в первую очередь отметить, что в системе арбитражных судов РФ с 2013 г. функционирует СИП – специализированный судебный орган, рассматривающий в качестве суда первой и кассационной инстанции, дела по спорам, связанным с защитой интеллектуальных прав. Среди государств – участников ЕАПК Российская Федерация – не единственная страна, где созданы специализированные судебные органы рассмотрения споров в сфере интеллектуальной собственности. Так, в составе Верховного суда Республики Беларусь действует Судебная коллегия по делам интеллектуальной собственности. В Республике Казахстан споры по евразийским патентам рассматриваются специализированными судами, чья компетенция при этом не ограничивается делами по интеллектуальной собственности. Однако, исходя из высказываний руководства ЕАПВ, именно подходы и практика СИП служат в некоторой степени стандартом разрешения споров не только в российской юрисдикции, но и в других странах евразийского пространства¹⁰.

Практика СИП показывает, что одним из дискуссионных вопросов при рассмотрении споров по евразийским патентам оказывается соотношение норм евразийского патентного законодательства и национального патентного права.

В качестве конкретного примера можно привести дело № СИП-1030/2020, где рассматривался вопрос о наличии у национального суда компетенции по разрешению споров о признании продления срока действия евразийского патента незаконным и необходимости соблюдения досудебного порядка его разрешения путем подачи возражения в ЕАПВ. Суд по интеллектуальным правам, рассмотрев дело в порядке первой инстанции, обратил внимание на несоблюдение досудебного административного порядка разрешения подобных споров, предусмотренного правилом 16(8) ПИ. В результате СИП в качестве суда первой инстанции пришел к выводу о неподсудности ему таких споров, отказав в признании незаконным решения ЕАПВ о продлении срока действия евразийского патента.

С таким выводом не согласился президиум СИП, который отметил, что Патентная инструкция представляет собой акт

межправительственной организации, а не международный договор. По этой причине суд кассационной инстанции признал ошибочным вывод суда первой инстанции о приоритетном применении норм ПИ в системе регулирования спорных отношений на основании ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Напротив, по мнению президиума СИП, нормы ПИ в силу ст. 79 Конституции РФ не должны исполняться, если их толкование и применение влечет за собой ограничение прав и свобод и противоречит основам конституционного строя РФ.

В результате президиум СИП подчеркнул, что административная процедура оспаривания продления срока евразийского патента, предусмотренная правилами ПИ, должна рассматриваться не как обязательная досудебная процедура, препятствующая непосредственному обращению в суд, а альтернативный административный порядок разрешения спора. По этой причине кассационная коллегия пришла к выводу, что соблюдение порядка оспаривания решения ЕАПВ о продлении евразийского патента на территории РФ, предусмотренного ПИ, необязательно. Таким образом, президиум СИП констатировал наличие у суда первой инстанции компетенции по рассмотрению требования о признании незаконным продления срока действия евразийского патента на территории государства-участника ЕАПК как спора, связанного с предоставлением или прекращением правовой охраны объектам промышленной собственности [Четвертакова 2023:83-100].

Это конкретное дело примечательно еще и тем, что президиум СИП обратился к опыту толкования и применения норм евразийского патентного права в других странах ЕАПК. Для этого СИП направил запрос в Министерство иностранных дел РФ (далее – МИД России) как органа, в чью компетенцию входит толкование международных договоров. Министерство, в свою очередь, запросило мнения компетентных органов государств – участников ЕАПК по вопросу о порядке оспаривания продления евразийского патента в этих странах. По результатам изучения ответов, поступивших от нескольких государств, российское внешнеполитическое

¹⁰ См. подробнее: Практика Суда по интеллектуальным правам служит модельными кейсами для многих стран Евразии. 22.09.2023. URL: <https://www.eapo.org/eapv-news/praktika-suda-po-intellektualnym-pravam-sluzhit-modelnymi-kejsami-dlya-mnogih-stran-evrazii/> (дата обращения: 25.06.2025).

ведомство подготовило в адрес СИП справку, в которой были обобщены и приведены позиции отдельных стран ЕАПК по вопросу о порядке оспаривания продления евразийского патента. При этом, как следует из судебного акта, позиции государств – участников ЕАПК по обозначенному вопросу оказались неединообразными.

В другом деле № СИП-664/2018 предметом проверки стало решение Роспатента о признании недействительным на территории РФ евразийского патента по изобретению, интервал значений дозы которого составляет часть интервала этих значений в прототипе, известного из уровня техники. Это дело показывает противоположные подходы ЕАПВ, выдавшего евразийский патент, и Роспатента, принявшего решение о признании евразийского патента недействительным на территории РФ, к вопросу охраноспособности изобретения, чьи признаки формулы изобретения выражены по принципу «уже-шире» [Назина 2021:24-35].

Так, по мнению ЕАПВ, сравниваемые признаки не могут считаться идентичными, если они обладают характеристиками, которые соотносятся друг с другом по принципу «уже – шире», поскольку заявленное изобретение обеспечивало достижение неочевидного (нового) технического результата [Игнатов, Серова 2020:40-42]. Роспатент, в свою очередь, посчитал, что в рамках совпадающего интервала технические решения следует признать идентичными, что свидетельствует об отсутствии новизны охраняемого изобретения по принципу «уже – шире». Суд по интеллектуальным правам, рассматривая это дело в кассационном порядке, поддержал решение Роспатента, отметив при этом отсутствие в практике государств – участников ЕАПК случаев признания патентоспособным изобретения, сопоставленного с известным техническим решением по принципу «уже – шире»¹¹.

Еще один пример разных подходов к вопросу об охраноспособности отдельных видов изобретений следует из судебных актов по делу № СИП-384/2023, в котором предметом судебной проверки стало решение Роспатента о признании евразийского патента недействительным на территории РФ. Суд первой инстанции поддержал решение национального патентного ведомства, сославшись на сложившийся в российской судебной практике подход к определению новизны

изобретения в случае соотношения значения его параметра с аналогичным параметром прототипа по принципу «уже – шире». Суд первой инстанции отметил, что вследствие гармонизации национального патентного законодательства, применяемого при проведении экспертизы заявок на изобретения, с нормами евразийского патентного законодательства подходы к определению новизны изобретения должны быть аналогичными. Руководствуясь этой позицией, суд первой инстанции сослался на принцип «уже – шире», ранее разработанный Верховным Судом Российской Федерации при анализе вопроса о соответствии условию патентоспособности «новизны» патента РФ (национального патента) на изобретение применялось российское законодательство [Робинов 2010:100-101].

В свою очередь, президиум СИП признал такой подход несоответствующим нормам евразийского патентного законодательства и основанной на нем методологии проверки соответствия патентуемого изобретения требованию новизны. Кассационная инстанция СИП согласилась с позицией обладателя оспоренного евразийского патента, что согласно общепринятому подходу к оценке новизны изобретений общее раскрытие не порочит частное. В судебном акте кассационной инстанции подчеркивается, что в соответствии с нормами евразийского патентного законодательства для отрицания новизны требуется идентичность всех сравниваемых признаков, тогда как российскому законодательству присущи более общие формулировки, не включающие требование идентичности признаков. Наконец, президиум СИП обратил внимание, что суд первой инстанции сослался на подход, сформулированный судебным актом высшей судебной инстанции по спору, предметом рассмотрения которого было техническое решение, охраняемое российским (национальным) патентом, в то время как евразийское патентное законодательство содержит более строгие формулировки.

В целом практику СИП по спорам в отношении евразийских патентов пока нельзя назвать сформированной или устойчивой. Однако, безусловно, практика СИП имеет важное значение в процессе формирования подходов соотношения норм евразийского патентного права и национального патентного законодательства.

¹¹ Постановление Президиума СИП от 8 июля 2020 г. по делу № СИП-664/2018.

Есть основания согласиться с тезисом, следующим из высказывания руководства ЕАПВ, что практика СИП имеет или, по крайней мере, может иметь важное значение в гармонизации подходов к рассмотрению споров по евразийским патентам в странах ЕАПК.

Так, опираясь в некоторых делах на практику толкования и применения норм евразийского патентного законодательства в государствах – участниках ЕАПК, СИП тем самым подчеркивает важность применения единообразных подходов в процессе разрешения споров по евразийским патентам. Это, по сути, представляет собой проявление судебным органом формы «судебного сотрудничества» (judicial cooperation) или «судейского диалога» (judicial dialogue). Подобные механизмы известны и распространены среди национальных судов стран ЕС, которые, рассматривая споры по европейским патентам, при необходимости ссылаются и опираются на судебные решения своих иностранных коллег, объясняя это важностью единообразного применения правил там, где это необходимо ввиду отсутствия общего патентного суда среди стран ЕАПК и Европейского союза [Walsh 2025:408-440]. В целом СИП при разрешении тех или иных спорных вопросов также ссылается на иностранную судебную практику. Так, СИП в обоснование своих решений ссылался на решения судов европейских стран (дело № СИП-1027/2020) или Суда Европейского союза (дело № СИП-740/2018). В ранее рассмотренном деле № СИП-384/2023 СИП ссылался на практику апелляционных палат Европейского патентного ведомства (ЕПВ).

Однако в полной мере механизмы «судебного сотрудничества» или «судейского диалога» в той форме, в которой они применяются европейскими судами [Абдуллин, 2012:97-99] и ЕПВ при рассмотрении споров по европейским патентам, в практике СИП не функционируют. В своих решениях по делам, рассмотренным выше, СИП опирается на практику

разрешения в государствах – участниках ЕАПК спорных вопросов, приведенную в информационной справке государственного органа, подготовленной на запрос президиума СИП оказать содействие в уяснении действительной воли государств, подписавших ЕАПК и ПИ. Вероятно, отсутствие непосредственных (прямых) ссылок на практику судов и иных компетентных органов государств – участников ЕАПК объясняется небольшим количеством споров по евразийским патентам в этих странах, а также отсутствием информационного взаимодействия между судебными и иными компетентными органами стран ЕАПК по подобным вопросам.

4. Тенденции и перспективы развития и совершенствования механизмов разрешения споров по евразийским патентам

Предпосылки для создания ЕАПС начали формироваться в период начала распада СССР. Впервые о создании Единого патентного суда было заявлено в Принципах организации единой патентной системы в рамках Договора об Экономическом союзе¹². Позднее в Протоколе рабочего совещания представителей суверенных государств по формированию принципов временного Соглашения о патентной системе, функционирующей до подписания Межгосударственной конвенции по охране промышленной собственности, была зафиксирована поддержка договаривающихся государств в создании Единого патентного суда в рамках Межгосударственного патентного совета¹³. Во временном соглашении по охране промышленной собственности предусматривалось создание Межгосударственного патентного суда, деятельность которого должна была быть определена отдельным нормативным правовым актом.

Далее, в рамках межгосударственного сотрудничества постсоветских республик в 1993 г. было подписано Соглашение о мерах по охране промышленной собственности

¹² См. подробнее: Письмо В.И. Блиникова Заместителю Руководителя Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР т. Г.А. Явлинскому (04.10.91 г. 13/2-360/33) с проектом Принципов организации единой патентной системы в рамках Договора об Экономическом союзе. URL: eapo.org/wp-content/uploads/2023/04/1991_pism_004.pdf (дата обращения: 25.06.2025).

¹³ Протокол рабочего совещания представителей суверенных государств по формированию принципов временного Соглашения о патентной системе, функционирующей до подписания Межгосударственной конвенции по охране промышленной собственности (Москва, 9–10 октября 1991 г.). URL: eapo.org/wpcontent/uploads/2023/04/1991_prot_005.pdf (дата обращения: 25.06.2025).

и создании Межгосударственного совета по вопросам охраны промышленной собственности. Этим международным соглашением предусматривалась разработка Конвенции по охране промышленной собственности. Отмечается, что первоначальный проект такой конвенции предусматривал «правовую охрану основных объектов промышленной собственности (изобретений, промышленных образцов и товарных знаков), а также создание Единого патентного суда» [Еременко 2023:4-5]. Однако в качестве первого этапа было предложено подготовить проект патентной конвенции по охране изобретений, а по другим объектам промышленной собственности (промышленные образцы и товарные знаки) было решено разработать предложения об их правовой охране в рамках отдельных международных соглашений¹⁴. В результате была разработана и принята ЕАПК, которая вступила в силу в 1995 г.

Евразийская патентная конвенция закрепляет процедуру и условия выдачи евразийского патента на изобретение, однако не предусматривает каких-либо специальных механизмов разрешения споров по евразийским патентам, но относит такие споры к компетенции национальных юрисдикций. С момента начала функционирования ЕАПС государства – участники ЕАПК так и не возвращались к вопросу о создании Единого патентного суда. Позиция самой ЕАПО по вопросу создания Единого патентного суда в рамках ЕАПС на протяжении длительного времени представлялась достаточно сдержанной [Григорьев 2007:10]¹⁵ или порой скептической¹⁶. Однако недавно вопросы совершенствования системы разрешения споров в рамках ЕАПС, и Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) особенно, посредством создания специализированного наднационального судебного

органа нашли свое место в текущей повестке евразийской региональной патентной интеграции [Ивлиев 2024б:23].

В соответствии с Программой развития ЕАПО одним из направлений деятельности этой региональной международной организации является развитие евразийской системы разрешения споров¹⁷. В программном документе указывается, что сложившаяся система рассмотрения споров по евразийским патентам имеет асимметричный и фрагментарный характер, решения национальных патентных ведомств могут быть оспорены в судебном порядке, тогда как решения ЕАПВ обжалованию не подлежат (например, отказ в выдаче евразийского патента). При этом процессуальный порядок рассмотрения споров по евразийским патентам устанавливается национальным законодательством, а основания для признания евразийского патента недействительным или нарушенным – нормативными правовыми актами евразийского патентного законодательства. Таким образом, свойственный евразийскому патенту единый характер может быть обеспечен только наличием централизованной наднациональной судебной юрисдикции, обладающей исключительной компетенцией по рассмотрению и разрешению патентных споров¹⁸. Иными словами, предложение заключается в создании евразийского патентного суда как наднационального судебного органа в рамках ЕАПО или ЕАЭС.

При этом важно отметить, что это предложение выдвинуто с учетом возможного расширения круга объектов, охраняемых в рамках ЕАПС, как одного из направлений развития, обозначенных в Программе развития ЕАПО, ведь еще в 2019 г. в рамках ЕАПК был подписан Протокол об охране промышленных образцов (вступил в силу в 2021 г.), в отношении которых

¹⁴ История Евразийской патентной организации. См. подробнее на сайте ЕАПО: <https://www.eapo.org/o-eapo/istoriya-evrazijskoj-patentnoj-organizaczii/1-istoriya-sozdaniya-evrazijskoj-patentnoj-organizaczii/#ref1> (дата обращения: 25.06.2025).

¹⁵ Так, в одной из своих статей публикаций второй президент ЕАПВ А. Н. Григорьева утверждал, что «роль региональных патентных ведомств в создании и реформировании судебной системы разрешения споров не является определяющей и не может быть таковой», и обозначил лишь готовность возглавляемого им ведомства принять «активное участие» в этой сложной работе при условии заинтересованности в этом государств – участников ЕАПК. См. подробнее: [Григорьев 2007:10].

¹⁶ В РСПП не одобрили предложения Роспатента по модернизации евразийской патентной системы. URL: <https://rspp.ru/events/news/v-rspp-ne-odobrili-predlozheniya-rospatenta-po-modernizatsii-evraziyskoj-patentnoy-sistemy-60179a8c5254e/> (дата обращения: 25.06.2025).

¹⁷ Программа развития Евразийской патентной организации, утв. на сорок втором (тринадцатом внеочередном) заседании Административного совета Евразийской патентной организации 18 мая 2023 г.

¹⁸ Там же.

также предусмотрена выдача евразийского патента. Программой развития ЕАПО предлагается создание в рамках ЕАПО евразийской системы правовой охраны товарных знаков и полезных моделей (т.е., по сути, введение «единого евразийского» товарного знака и «единой» полезной модели). Однако реальные перспективы реализации предложения по расширению перечня объектов, охраняемых в рамках ЕАПС, пока непонятны. Тем не менее с учетом намеченного плана по централизации правовой охраны «евразийских» объектов интеллектуальной собственности в рамках ЕАПО совершенствование механизмов разрешения споров представляется обоснованным.

Вместе с тем в научной и экспертной среде высказывается мнение, что создание отдельного специализированного судебного органа для осуществления функций судебного контроля за порядком выдачи евразийского патента может оказаться на данном этапе нецелесообразным из-за, вероятно, небольшого количества споров и затруднительным из-за возможных разночтений среди государств – участников ЕАПК, среди которых не только страны, входящие в состав ЕАЭС, но и члены СНГ [Мысливский 2023:119-120]. В связи с этим предлагается отнести дела об оспаривании выдачи евразийского патента к компетенции Суда ЕАЭС [Мысливский 2023:119-120]. В целом такое предложение не лишено оснований при условии наделения Суда ЕАЭС несколько более широкой компетенцией по рассмотрению споров об оспаривании решений ЕАПВ не только о выдаче, но и об отказе в выдаче евразийского патента¹⁹ или решений о продлении или об отказе в продлении действия евразийского патента. Однако в любом случае такое предложение нуждается в существенной проработке, поскольку в силу технической специфики существа подобных споров требуется привлечение специалистов в соответствующей области техники и наличие в составе судейского корпуса судьи с техническим образованием для понимания сути дела и его правильного разрешения.

5. Заключение и выводы

Проведенное исследование выявляет ряд проблем, связанных с применением норм ЕАПК и ПИ в процессе разрешения споров по евразийским патентам.

Во-первых, правовое регулирование отношений по поводу евразийского патента характеризуется разноуровневым характером [Крупко 2018:205]: материально-правовые аспекты (содержание права, предоставляемого евразийским патентом, критерии охраноспособности, основания для признания евразийского патента недействительным, перечень действий, составляющих нарушение евразийского патента) преимущественно унифицированы и определены нормами ЕАПК и ПИ. В то же время процедурные и процессуальные аспекты защиты прав, складывающихся по поводу евразийского патента, регулируются исключительно нормами национального права государств – участников ЕАПК, что следует из содержания ст. 13(2) ЕАПК.

Во-вторых, в отсутствие среди государств – участников ЕАПК механизмов, обеспечивающих единообразное применение норм евразийского патентного законодательства, такое разноуровневое правовое регулирование создает риски фрагментации национальной правоприменительной практики разрешения споров по евразийским патентам [Синицын 2022:76-77]. При этом если фрагментация правоприменительной практики по вопросам, которые регулируются нормами национального права, представляется объяснимой, то в случае с нормами евразийского патентного законодательства, имеющими унифицированный характер, разумно ожидать единообразный подход к их толкованию и применению вне зависимости от национальной юрисдикции, где рассматривается спор по евразийскому патенту.

В-третьих, тенденции единообразного толкования и применения норм ЕАПК и ПИ в странах ЕАПК не наблюдаются, особенно если это касается разрешения вопросов, имеющих

¹⁹ В силу действующего правового регулирования именно отказ ЕАПВ в выдаче евразийского патента не может быть оспорен в судебном порядке.

прецедентный характер. Исследование практики рассмотрения СИП споров по евразийским патентам выявляет возможное наличие среди государств – участников ЕАПК противоречащих подходов к толкованию и применению отдельных норм ЕАПК и ПИ. Вместе с этим, оценивая подходы государств – участников ЕАПК в толковании и применении норм евразийского патентного законодательства, следует принимать во внимание наличие у национальных судебных и иных компетентных органов этих стран соответствующей практики рассмотрения дел с разрешением вопросов прецедентного характера. С учетом статистики ЕАПВ, из которой следует доминирующая роль российской юрисдикции в рассмотрении абсолютного большинства споров по евразийским патентам, представляется, что остальные государства – участники ЕАПК имеют незначительный опыт в практическом применении норм евразийского патентного законодательства.

В-четвертых, вопрос о соотношении норм евразийского патентного законодательства и национального права требует более детальной нормативно-правовой или доктринальной проработки. Обращает на себя внимание формируемый подход СИП, из которого следует, что к спорным отношениям по поводу евразийского патента должны применяться именно нормы ЕАПК и ПИ, поскольку только при таком подходе может быть обеспечено единообразное применение норм евразийского патентного законодательства национальными судебными и другими компетентными органами. Национальное законодательство должно применяться в приоритетном порядке в случаях, когда приоритетное применение норм евразийского патентного законодательства не позволяет субъекту в полной мере реализовать принадлежащие ему основные права, закрепленные нормами национального права, в частности, право на судебную защиту.

В-пятых, с одной стороны, выявленное отсутствие гармонизированных подходов к толкованию и применению норм евразийского патентного законодательства к отношениям прецедентного характера свидетельствует в пользу необходимости формирования предпосылок совершенствования механизмов, обеспечивающих единообразное разрешение споров по евразийским патентам [Синицын, Дьяконова, Багрянская 2021:58]. С другой стороны, обозначенная

асимметрия в правоприменительной практике, проявляющаяся в том, что абсолютное большинство споров по евразийским патентам рассматриваются в российской юрисдикции, оставляет дискуссионным вопрос о создании наднационального специализированного патентного суда в рамках государств – участников ЕАПК. Несмотря на то, что перспективы совершенствования механизмов разрешения споров по евразийским патентам нашли свое место в повестке развития ЕАПО, создание наднационального специализированного патентного суда пока не представляется приоритетным [Чайка 2019:161].

Таким образом, с учетом выявленных в ходе исследования системных проблем могут быть обозначены следующие выводы, которые могут быть приняты во внимание при разработке предложений по совершенствованию механизмов разрешения споров по евразийским патентам.

1. В целях обеспечения единообразного толкования и применения норм евразийского патентного законодательства в процессе рассмотрения споров по евразийским патентам требуется формирование механизмов трансюрисдикционного судебного взаимодействия в форме «судебного сотрудничества» и «судебного диалога». При создании условий, обеспечивающих механизм судебного сотрудничества, может быть принят во внимание опыт европейских судей, которые взаимодействуют между собой непосредственно, ссылаясь на судебные решения друг друга [Khuchua 2019:268-269]. «Судебный диалог» может быть организован на базе проводимых ЕАПО стажировок для специалистов национальных патентных ведомств путем расширения программ. Подобные стажировки позволят обеспечить обмен опытом и мнениями как между национальными судьями, так и между судьями, с одной стороны, и специалистами ЕАПВ, проводящими экспертизу, – с другой.

Кроме этого, трансюрисдикционное судебное взаимодействие может быть оптимизировано с помощью расширения форм информационного взаимодействия судебных органов государств – участников ЕАПК. Цель такого информационного взаимодействия – формирование единой информационной базы судебных решений по результатам рассмотрения споров по евразийским патентам. Представляется, что подобная мера будет способствовать более единообразному применению норм евразийского патентного законодательства и разрешению

спора по евразийскому патенту. Для реализации этой инициативы потребуется заключение соответствующего многостороннего соглашения, предусматривающего механизмы такого информационного взаимодействия между государствами – участниками ЕАПК²⁰.

2. Предложения по созданию евразийского патентного суда как наднационального органа по разрешению споров по евразийским патентам целесообразно разрабатывать с учетом складывающихся тенденций развития правовой охраны объектов промышленной собственности в рамках евразийского региона [Masroof 2021: 229]. В настоящее время круг объектов промышленной собственности, охраняемых в рамках ЕАПС, включает в себя не только изобретения, но и промышленные образцы. Программой развития ЕАПО предусматриваются направления дальнейшего расширения этого перечня за счет товарных знаков и полезной модели. При такой ситуации нагрузка евразийского специализированного суда по рассмотрению споров в сфере объектов промышленной собственности, может быть достаточной, чтобы признать создание такого наднационального судебного органа оправданным и целесообразным. Поэтому на данный момент в условиях небольшого количества и асимметричного распределения споров по евразийским патентам среди государств – участников ЕАПК создание евразийского специализированного суда представляется пока преждевременным и неоправданным, хотя и не теряющим свое актуальное значение [Касьянов, Язбердиев 2024: 54].

3. Предложение по наделению Суда ЕАЭС компетенцией по рассмотрению споров в отношении евразийских патентов должно сопровождаться формированием в этом судебном

учреждении судейского корпуса, судьи которого должны иметь помимо юридического образования достаточный уровень технической квалификации, а также опыт в сфере разрешения патентных споров, или как минимум привлечением к рассмотрению патентного спора специалистов, обладающих специальными знаниями в соответствующей сфере техники, для предоставления судейскому составу консультаций по вопросам, относящимся к предмету охраны евразийским патентом.

4. Практика кассационной инстанции СИП свидетельствует о потребности в телеологическом (целевом) толковании нормативных актов евразийского патентного законодательства. Поэтому в качестве альтернативы создания евразийского специализированного наднационального суда может быть предложено создание квазисудебного органа с компетенцией по предоставлению консультативных заключений по вопросам толкования и применения норм евразийского патентного законодательства. Целью такого квазисудебного экспертного органа можно обозначить содействие единообразному толкованию и применению норм евразийского патентного законодательства и правильному разрешению споров по евразийским патентам. Организационно такой квазисудебный экспертный орган может быть создан как в форме постоянно действующего института или формируемого по принципу *ad hoc* из наиболее авторитетных ученых и практикующих специалистов в области патентного права и международного права. В свою очередь, как постоянно действующее учреждение такой консультативный орган может быть создан как в рамках Суда ЕАЭС, так и за пределами этого института ЕАЭС.

Список литературы

1. Абдуллин А.И. 2012. Механизм взаимодействия Суда ЕС и национальных судов государств-членов в сфере правовой охраны интеллектуальной собственности. – *Вестник Экономики, Права и Социологии*. № 2. С. 97-101.
2. Григорьев А.Н. 2007. Евразийская патентная система – инструмент экономической интеграции на постсоветском пространстве. – *Экономические стратегии*. № 3. С. 6-13.
3. Григорьев А.Н., Еременко В.И. 2012. *Евразийское патентное право: комментарии и нормативные правовые акты*. Москва. 520 с.
4. Еременко В.И. 2009. О спорах, касающихся действительности евразийского патента. – *Изобретательство*. Т. 9. № 7. С. 1-6.
5. Еременко В.И. 2023. К вопросу о перспективах развития евразийской патентной системы. – *ИС. Промышленная собственность*. № 1. С. 4-21.
6. Ивлиев Г.П. 2024а. 30-летие Евразийской патентной конвенции: повод для гордости. – *Журнал «Патенты и лицензии»*. № 9. С. 2-5.

²⁰ В настоящее время известно о соглашении о сотрудничестве в сфере интеллектуальной собственности, подписанной Республикой Беларусь и Российской Федерацией 13 марта 2025 г., но пока не вступившей в силу и ожидающей ратификации национальными парламентами.

7. Ивлиев Г.П. 2024б. Среднесрочные и долгосрочные задачи права в сфере интеллектуальной собственности в Евразийском регионе. – *Журнал российского права*. Т. 28. № 1. С. 18-24. DOI: 10.61205/S160565900029268-8. URL: <https://jr.pjes.su/s1605-65900000622-5-1-ru-149/> (дата обращения: 25.06.2025).
8. Игнатов М.Е., Серова М.А. 2020. Еще раз о селективных изобретениях. – *Патентный поверенный*. № 2. С. 40-42.
9. Касьянов Р.А., Язбердиев И.М. 2024. К пятидесятилетию Европейской патентной конвенции (1973–2023 гг.). – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 44-56. DOI: 10.24833/0869-0049-2024-1-44-56.
10. Крупко С.И. 2018. *Деликтные обязательства в сфере интеллектуальной собственности в международном частном праве*. Москва. 279 с.
11. Мысливский П.П. 2023. Возможные пути развития компетенции Суда Евразийского экономического союза по спорам в сфере защиты интеллектуальной собственности. – *Пермский юридический альманах*. № 6.
12. Назина Е.Е. 2021. Принцип «уже – шире» – общее правило или исключение при оценке условия патентоспособности изобретения «новизна»? – *Патентный поверенный*. № 3. С. 24-35.
13. *Разрешение споров в сфере интеллектуальной собственности в евразийском регионе*. 2024. Под ред. Г.П. Ивлиева, Т.Н. Нешатаевой. Москва. 200 с.
14. Робинов А.А. 2010. Проблемы применения патентного законодательства в практике Верховного Суда РФ. – *Журнал российского права*. № 4 (160). С. 98-104.
15. Синицын С.А. 2022. *Сравнительное патентное право. Актуальные проблемы*. Москва. 416 с.
16. Синицын С.А., Дьяконова М.О., Багрянская П.Д. 2021. Патентные споры: сочетание подходов материального и процессуального права. – *ИС. Промышленная собственность*. № 5. С. 52-61.
17. Чайка К.Л. 2019. Суд интеграционного объединения как международный судебный орган. – *Труды Института государства и права Российской академии наук*. Т. 14. № 3. С. 147-166. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-3-chaika.
18. Четвертакова Е.С. 2023. Суд по интеллектуальным правам: компетенция & компетентность. – *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. Вып. 2 (40). С. 83-100. DOI: 10.58741/23134852_2023_2_83.
19. Khuchua T. 2019. Different “Rules of the Game” – Impact of National Court Systems on Patent Litigation in the EU and the Need for New Perspectives. – *Journal of Intellectual Property, Information Technology and Electronic Commerce Law*. Vol. 10. DOI: 10.1007/s40319-019-00808-x%3E.
20. Walsh K. 2019. Promoting Harmonisation Across the European Patent System Through Judicial Dialogue and Cooperation. – *International Review of Intellectual Property and Competition Law*. Vol. 50. P. 408-440. DOI: 10.1007/s40319-019-00808-x.
21. Ivliev G.P. 2024a. Mechanism of interaction between the Court of Justice of the EU and the national courts of the Member States in the field of legal protection of intellectual property. – *Vestnik Jekonomiki, Prava i Sociologii [Bulletin of Economics, Law and Sociology]*. 2012. № 2. S. 97-101. (In Russ.)
22. Chajka K.L. Sud integracionnogo ob`edineniya kak mezhdunarodny`j sudebny`j organ [Court of Integrative Organization as International Judicial Body]. – *Trudy` Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]*. 2019. Vol. 14. No. 3. S. 147-166. (In Russ.)
23. Chetvertakova E.S. Sud po intellektual'nym pravam: kompetencija & kompetentnost' [Intellectual Property Rights Court: responsibility and competence]. – *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam [Journal of the Intellectual Property Rights Court]*. 2023. Vol. 2 (40). S. 83-100. DOI: 10.58741/23134852_2023_2_83. (In Russ.)
24. Eremenko V.I. K voprosu o perspektivah razvitiya evrazijskoj patentnoj sistemy [On the prospects for the development of the Eurasian patent system]. – *IS. Promyshlennaja sobstvennost' [IP. Industrial property]*. 2023. No. 1. S. 4-21.
25. Eremenko V.I. O sporah, kasajushhihsja dejstvitel'nosti evrazijskogo patenta [On disputes concerning the validity of the Eurasian patent]. – *Izobretatel'stvo [Invention]*. 2009. T. 9. № 7. S. 1-6. (In Russ.)
26. Grigor'ev A.N., Eremenko V.I. *Evrazijskoe Patentnoe Pravo: Kommentarii i normativnye pravovye akty [Eurasian Patent Law: Comments and Legal Acts]*. Moscow. 2012. 520 p. (In Russ.)
27. Grigoryev A.N. Evrazijskaja patentnaja sistema – instrument ekonomicheskoi integracii na postsovetском prostranstve [Eurasian patent system – an instrument of economic integration in the post-soviet area]. – *Ekonomicheskie strategii [Economic strategy]*. 2007. № 3. S. 6-13. (In Russ.)
28. Ignatov M.E., Serova M.A. Eshhe raz o selektivnyh izobretenijah [Once again about selective inventions]. – *Patentnyj poverennyj [Patent Attorney]*. 2020. № 2. P. 40-42. (In Russ.)
29. Ivliev G.P. 2024. 30-letie Evrazijskoj patentnoj konvencii: povod dlja gordosti. [3-th anniversary of the Eurasian patent convention; something to be proud of] – *Zhurnal «Patenty i licenzii» [Journal “Patents and licensees”]*. № 9. S. 2-5 (In Russ.)
30. Ivliev G.P. Srednesrochnye i dolgosrochnye zadachi prava v sfere intellektual'noj sobstvennosti v Evrazijskom regione [Mid-term and long-term challenges of law in the field of intellectual property in Eurasian region]. – *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian law]*. 2024. T. 28. No. 1. S. 18-24. DOI: 10.61205/S160565900029268-8. URL: <https://jr.pjes.su/s1605-65900000622-5-1-ru-149/> (data obrashcheniya: 25.06.2025). (In Russ.)
31. Kasjanov R.A., Yazberdiev I.M. To the 50th Anniversary of the European Patent Convention (1973–2023). – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2024. № 1. S. 44-56. DOI: 10.24833/0869-0049-2024-1-44-56.
32. Khuchua T. Different “Rules of the Game” – Impact of National Court Systems on Patent Litigation in the EU and the Need for New Perspectives. – *Journal of Intellectual Property, Information Technology and Electronic Commerce Law*. 2019. Vol. 10. DOI: 10.1007/s40319-019-00808-x%3E.

References

1. Abdullin A.I. Mehanizm vzaimodejstviya Suda ES i nacional'nyh sudov gosudarstv-chlenov v sfere pravo-

13. Krupko S.I. *Deliktne objazatel'stva v sfere intellektual'noj sobstvennosti v mezhdunarodnom chastnom prave [Torts in intellectual property in private international law]*. Moscow. 2018. 279 s. (In Russ.)
14. Myslivskij P.P. Vozmozhnye puti razvitija kompetencii Suda Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza po sporam v sfere zashhity intellektual'noj sobstvennosti [Possible ways to develop the competence of the Court of the Eurasian Economic Union on disputes in the field of intellectual property protection]. – *Permskij juridicheskij al'manah [Perm Law Almanac]*. 2023. № 6. (In Russ.)
15. Nazina E.E. Princip «uzhe – shire» – obshhee pravilo ili iskljuchenie pri ocenke uslovija patentosposobnosti izobretenija «novizna»? [Is the principle of "narrower-wider" a general rule or an exception in assessing the condition of patentability of an invention "novelty"?]. – *Patentnyj poverennyj [Patent Attorney]*. 2021. № 3. S. 24–35. (In Russ.)
16. *Razreshenie sporov v sfere intellektual'noj sobstvennosti v evrazijskom regione [Dispute Resolution in the Eurasian Region]*. Pod red. G.P. Ivliev, T.N. Neshataevoj. Moscow. 2024. 200 p. (In Russ.)
17. Robinov A.A. Problemy primeneniya patentnogo zakonodatel'stva v praktike Verhovnogo Suda RF [Problems of application of patent legislation in the practice of the Supreme Court of the Russian Federation]. – *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2010. No. 4 (160). S. 98–104. (In Russ.)
18. Sinitsyn S.A. *Sravnitel'noe patentnoe pravo. Aktual'nye problemy [Comparative patent law. Current issues]*. Moscow. 2022. 416 s. (In Russ.)
19. Sinitsyn S.A., Dyakonova M.O., Bagryanskaja P.D. Patentnye spory: sochetanie podhodov material'nogo i processual'nogo prava [Patent disputes: a combination of substantive and procedural law approaches.]. – *IS. Promyshlennaja sobstvennost' [IP. Industrial property]*. 2021. No. 5. P. 52–61. (In Russ.)
20. Walsh K. Promoting Harmonisation Across the European Patent System Through Judicial Dialogue and Cooperation. – *International Review of Intellectual Property and Competition Law*. 2019. Vol. 50. P. 408–440. DOI: 10.1007/s40319-019-00808-x.

Информация об авторе**Ихлас Мурадович ЯЗБЕРДИЕВ**

аспирант кафедры интеграционного права и прав человека, юрист, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Вернадского пр-т, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация

ООО «Иванов, Макаров и Партнеры»
Даев пер., д. 20, Москва, 107045, Российская Федерация

yazberdiev_i_m@my.mgimo.ru
ORCID: 0009-0005-3504-8252

About the Author**Ihlas M. YAZBERDIEV**

Postgraduate Student, Department of Integration Law and Human Rights, Attorney, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

Ivanov, Makarov & Partners
20, Daev Lane, Moscow, Russian Federation, 107045

yazberdiev_i_m@my.mgimo.ru
ORCID: 0009-0005-3504-8252